

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА АВГУСТЪ 1915 ГОДА

Мусба

НОВОЕ ВРЕМЯ

30

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14149

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 1-го (14-го) АВГУСТА 1915 ГОДА.

№ 14149

ИЗЪ ВПЕЧАТЛЕНІЙ ЗА ГОДЪ ВОЙНЫ СЪ КАЙЗЕРОМЪ И Н°.

ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВЪ, ОПЕРИРУЮЩИХЪ ВЪ ЕВРОПѢ.—Слѣва направо: 1) ЭНВЕРЪ-паша, 2) турецкій султанъ МАГОМЕТЪ V - «Побѣдитель», 3) фонъ-деръ-ГОЛЬЦЪ-паша, 4) фельдмаршалъ ГИНДЕНБУРГЪ, 5) кронпринцъ ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ II, 6) ВИЛЬГЕЛЬМЪ II, 7) командующій морскими силами Германіи, адмиралъ фонъ-ТИРПИЦЪ, 8) ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.

Кар. Е. С.

Изъ пѣсенъ рабства любви.

Не хотѣть говорить о свободѣ
 мнѣ даки птицы,
 Не хотѣть говорить!
 — «Отъ простора ушедшей за душіи
 стѣны темницы
 Мы не ставемъ свободныя плѣни дарить.
 Выходи на свободу и встань на пути оди-
 ноко.
 Закричи тополямъ придорожнымъ: — «На
 волѣ опять!» —
 И раскроется сердце широко, широко,
 Чтобы и пѣни, и солнце, и волю, и сча-
 стье принять».

Вѣра Рудоль.

Германскій шпіонажъ въ военное время.

Германскіе шпіоны во Франціи.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы описали организацію германскаго шпіонажа въ мирное время. Однако только съ объявленіемъ войны шпіонажъ показалъ себя въ полномъ расцвѣтѣ.

Что сдѣлала вся колоссальная армія лѣсъ на стѣнахъ грубо сдѣланные рисун- ческаго или безпроболожнаго телеграфа шпіоновъ съ объявленіемъ мобилизаціи? ки черныхъ коровъ, немало изумляющіе отправляли подробные рапорты съ почто- Одва часть, — состоящая на военной служ- французскихъ офицеровъ, пока они не выми голубями, наконецъ, просто перехо- бы, — носилъ на родину стать подъ убѣдили, попасть нѣсколько разъ въ ло- дили боевую линію въ моменты затишья и передавали донесенія своимъ соплемен- знамена, остальные, извѣстны хоть какія иушку, что имѣють дѣло не съ безхитро- бы то ни было права, напримѣръ, на ными художественными произведеніями никамъ. деревенскихъ мальчугановъ, а съ сигнала- мѣ шпіоновъ. Коровы были трехъ размѣ- восточку Франціи совершался подъ зор- роровъ: маленькія, среднія и большія. Однѣ кимъ взглядомъ шпіоновъ и были немед- чествениковъ. лежно сообщаемъ ими германскому штабу Война дала тысячи примѣровъ этого рода, предусмотрѣть которые являлось совершенно невозможнымъ. Поворотъ головы коровы указывалъ опас- ное направленіе, а размѣры ея — числен- ность отрядовъ, охраняющихъ данную до- рогу. Голова, поднятая вверхъ, указывала на необходимость произвести развѣдку, прежде чѣмъ двинуться дальше. Оставшіеся на французской территоріи шпіоны продолжали неутомительно слу- жить своей странѣ, обезопасивъ себя фла- гомъ нейтральной или дружественной націи.

По примѣру бродягъ, отмѣчающихъ на стѣнахъ сельскихъ жилищъ грубыми ри- сунками углемъ разныя полезныя свѣ- дѣнія для своихъ собратьевъ — герман- скіе шпіоны пользовались этимъ же спо- собомъ, чтобы указать количество войскъ сестрами милосердія, встрѣчали поѣзда ра- неныхъ и собирали цѣнныя свѣдѣнія о расположеніи войскъ; мнимые Эльзасцы. На помощь Нѣмцамъ пылалась ихъ со- служашіе на фермахъ, сигнализировали отечественница, служившая уже въ то- вѣсьмъ дорогамъ Соммы и Уазы красова- германскимъ войскамъ при помощи опти- ченіе 17 лѣтъ на одной фермѣ и считав-

шанса хозяевами за родную. Она указала разбродившей небольшой местный в олимпийском имении, о существовании которого Нёмцы и не подозревали.

Из небольшого села в 4-х километрах от Моранжа Французы вывели германский отряд. При входе в село их встрянул почтенный старик море и заявил, что все Нёмцы покинули местечко. Он проводил их в обширный двор и предложил им закусить, но только лишь солдаты поставили ружья в козлы, как раздалась энергичная стрельба: в амбразуры стёклы стрельки Нёмцы, и их капитаном оказался привставший море, переодетый с целью поймать Французов в ловушку.

Морис Барресс приводит следующий случай, характеризующий изобретательность Германцев в деле сигнализации. У С.-Кентеш часовой был несколько изменён странным поведением крестьянина, хозяина фермы, где располагался отряд. Он вытащил на поляну около 30 мѣшков с картофелем и принялся перекаладывать их с мѣста на мѣсто. Уложив их в ряд, он удалился, затем, вернувшись через час и боязливо озираясь по сторонам, он разбросал их в виде буквы «V». Заинтересованный часовой начал следить за всем окружающим и установил вскоре странное явление: каждое перемещение мѣшков совпадало с появлением германского «таубе», описывавшего два-три круга над поляной и исчезающего на горизонте. На допрос крестьянина сознался, что он шпион, и был расстрелян.

Любопытно также употребление Красного Креста в качестве сигнала. В Лоркен (Лотарингия) был пойман цѣлый отряд шпионов, сигнализировавших подобным путем. Вблизи города находилось убежище для умалишенных. Когда Германцы эвакуировали город, весь медицинский персонал покинул лечебницу, но больные были оставлены под надзором трех служителей. Французам не пришло в голову заподозрить здесь какую бы то ни было махинацию, но на всякий случай, после обыска, у ворот были оставлены часовые. Они донесли вскоре о подозрительных явлениях: больные занимались странными развлечениями, тем более непонятными, что, казалось, все они были охвачены одной идеей fixe: игрой в флаги Красного Креста. Один разстилал флаг на лужайке, часто мѣняя его положение, другие становились с флагами в руках, точно на часах, у разных деревьев парка, третьи наконец вѣшали свои флаги на терасе... А над парком почти безпрестанно кружились германские «таубе», хотя это мѣсто не представляло для них никакого стратегического интереса. Французы поторопились эвакуировать все население лечебницы вглубь Франции.

В окрестностях Арраса нѣмецкая батарея проявила изумительную точность стрельбы. Французы послали разведчиков осматривать окрестности, и они набрали в уединенной ферме на странную картину. Среди грохота канонады почтенная старушка спокойно сидела у прялки и неустанно прала. При появлении солдат она встала с мѣста, и в то же мгновение резко хлопнула ставень в верхнем этаже. Старушка оказалась переодетым шпионом, а прялка соединилась проволокой со ставнем; открывая и закрывая его через определенные промежутки времени, можно было вполноту сигнализировать германским войскам.

У Нанси на Мерте и у Фруари были найдены в рѣкѣ бутылки с донесениями шпионов, отправлявшиеся по течению рѣки. Пришлось вылавливать их при помощи рыболовных сѣтей.

Мы уже не говорим о сложной системѣ подземного телеграфа, проведенного в мѣдном осемя вѣсь тросами по радиусам. Нёмцы поумело воспользовались

им в своем первом наступлении на Францию.

Столь же остроумно и целесообразно был использован и беспроводный телеграф. Только после объявления войны выяснилась истинная подкладка крайней любезности германских инженеров, предлагавших мѣстным помѣщикам устроить им в домѣ телеграф Маркони — совершенно *бесвозмездно*: «для того, чтобы свѣрить часы по Эйфелевой башнѣ...»

Обязан любезности быть в этом отношении инженер Лейбер в Нанси, директор одной из германских фабрик. В его домѣ была обнаружена весьма сильная станция радиотелеграфа. Впрочем, в Нанси не было ни одного квартала, где бы после обыска не были найдены тщательно замаскированные станции беспроводного телеграфа.

При бомбардировкѣ Нанси нѣмцы пользовались не только эти приспособления, но также в значительной мѣрѣ и электрическую сигнализацию. 7—9 сентября прошлого года жители Нанси сразу почувствовали недоброе, когда вечером на террасах, карнизах и крышах домов начали вспыхивать безпрестанно разноцветные электрические огни.

Это походило на какую-то таинственную и феерическую иллюминацию! А ночью 9 сентября зрѣлище это достигло высшей точки напряжения. Не будучи так сильно тревога горожан, можно было бы залобоваться им. Над городом разразилась гроза, и къ ярким вспышкам молнии присоединились вспышки ракет, взлетавших под обложное тучами небо, и безчисленные огоньки сигналов, охвативших почти весь город. А на следующее утро город оказался под яростным обстрелом Германцев.

Германский шпионаж в Бельгии.

По германскому плану войны Франция была обречена на немедленное выбитие из рядов сражающихся путем макинского патиска. Вот почему шпионаж нашел себе самое широкое применение и распространение на французской территории. Однако и другие страны не избежали общей участи захвата въ шпионажную сѣть.

На первом плане после Франции въ заботах германского штаба стояла Бельгия. Известно, что мысль о нарушении ея нейтралитета не созрѣла у Германцев внезапно, а была всесторонне и издана обдумана. Теперь уже выяснилось, что все Германцы в Бельгии — а численность их доходила до весьма почтенной цифры — являлись шпионами. Одни шпионили безвозмездно, помыкая чувству патристического дилетантизма, другие состояли на жалованьи, доходившем до сотен тысяч марок в год.

Примеры в этом направлении давали такие обеспеченные лица, как генеральный консул Германии в Антверпенѣ и предводитель компании «Гамбург — Америка». Кстати, оба эти лица тратили на приемы суммы, въ 10 раз превышавшие их годовую заработок. Кто давал им эти оредства? Нѣрѣдко были случаи браков бельгийских аристократов с Нѣмками, и при этом совершенно незамѣтно весь служебный персонал дома замѣнялся Нѣмцами под кротким влиянием молодой жены. Во всѣх таких домах были впоследствии обнаружены приборы радиотелеграфа в мансардах — помѣщеніях слуг.

Антверпен подвергся въ сущности еще до войны мирному завоеванию и стал вполнѣ нѣмецким городом.

Вя почти торговля, все морскія предприятия были сосредоточены в руках Нѣмцев.

Трудно даже учесть все то количество радиотелеграфных станций, тайно установленных въ различных этажах домов, запятых Германцами!

Видно, что не все. В Брюссель въ

домѣ, приглаголемъ къ зданию французского посольства, был установлен любопытный прибор, — такъ называемый мартинграф. Онъ состоялъ из весьма чувствительной мембраны, къ которой былъ прикреплена особая приемникъ.

Достаточно прикоснуться эту мембрану къ отверстию въ стѣнѣ, а приемникъ прижать къ уху, чтобы отчетливо слышать все, что говорится за стѣною, даже если разговор ведется вполголоса.

Бельгийцы съ нѣкоторой тревогой и большимъ недоумѣниемъ наблюдали еще до войны за изумительнымъ расцвѣтомъ германскихъ торговыхъ и промышленныхъ предприятий въ ихъ странѣ. Насколько расцвѣтъ былъ германский шпионажъ в Бельгии, не трудно указать, обратившись къ официальнымъ цифрамъ. Такъ, 12 августа (31 июля) прошло года въ Брюссель судили 3,000 германскихъ шпионовъ. Среди нихъ были слуги, бонды, бой-скаути и даже германскіе офицеры, переодѣтые въ бельгийскую форму.

А сколько ихъ попало подъ суль въ другихъ городахъ Бельгии!

Среди арестованныхъ было даже два короля. Одинъ изъ нихъ оказался мѣромъ германскаго курорта, а другой — германскимъ консуломъ. Только случай помогъ открыть ихъ инкогнито. Встрѣтившись священникъ заговорить съ ними по-латыни, но деево-коре не могли отвѣтить на слова, не зная языка Вермалія.

Съ тѣхъ поръ, во избежаніе повторенія подобнаго маскарада, бельгийскіе короли установили при встрѣчѣ обмѣнъ условными фразами по-латыни.

Съ объявленіемъ войны Бельгийцы убѣдились съ ужасомъ, что шпионажъ заполнилъ всю страну. При осадѣ Намюра бельгийскій генеральный штабъ перехватилъ маркониграмму, отправленную въ осажденный городъ. Въ ней Германцы запрашивали шпиона о мѣстѣ расположенія аэродрома. Разумѣется, Бельгийцы поторопились перенести его въ другое мѣсто. Брюссельскій адвокатъ Фернандъ Кювелье приводитъ слѣдующій любопытный случай, объясняющій, что Германцы заранее намѣрены были обложить Антверпенъ.

На правомъ берегу рѣки Эско, между Гандомъ и Термондъ, находится селеніе Шунерде. У самаго моста были сооружены 2 германскихъ завода. Оба они являлись основательную бетонную набережную, захватывавшую даже часть русла рѣки. Въ серединѣ сентября охрана моста была доверена Кювелье, и онъ произвелъ обыскъ на заводахъ. Здесь онъ нашелъ весьма любопытныя бумаги. Во-первыхъ, выяснилось, что бывший директоръ завода былъ офицеромъ германской арміи, затѣмъ найдено было много плановъ, кроки мѣстности, а въ заводѣ хранились поитоны для сооружения мостовъ. Кювелье запросилъ свое правительство, прося разрешенія уничтожить весь этотъ повтонный материалъ. Но до получения отвѣта Германцы появились въ Шунерде, и Бельгийцамъ удалось только взорвать, отступая, постоянный мостъ, который Германцами былъ быстро найденъ при помощи открытых Кювелье на заводѣ материаловъ.

Германский шпионаж в Англии.

Въ Англии, хотя война съ нею и не входила въ расчеты Нѣмцевъ, шпионажъ былъ также поставленъ на очень широкій началахъ.

Въ Лондонѣ находилось до 70,000 Нѣмцевъ, другими словами — шпионовъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Въ началѣ войны эти шпионы дѣлали попытки взрывать мосты на Темзѣ, отравлять воду, убивать часовыхъ у арсеналовъ. Къ сентябрю, по словамъ «Daily Mail», было арестовано до тысячи шпионовъ.

Когда Французы наши и обнародовали техническія усовершенствованія шпионскаго дѣла, Англичане начали про-

изводить и у себя разведочныя въ этомъ направленіи.

Выяснилось, что повсюду въ стратегическихъ узлахъ были сооружены германскіе заводы съ бетонными площадками, станціи радиотелеграфа, площадки для спуска аэроплановъ и дирижаблей, склады различныхъ материаловъ и военныхъ припасовъ.

Такъ, на заводѣ братьевъ Предеръ, въ предместьѣ Лондона у узла желѣзной дороги, открыты были плоскія крыши съ мѣстами для установки пулеметовъ и пушекъ малаго калибра. Отсюда легко было обстрѣливать всю сѣверо-западную часть Лондона. Крыша была сбита изъ бетона толщиной отъ 3—4 футовъ.

Въ Ливерпулѣ начальникъ санитарнаго отряда открылъ случайно станцію радиотелеграфа въ... трубѣ одного изъ осмотровыхъ имъ зданій!

Въ Эдинбургѣ на германскомъ заводѣ, господствовавшемъ надъ городомъ, портомъ и мостомъ черезъ Фортъ, были найдены бетонныя платформы, предназначавшіяся для тяжелыхъ орудій.

Въ сентябрѣ вопросъ о шпионажѣ былъ поднятъ въ англійскомъ парламентахъ. Въ горячей рѣчи лордъ Бересфордъ очертилъ успѣхи германскаго шпионажа въ странѣ и требовалъ отъ правительства примѣненія крайнихъ и суровыхъ мѣръ для пресѣченія этого зла.

Парламентъ не переставалъ вести ожесточенную кампанію противъ Нѣмцевъ въ Англии. Насколько это было правильно, подтверждается тѣмъ, что Германцы продолжали получать точныя справки о всѣхъ передвиженіяхъ англійскихъ эскадръ.

Когда крейсеръ «Венеробль» вышелъ въ море для обстрѣла Ньюпорта, то уже черезъ полчаса германскія миноноски отравились всплѣть за нимъ. Кто успѣлъ предупредить Нѣмцевъ за такое короткое время?

Германский шпионаж в нейтральных странах.

Нейтральныя страны тоже не избежали этого мирового бича — германскаго шпионажа. Въ Швейцаріи, главнымъ образомъ въ Базелѣ, находящемся всего въ 2-хъ километрахъ отъ границы, больше всего шпионовъ. Въ началѣ кампаніи, при движеніи Французовъ на Мюлузу, германскіе офицеры ждали сигналовъ своихъ шпионовъ въ 200 метрахъ отъ границы. Черезъ Базель много Германцевъ-шпионовъ пробралось во Францію съ швейцарскими паспортами, и швейцарское правительство принуждено было прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, чтобы остановить этотъ потокъ же-Швейцарцевъ туристовъ.

4 (17) декабря въ Женевѣ судили шпиона Юлія Мейера, состоявшего на службѣ въ одномъ агентствѣ. Онъ успѣлъ сдѣлать 10 побѣдокъ въ Ланжъ, Лионѣ и Дижонѣ. При немъ нашли обширную корреспонденцію на нѣмецкомъ языкѣ, съ указаніемъ номенклатуры территориальныхъ войскъ. Среди бумагъ находились также и ключъ шифра, давшій возможность расшифровать приготовленную къ отправкѣ депешу, гласившую: «Мы отправляемъ все необходимое для взрыва, указанного въ приказѣ № 51».

Въ январѣ, въ Женевѣ разбирались новое сенсационное дѣло германскихъ шпионовъ. Выяснилось, что въ Женевѣ было организовано цѣлое агентство шпионажа, гдѣ наши планы французскихъ укрѣпленій и многихъ швейцарскихъ городовъ. Въ числѣ арестованныхъ былъ известный въ Женевѣ докторъ Валандеръ, прожившій въ городѣ около 12 лѣтъ.

Все эти обстоятельства, всплывшія наружу послѣ объявленія войны, показываютъ наглядно, что законы о шпионажѣ въ мирное время нуждаются въ серьезномъ пересмотрѣ.

Ни светлых радостей, ни чистых увлечений
 Не знала я в жизни мертвой и пустой,
 И светлый мир волшебных упоений
 Был для меня заоблачной мечтой.

Когда тускнело золото заката,
 Покрыв багрянцем теплая поля,
 Когда в волнах ночного аромата
 Устойной ласки жаждала земля;

Когда во мгле далекой южной ночи
 В гирляндах звизда кунался небосвод,
 И тлишь нив—длинные и короче—
 Ложались в ряд на гряд зеркальных вод;

Когда луна из дальних стран зенит
 Смотрела в мир, свершая вечный путь,
 И подблуд дерзкого зефира
 Неясной игрой скрывала грудь—

Объявлять и жною, задумчивою лаской,
 Я разгадать старался Божество,
 И жизнь являлась мне таинственною сказкой.

Разказанный впотмахъ, Богъ знаетъ,
 для кого...

Печальный голос отклика не встретит!
 Смотри: горит лазоревый порталъ...
 Тамъ Светлый Духъ... Онъ, только онъ

Зачѣмъ я жилъ, томился и мечталъ...
 К. Свєршанинъ.

Садъ пана Дембинскаго.

I.

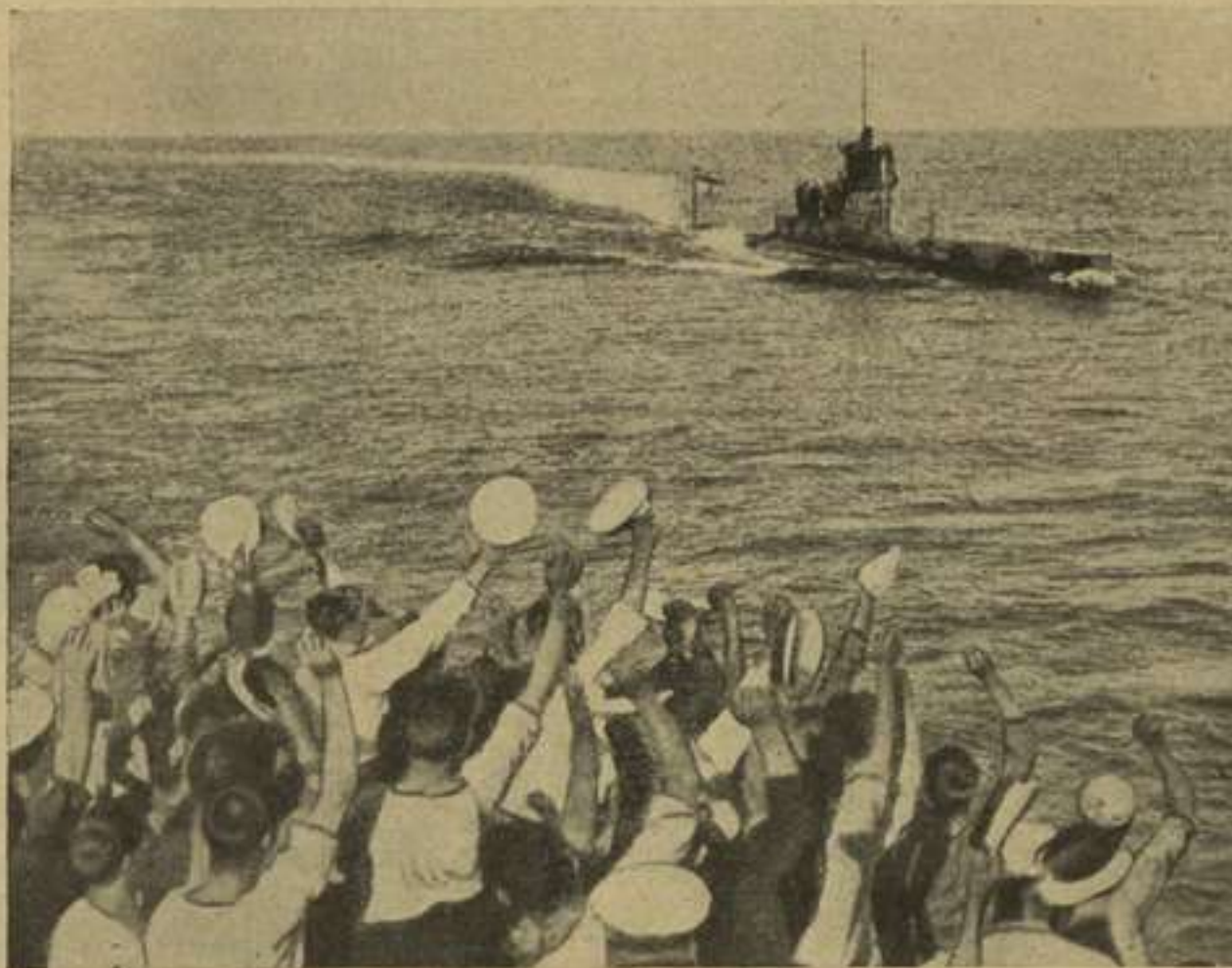
На самой завязной паней окраинѣ, въ 10 верстахъ отъ Прусской границы, среди лѣсовъ, на берегу небольшой рѣчки, расположенъ фольварокъ Дембинки. Фольварокъ этотъ не отличался бы отъ цѣлаго ряда другихъ фольварковъ, если бы не краса и гордость владѣльца Дембинскъ—огромный тѣнистый садъ. Случайный посетитель, появившійся въ садъ, сразу замѣчалъ особенную распланировку его. Представьте себѣ невысокій холмъ, покрытый фруктовыми деревьями. На вершинѣ холма была старая кривая яблоня, недалеко отъ которой росли два многолѣтнихъ дуба.—Чѣмъ же дальше отъ вершины, тѣмъ деревья были моложе и, наконецъ, на окраинѣ были совершенно молоденькія деревца. Владѣлецъ этого фольварка, а вмѣстѣ съ нимъ и сада—панъ Ксаверій Дембинскій. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, сѣдой, какъ лунь, но крѣпкій, какъ дубы, которые растутъ въ его саду. Въ свое время онъ служилъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, но по семейнымъ обстоятельствамъ пришлось сваять блестящій мундиръ и превратиться въ хозяина Дембинскъ, что, однако, не мѣшало ему съ особенною гордостью называть себя «отставнымъ штабсъ-ротмистромъ» и въ разговорѣ употреблять выраженія «у насъ въ кавалеріи», «когда я былъ въ полку» и т. д. Онъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ окончивъ, долго не могъ оправиться отъ понесенной утраты, но потомъ вѣрнымъ успокоился и перенесъ свою любовь и привязанность на единственную дочь, которая осталась отъ матери, имѣя около трехъ лѣтъ. Но годъ за годомъ проходили, и пришлось

Генералъ-майоръ Леонидъ Николаевичъ ГОБЯТО, смертельно раненый ружейной пулей 10 мая, скончался 20 мая. См. ст. на 248 стр.

палу Ксаверію подумать о воспитаніи —
 своей любимой дочери. Какъ ни тяжело, а пообѣждала къ нему Зося.
 все-таки пришлось въ одинъ прекрасный —
 день съ болью въ сердцѣ проститься со ка. Ну, какъ же ты спала? Отдохнула ли
 своей ненаглядной Зосей и отправить ее съ дороги? Вѣдь ли ты довольна?
 въ Варшаву къ родственникамъ, чтобы тѣ —
 помѣстили ее въ одинъ изъ лучшихъ варшавскихъ пансіоновъ. Съ тѣхъ поръ палецъ не рада, что, наконецъ, мы вмѣстѣ, а такъ
 Дембинскій отдалъ все свои досуги любл- какъ ты для меня все, и я люблю тебя, то
 мому саду. На каникулы дочь онъ не брала значить я вѣсьмъ довольна. А те-
 изъ пансіона, боясь, чтобы она не заску- перь, паночка, ты долженъ показать
 чаза безъ подругъ, но за то самъ и вѣ- мнѣ весь нашъ садъ. Вѣдь я же его
 щаль ее очень часто. Разказъ нашъ за- не видѣла съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала въ
 стаетъ пана Дембинскаго утромъ гуляю- Варшаву, а это было такъ давно. Паноч-
 щимъ по дорожкамъ сада и съ тихой ра- ка, тетка Анеля мнѣ говорила, что садъ
 достую поджидающимъ свою милую Зосю. нашъ—не простой садъ, а какой-то запо-
 которая наканунѣ вечеромъ пріѣхала изъ вѣдний. Это правда?
 Варшавы. Зося кончила свое ученье, и те- — Да, мое золото, садъ нашъ очень
 перь панъ Дембинскій былъ несказанно тѣсно связанъ съ нашимъ родомъ. Раньше
 радъ, что они ужъ больше не разстанутъ- тебѣ я объ этомъ не говорилъ, такъ какъ
 ся. Заслышавъ хлопанье двери и шумъ на ты была еще маленькая, но теперь ты,
 вѣрнѣе, панъ Дембинскій догадался, что какъ будущая владѣлица Дембинскъ,
 это идетъ его дочь, и направился ей за- должна узнать все. Лѣтъ двѣсти тому на-
 встрѣчу. задъ нашъ предокъ Янъ Дембинскій ку-

въ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.—ПРИВѢТЬ НЕУСТРАШИМЫМЪ.

Экипажъ крейсера приветствуетъ англійскую подводную лодку Е-11, потопившую восемь непріятельскихъ судовъ въ Мраморномъ морѣ и дошедшую до самаго Константинополя.

пять здѣсь у графа Замоискаго обширную пустошь. Культурной жизни здѣсь совершенно не было, и нужно было заводить все съ начала. Прежде всего онъ приступилъ къ постройкѣ дома и необходимыхъ пристроекъ, а затѣмъ разбилъ здѣсь маленькій садикъ. Вотъ та яблоня, что на вершинѣ холма рядомъ съ двумя дубами, была посажена Яномъ Дембинскимъ. Въ честь же этихъ гигантовъ-дубовъ фольварокъ былъ названъ Дембинками.

Передъ смертью Янъ Дембинскій составилъ завѣщаніе, въ которомъ назначилъ хранителемъ Дембинскъ старшаго своего сына и просилъ съ тѣмъ на вѣчныя времена просить, чтобы старшій въ нашемъ родѣ ни въ какомъ случаѣ не оставлялъ Дембинскъ, и чтобы каждое радостное семейное событіе непременно отмѣчалось посадкой новаго дерева въ нашемъ саду. Такимъ образомъ, изъ маленькаго садика, посаженнаго Яномъ Дембинскимъ, въ настоящее время, какъ видишь, Зося, получила нашъ огромный садъ.

— Паночка, а какія событія отмѣчались посадкой деревьевъ?

— Рожденіе новыхъ членовъ рода Дембинскихъ, женитбы и замужества, первая исповѣдь и т. д. Причемъ дерево, соответствующее дню рожденія, именовалось именемъ своего ровесника.

— Значить, есть и мое дерево?

— Конечно, есть. Вонъ тамъ въ углу яблоня «портго»—твое дерево.

— Въ такомъ случаѣ, идемъ скорѣе туда, паночка, такъ какъ я должна по- здороваться со своей сверстницей.

И они дружно рука объ руку направилась въ уголокъ сада. Подошли къ яблонѣ, густо покрытой дозревающими фруктами, Зося бросилась къ ней, обхватила ее руками и, прижавшись къ ней, воскликнула:

— Здравствуй, милая яблоня! Вотъ и я къ тебѣ пріѣхала; теперь я тебя и паночку не оставлю.

Панъ Дембинскій съ улыбкой смотрѣлъ на этотъ восторженный порывъ, и безконечная радость и гордость свѣтились въ его глазахъ.

— Ну, а теперь я тебѣ долженъ закончить разказъ о нашемъ садѣ. По завѣщанію того же Яна Дембинскаго весь доходъ, получаемый съ нашихъ именныхъ деревьевъ, долженъ идти на бѣдныхъ. До настоящаго времени все завѣщаніе соблюдалось строго; въ этомъ году нашъ садъ заарендовалъ Ицка съ Мосцинекъ. Бѣтати, я жду его сегодня.

Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ во дворѣ послышался стукъ въѣзжающей телеги и черезъ минуту пять на дорожкѣ показалась фигура сѣдого Еврея въ длинномъ засаленномъ лапсердакѣ.

— Добрый день пану Дембинскому, поздравлю пана съ возвращеніемъ къ вамъ паночки. Ой, ой, какъ красива паненка! Ой, какъ себѣ буду смѣяться назъ паномъ получникомъ, котораго я сегодня видѣлъ и котораго уговаривалъ ѣхать вмѣстѣ къ вамъ, но онъ все стѣснялся и боялся помѣшать первой вашей встрѣчѣ, но что онъ отъ перваго раза влюбился, то чтобы я провалъ, если это не будетъ правда.

— Ну, здравствуй, здравствуй, Ицка. Что это долго ты къ намъ не заглядывалъ? Смотри, вонъ уже нѣкоторыя груши созрѣли; пора намъ закончить все наши разговоры, такъ какъ, я думаю, и для тебя это будетъ лучше, и для меня спокойнѣе.

— Ну и что, панъ, такъ спѣшить? Мы же знаемъ одинъ другого уже не первый годъ. Если панъ мнѣ позволитъ, то я черезъ недѣлку къ пану заѣду и мы себѣ съ паномъ все кончимъ.

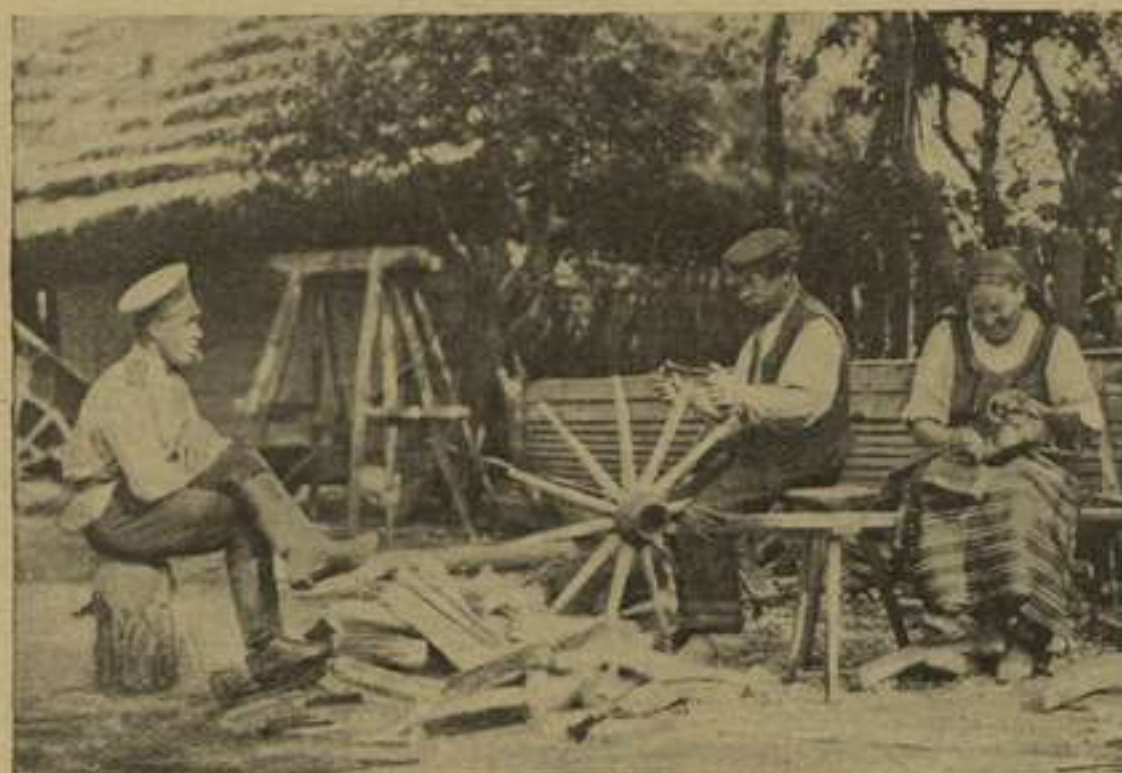
— Какъ, а сегодня развѣ ты не затѣмъ пріѣхалъ?

— Я же говорю пану, чего намъ спѣ-

* «Дубками».

НА ВОЙНѢ.

Разсказъ о томъ, какъ онъ взялъ въ плѣнъ «Нѣмца».

Сейчасъ чай будетъ!

шить! А панъ знаетъ послѣднюю новость?

— Какую?

— Ну, конечно, откуда панъ можетъ знать, вѣдь газеты привозятъ только вечеромъ. Ну, такъ я скажу: австрийскій наслѣдникъ... ой, дай Богъ добру памяти, забылъ какъ его имя.

— Эрцгерцогъ Фердинандъ.

— Ну, вотъ этотъ самый панъ Фердинандъ, такъ онъ, знаете, теперь убитъ.

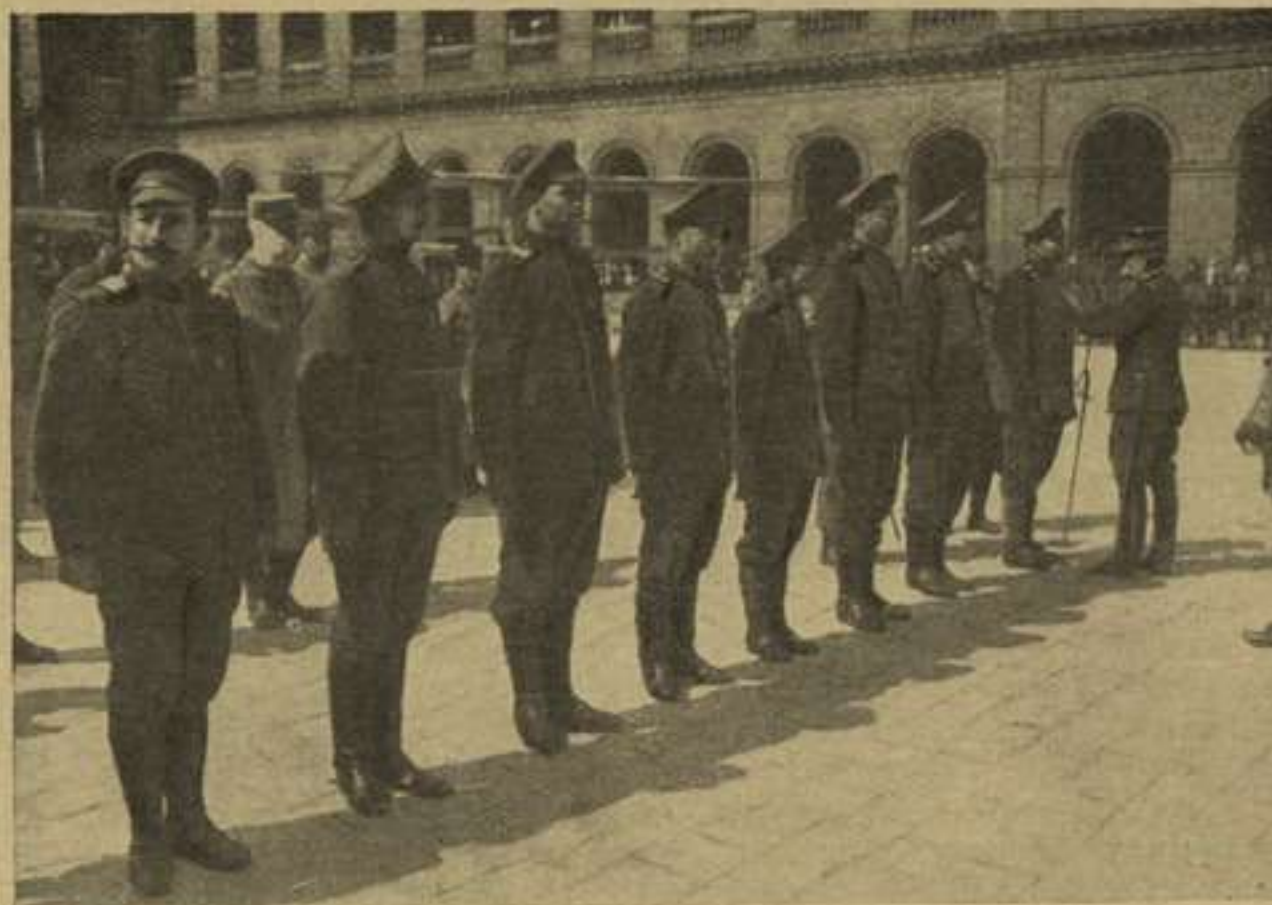
— Какъ убитъ? Кто же его убилъ?

— Ну, вотъ этого такъ ужъ и не знаю. Ну, мнѣ теперь нужно ѣхать въ Розведокъ. И же къ вамъ только такъ по дорогѣ заѣхалъ. Можетъ быть панъ имѣетъ сказать что-нибудь пану поручику?

— Что же съ тобой сдѣлаешь, Ицка? До свиданія. А поручику кланяйся и скажи, чтобы онъ, какъ только будетъ свободенъ, заѣхалъ къ намъ.

— Ну, такъ до свиданія, панъ и паночка. Черезъ недѣльку я къ вамъ приѣду.

И Еврей быстро пошелъ къ выходу изъ сада. А старый панъ Дембинскій задумался надъ неожиданной новостью и надъ нѣсколькими странными поведеніемъ Ицки. По всему видно было, что что-то хитритъ старый Еврей; въ былые годы мался? онъ обыкновенно торопился скорѣе покончить съ садомъ, а въ этомъ году, сверхъ вспомнилъ, что кое-какія распоряженія по хозяйству надо отдать. Тутъ что-нибудь есть... но что?...

Награжденіе «Военной медалью» бывавшихъ изъ нѣмецкаго плѣна русскихъ солдатъ.

— Паночка, о чемъ ты такъ заду- въ разговорѣ вы такъ часто вспоминали?

— Это одинъ офицеръ пограничной стражи, очень милый и порядочный человекъ. Я бы очень хотѣлъ, чтобы онъ тебѣ понравился, тебѣ было бы веселѣе.

— А что это за поручику, котораго — Разъ онъ, паночка, тебѣ нравится,

значитъ, онъ хорошій человекъ, и я хочу, чтобы онъ скорѣе къ намъ пріѣхалъ. А какъ его звать?

— Борисъ Озеровъ. Онъ молодой. Большой любитель верховой ѣзды...

— Значитъ, онъ можетъ поучить и меня кататься верхомъ?

— Конечно, можетъ.

— Вотъ это будетъ хорошо! Ну, а теперь, паночка, пойдемъ завтракать.

И они направились къ дому. Къ вечеру были получены газеты, въ которыхъ подробно описывалось сараевское убійство. Но такъ какъ панъ Дембинскій со словъ Ицки зналъ о немъ, то, конечно, онъ теперь отнесся къ этому болѣе спокойно.

II.

Нѣсколько избураженная пріездомъ панны Зоси, жизнь Дембинскій постепенно вошла въ свою колею; она потекла тихимъ и мирнымъ потокомъ. Не успѣли оглядѣться, какъ подошла суббота. Подъ вечеръ пріѣхалъ поручику Озеровъ. Это былъ молодой человекъ, лѣтъ 26—27, не больше. Отличительная черта его характера—это большая жизнерадостность, благодаря которой онъ никогда не скучалъ даже здѣсь, находясь на пограничномъ посту въ этой глуши. Панъ Дембинскій съ Зосей въ это время гуляя въ саду и сѣдали за ульемъ, обитателю котораго, вѣроятно, дѣлали вопросъ о выдѣленіи части семейства для поселенія на помомѣ. На дворѣ послышался топотъ лошади.

— Кого-то Богъ къ намъ несетъ,—ска-

Проба лица.

Послѣ перехода на дневки.

Съ фот. З. I. Шубской-Корсаковой, изъ Могилы.

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Купанье английскихъ солдатъ въ морѣ послѣ возвращенія изъ траншей.

Французская 75-миллиметровая батарея въ дѣйстви у Седулъ-Бара.

заль панъ Дембинскій, поглядывая въ сторону калитки сада.— Не будетъ ли это панъ поручикъ?

Послышался звонъ шнорь и изъ-за кустовъ показалась стройная, крѣпкая фигура Озерова.

— Ну, конечно, онъ. Э, панъ поручикъ, что это вы меня совсемъ забыли? Вотъ уже недѣлю мы васъ вспоминаемъ, а Зося

— И, я увѣренъ, онъ не ошибается. въ Россіи, тѣсно сошелся со многими пональ, что онъ хочетъ поговорить съ Русскими. Бориса Озерова онъ особенно ими вадивъ и, воспользовавшись какими-то незначительнымъ предлогомъ, выслазъ быстрому сближенію молодыхъ людей. И, Зосю и сразу обратился къ Озерову:

— Вы, панъ Борисъ, какъ будто бы имѣете что-то сказать мнѣ, неправда ли, а?

И они направились къ верандѣ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, и Домна съ нетерпѣніемъ ожидала прихода господъ. Прошло около двухъ недѣль такой безмятежной жизни. Въ газетахъ за это время было высказано много разныхъ предположеній и соображеній. Нѣкоторые начали предсказывать войну. И сдѣлали, верховой їздѣ, и это ей доставляло непонятную радость. Между молодыми людьми установилась очень тѣсная дружба, если не сказать болѣе. Панъ Дембинскій и Зосей, все время католікомъ, но, проживъ нѣсколько лѣтъ держалъ себя такъ, что панъ Дембинскій

в Россіи, тѣсно сошелся со многими пональ, что онъ хочетъ поговорить съ Русскими. Бориса Озерова онъ особенно ими вадивъ и, воспользовавшись какими-то незначительнымъ предлогомъ, выслазъ быстрому сближенію молодыхъ людей. И, Зосю и сразу обратился къ Озерову:

— Вы, панъ Борисъ, какъ будто бы имѣете что-то сказать мнѣ, неправда ли, а?

И они направились къ верандѣ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, и Домна съ нетерпѣніемъ ожидала прихода господъ. Прошло около двухъ недѣль такой безмятежной жизни. Въ газетахъ за это время было высказано много разныхъ предположеній и соображеній. Нѣкоторые начали предсказывать войну. И сдѣлали, верховой їздѣ, и это ей доставляло непонятную радость. Между молодыми людьми установилась очень тѣсная дружба, если не сказать болѣе. Панъ Дембинскій и Зосей, все время католікомъ, но, проживъ нѣсколько лѣтъ держалъ себя такъ, что панъ Дембинскій

в Россіи, тѣсно сошелся со многими пональ, что онъ хочетъ поговорить съ Русскими. Бориса Озерова онъ особенно ими вадивъ и, воспользовавшись какими-то незначительнымъ предлогомъ, выслазъ быстрому сближенію молодыхъ людей. И, Зосю и сразу обратился къ Озерову:

— Вы, панъ Борисъ, какъ будто бы имѣете что-то сказать мнѣ, неправда ли, а?

И они направились къ верандѣ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, и Домна съ нетерпѣніемъ ожидала прихода господъ. Прошло около двухъ недѣль такой безмятежной жизни. Въ газетахъ за это время было высказано много разныхъ предположеній и соображеній. Нѣкоторые начали предсказывать войну. И сдѣлали, верховой їздѣ, и это ей доставляло непонятную радость. Между молодыми людьми установилась очень тѣсная дружба, если не сказать болѣе. Панъ Дембинскій и Зосей, все время католікомъ, но, проживъ нѣсколько лѣтъ держалъ себя такъ, что панъ Дембинскій

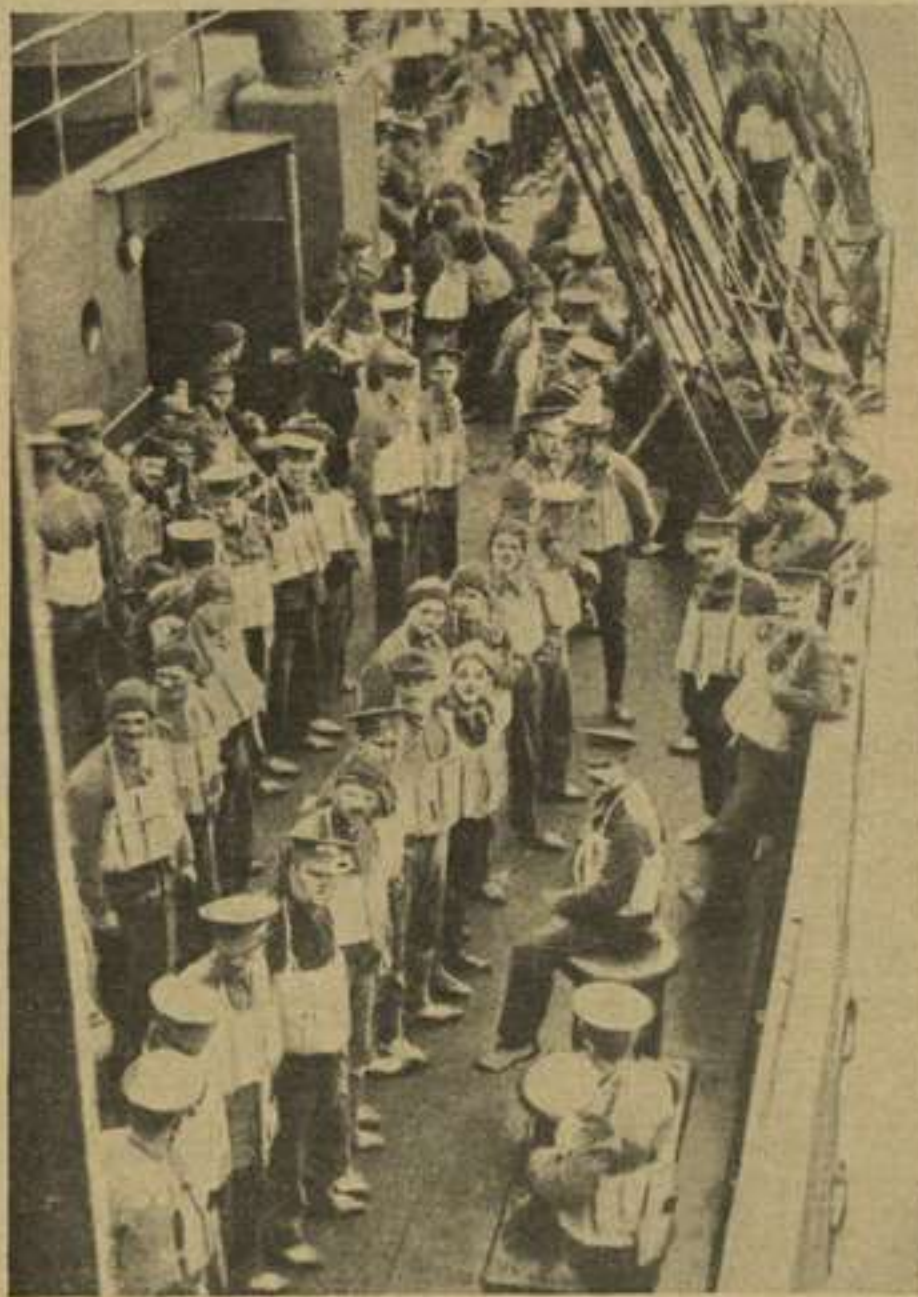

Ген.-л. Н. М. КОСТОМАНЬ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Командиръ полка
ген.-м. В. П. ГАЛЬФЕГЪ.
За боевые отличія награжденъ мечами къ ордену св. Владиміра 4 и 3 ст., Георгіевскимъ оружіемъ, орденомъ св. Георгія 4 ст. и произведенъ въ генералъ-майора.

РАЗУМНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ.

Канадскіе солдаты, перевозимые въ Европу, надвѣваютъ спасательные пояса, когда пароходъ начинаетъ приближаться къ району дѣйствій германскихъ подводныхъ лодокъ.

такъ даже разсердилась сегодня, что вы все не идете.

— Папа!

— Ну, а развѣ я не правду говорю? Ну, здравствуйте, дорогой война, очень радъ, что вы пріѣхали. Вотъ это и есть моя дочь Зося, о которой я вамъ довольно часто рассказывалъ. Познакомьтесь.

Озеровъ, поздоровавшись съ паномъ Дембинскимъ, быстро направились къ молодой дѣвушкѣ.

— Я очень радъ познакомиться съ вами, хотя я съ вами уже давно знакомъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Въ длинные зимніе вечера, когда я имѣлъ удовольствіе бывать у вашего папаша, мы очень часто по долгу сидѣли въ его кабинетѣ передъ вашимъ портретомъ, который, несмотря на то, что вы тамъ изображены совсемъ дѣвочкой, очень похожъ на васъ.

— Смотрите, теперь на разочаруйтесь; вѣдь папа меня такъ любитъ, что онъ меня считаетъ какимъ-то сборникомъ достоинствъ.

ѣхалъ, такъ какъ вообще мнѣ лучше оставаться дома.

— Вотъ какъ! Это даже меня пугаетъ; говорите же скорѣе, въ чемъ дѣло?

— А дѣло, видите ли, съ томъ, что Австрійцы начали бомбардировать Бѣлградъ, и очень можетъ быть, панъ въ недалекомъ будущемъ придется воевать.

— Что вы говорите? Не можетъ быть.

— Нѣтъ, Ксаверій Людвиговичъ, все можетъ быть, и, хотя это и не мое дѣло, но я пріѣхалъ посоветовать вамъ выслазъ Зосю на всякій случай въ Варшаву.

— Благодарю васъ. Да, объ этомъ нужно подумать.

Въ это время раздался тихій стукъ въ дверь и въ комнату вошелъ Ицка.

— А, Ицка, гдѣ же ты пропадалъ до сихъ поръ?

— Добрый день, панъ Дембинскій, до-

брый день, пань поручикъ. Ну, и гдѣ я могъ пропадать, какъ не дома?

— Ну, когда же покончимъ съ садомъ?

— Ой, пусть мнѣ пань проститъ, но я... я въ этомъ году не могу арендовать садъ.

— Что? Что ты сказалъ? Это почему же ты отказываешься?

— Ну, и знаете, добрый пань, какъ вамъ извѣстно, у меня есть въ Америкѣ сынъ Абрамка, ну, такъ вотъ этотъ самый Абрамка проситъ меня въ этомъ году ничего не дѣлать, а почему, не говоритъ. Ну, такъ я себѣ его долженъ слушать.

— Ахъ, вотъ какъ, Пика! Я этого не ожидалъ. Но ты, конечно, знаешь...

— Что мой заботокъ есть у папа? Такъ я же былъ бы плохимъ Евреемъ, если бы не зналъ, что онъ теперь пропадетъ. Ну, это что, но пань не знаютъ, навѣрно, послѣднюю новость, то я сейчасъ скажу: какъ извѣстно, у графа Замойскаго въ Полданахъ былъ управляющій фоль-Тринке, такъ его теперь уже нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!?—закричали въ одинъ голосъ Озеровъ и Дембинскій.

— А потому нѣтъ, что онъ себѣ пропалъ ночью убѣжалъ. Ну, до свиданья, пань Дембинскій. Мнѣ нужно уже ѣхать домой.

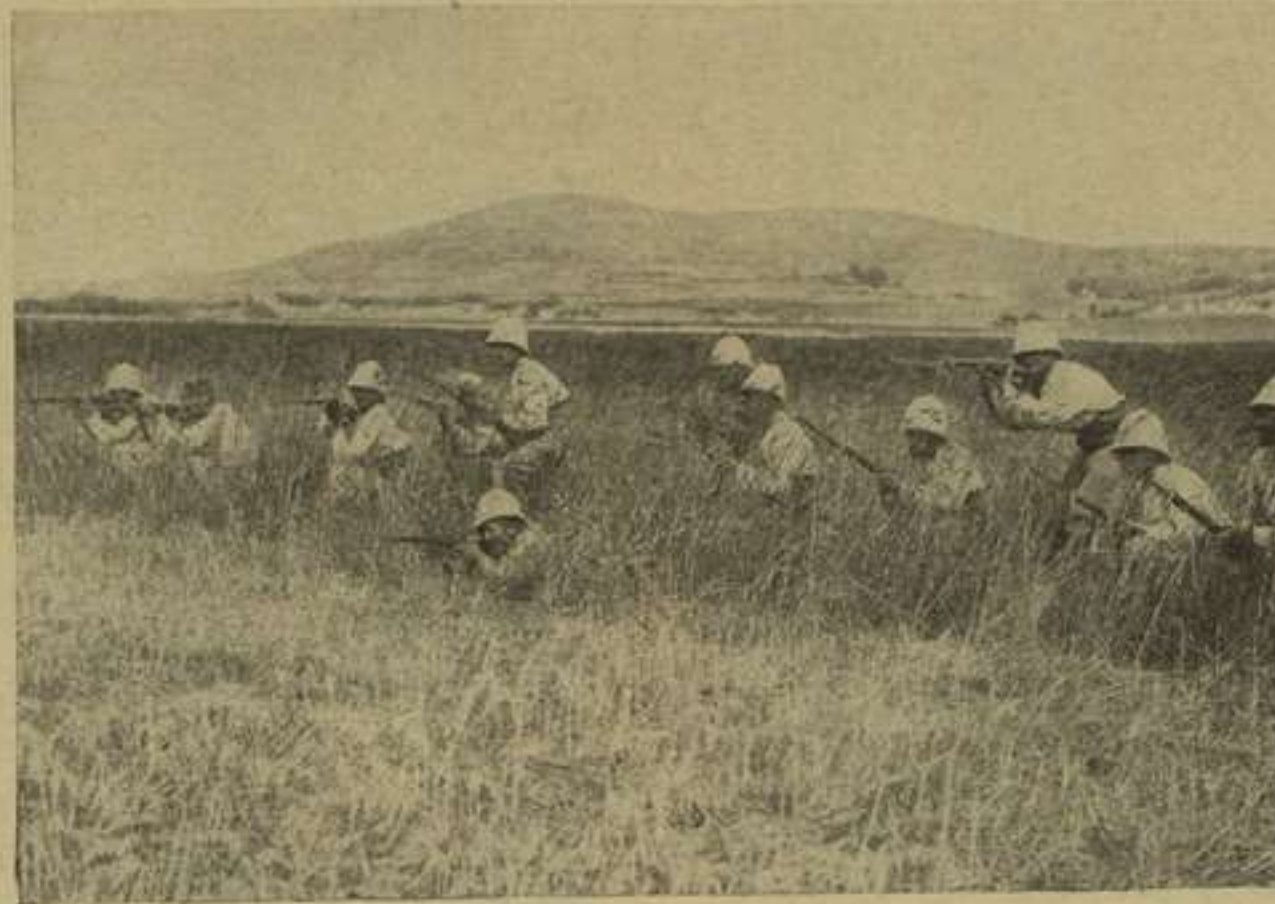
И онъ исчезъ за дверью.

Вошла панна Зося. Прежнее настроеніе не возвращалось, и поручикъ Озеровъ, посидѣвъ минуту десять, объявилъ, что онъ долженъ ѣхать проверять почты. Пань Дембинскій его не удерживалъ. Зося замѣтила какую-то затнутасть и по уходѣ Озерова сразу бросилась къ отцу:

— Палочка, что-нибудь случилось? Ради Бога, скажи мнѣ всю правду.

— Пока что, дѣтка, ничего не случилось. Но очень возможно, что тебѣ скоро придется ѣхать въ Варшаву. Дѣло, видишь ли, вотъ въ чемъ: по всѣмъ призна-

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Атака французскихъ колониальныхъ войскъ.

камъ можно ожидать войны. Хотя это по, къ сожалѣнію, обстоятельства вынудили наши предположенія, но все же на ли меня къ такой поспѣшности. Ждать я всякій случай тебѣ будетъ лучше на нѣ-кое время уѣхать отсюда.

— Ты, папа, значить, тоже уѣдешь?

— Нѣтъ, дѣтя мое, я долженъ здѣсь остаться. Ты, вѣдь, помнишь исторію нашего сада и знаешь, что я его не могу оставить.

— Въ такомъ случаѣ я тоже останусь.

— Дѣтя мое, нужно быть благоразумной. Помни, что ты своимъ присутвіемъ нѣтъ можешь принести здѣсь одно лишь бѣда.— произнесъ торжественно пань Дембинскій. Но дасть Богъ, все успокоится, и мы съ тобой какъ жила, такъ и останемся жить.

Хотя это по, къ сожалѣнію, обстоятельства вынудили наши предположенія, но все же на ли меня къ такой поспѣшности. Ждать я всякій случай тебѣ будетъ лучше на нѣ-кое время уѣхать отсюда.

— Ну, что же, моя голубка, какъ ты хочешь, такъ и отвѣчай, а что касается меня, то я... я согласенъ.

— И я... я... я, паночка, тоже... тоже согласна.

— Ну, дѣти, дайте ваши руки. Вотъ такъ. А теперь пусть васъ Богъ благословитъ. Желаю вамъ счастья отъ всего сердца.— произнесъ торжественно пань Дембинскій.

— Вотъ, Зося, сейчасъ наши садъ увеличится еще на одно дерево.—Пань Дем-

Онъ нѣжно обнялъ свою невесту, которую долженъ былъ такъ скоро оставить. Та, тихо плача, сняла съ груди медальончикъ Ченстоховской Божіей Матери и, перекрестивъ жениха, повѣсила ему на шею. Наконецъ, простившись со старикомъ и изивъ адресъ тетки Зоси въ Варшавѣ, Борисъ вскопчал на лошадь и уѣхалъ...

IV.

Опять пустынно въ Дембинскаяхъ. Пань Дембинскій, какъ тѣнь, бродитъ по старинному саду и о чемъ-то думаетъ. Дочь свою, какъ это ни тяжело было, онъ вчера отправилъ въ Варшаву. Самъ же рѣшилъ строго выполнить завѣтъ своего предка и не оставить сада. Сегодня прошесть съ утра слухъ, будто Нѣмцы пододвинули къ границѣ. Управляющій уговаривалъ старика Дембинскаго оставить Дембишину и уѣхать, но онъ наотрѣзъ отказался. Потянулись сѣбно возы съ разнымъ скарбомъ: то крестьяне уходили отъ надвигающейся опасности. Къ вечеру прискакали два нѣмецкихъ кавалериста и на ломаномъ польскомъ языкѣ предупредили, что вскорѣ должны сюда прибыть много Нѣмцевъ. Дѣйствительно, черезъ минуту 30 въѣхала группа всадниковъ, а на дорогѣ остановился довольно значительный отрядъ нѣмецкой кавалеріи. Пань Дембинскій, стоя въ саду у забора, смотрѣлъ на пришельцевъ.

— Добрый вечеръ, пань Дембинскій,—раздался вдругъ чей-то хорошо знакомый голосъ.—Вотъ и мы къ вамъ прѣехали. Надѣюсь, вы встрѣтите должнымъ образомъ дорогихъ гостей?

— Добрый вечеръ,—отвѣчалъ пань Дембинскій, выходя на дворъ и приближаясь къ всаднику со знакомымъ голосомъ.—Что-то голосъ панна мнѣ очень знакомъ, но не знаю почему.

— Подойдите ближе, можете быть тогда и узнаете.

Старый пань посмотрѣлъ внимательно.— Ну что, узнали?—спросилъ, называя всадника.

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ ЗА БОЕВЫЕ ПОДЕВИГИ ГЕОРГИЕВСКИМЪ ОРУЖІЕМЪ.

Полковникъ А. Н. МИХАЙЛОВЪ.

Шт.-кап. И. С. СТРЕЛЬНИКОВЪ.

Ген.-м. В. Л. КОЛОНТАЙ.

Шт.-ротм. А. Н. ПАНЧУЛИДЗЕВЪ.

III.

Черезъ день прѣхалъ Озеровъ. Сверхъ обыкновенія, онъ былъ въ лѣтней парадной формѣ и держался какъ-то официально. Поговоривъ о какихъ-то пустякахъ, онъ вдругъ неожиданно оказалъ:

— Я извинюсь, что такъ странно, можетъ быть, веду дѣло, но обстоятельства заставляютъ меня поступать такимъ образомъ.

И, обращаясь не то къ Дембинскому, не то къ Зосѣ, онъ продолжалъ:

— Я прѣхалъ просить руки Софіи Ксаверіевны.

Это было такъ неожиданно, что всѣ сразу какъ-то застолбли. Наконецъ, пань Дембинскій оправился и обратился къ Зосѣ:

— Ну, что же, дѣтя мое, что же ты скажешь на это пану Озерову?

— Какъ ты, паночка, а я... я не знаю... я... я должна подумать.

— Я очень извинюсь, Софія Ксаверіевна, что не поговорилъ съ вами наединѣ, долго.

бинскій поцѣловалъ дочь и зареченнаго жениха.—Ну, а теперь сами поцѣлуйтесь. Вотъ такъ. Ну, а сейчасъ Дюма намъ привезетъ старое меду и мы отпразднуемъ обрученіе.

Когда всѣ немного успокоились, то заговорилъ опять Озеровъ.

— Поговоримъ сейчасъ о дѣлѣ, какъ это мнѣ ни тяжело. Дѣло въ томъ, что сегодня ночью наша сотня должна выступить съ запечатанными пакетами. Война почти неизбежна. Завтра Зося должна уѣхать въ Варшаву.

Отца съ дочерью это ошеломило. Никто не ожидалъ, что событія пойдутъ такимъ ускореннымъ темпомъ. Софія Ксаверіевна со слезами на глазахъ бросилась къ Озерову.

— Вы, конечно, шутите, милый? Ну, вы сознайтесь, что вы пошутили?

— Къ сожалѣнію, дорогая моя, это не шутка, а суровая дѣйствительность. Ничего, дорогая, что суждено, то неизбежно! А теперь простимся, можетъ быть, и на долго.

Пор. С. В. БРЫЛНИКОВЪ.

Шт.-кап. Ф. В. РУСАНОВЪ.

— Пань фонь-Тринке!.. Да не может быть... Так воть вы куда понали...
 — Да это я, бывший управляющий графа Замойскаго, а пань, по воле моего императора, майоръ невольной германской арміи. Ну, пань Дембинскій, откройте ваши покои и принимайте своего старого сосѣда.

И, соскочив съ лошади, онъ передалъ ее ординарцу, а самъ съ другими офицерами, которыхъ было человекъ 5, направился вслѣдъ за паномъ Дембинскимъ. Панцы сразу почувствовали себя какъ дома, а майоръ фонь-Тринке, часто бывавшій въ гостяхъ въ Дембинкахъ и знавшій всю прислугу по именамъ, началъ отдавать распоряженія, и потому незнакомый человекъ, сразу не разобравшись, могъ бы принять его даже за самого хозяина. Въ кладовыя и погреба ему были известны не хуже, чѣмъ пану Дембинскому. Векоръ занялась панта, и часа черезъ полтора все было готово къ обѣду. Майоръ фонь-Тринке пригласилъ пана Дембинскаго отобѣдать съ ними вмѣстѣ, отъ чего тотъ въжливо отказался. Въ запасы меду и вина, которые были въ погребѣ, были добыты и Нѣмцы принялись пировать. Къ концу обѣда фонь-Тринке, наполнивъ бокалы, произнесъ тостъ за императора Вильгельма по случаю того, что это былъ первый обѣдъ на чужой территоріи.

— А вы что же не пьете, пань Дембинскій, за нашего императора?
 — Я могу пить за своего, но не за вашего императора,—нѣсколько повысивъ голосъ отвѣчалъ пань Дембинскій.
 — Отнынѣ панъ императоръ Вильгельмъ,—раздался вдругъ голосъ одного изъ товарищей фонь-Тринке.
 — Мой императоръ—русскій, за здоровье котораго я и пью,—произнесъ вдругъ пань Дембинскій, и подыалъ бокалъ...

Но тутъ поднялся шумъ. Офицеры вскочили со своихъ мѣстъ. Кто-то ударилъ по рукамъ старого пана и бокалъ со звономъ упалъ на полъ. Фонь-Тринке, обратившись по-нѣмецки къ офицерамъ, быстро успокоилъ ихъ.

— Ваша неосторожность, пань Дембинскій,—сказалъ онъ,—могла васъ погубить. На этотъ разъ вамъ прощается только въ память нашей прежней дружбы. Ну, а теперь за работу! Вы будте добры дать намъ своихъ рабочихъ, такъ какъ нашихъ, пожалуй не хватитъ, и мы приступимъ сейчасъ къ очисткѣ вашего сада.

— Что же это значить, господни майоръ?—произнесъ съ ужасомъ пань Дембинскій,—какимъ это образомъ вы будете очищать мой садъ?

— А очень просто. По приказанію моего начальства въ этомъ мѣстѣ я долженъ устроить наблюдательный пунктъ. Мой выборъ палъ какъ разъ на ваше имѣніе. Вашъ садъ придется вырубить, такъ какъ онъ будетъ мѣшать обстрѣлу изъ окоповъ, которые будутъ разбиты воемъ на этомъ холмѣ—и онъ указалъ на вершину, на которой была «яблоня Яна Дембинскаго».

Ужасъ искалкъ до неузнаваемости лицо старого пана. Онъ тихо опустился на колѣни и, протягивая къ пришельцамъ руки, началъ умолять пощадить садъ, предлагая взять все остальное.

— Какъ вы видите, пань Дембинскій, предлагаете панъ свои богатства, какъ будто мы сами не можемъ ими распорядиться какъ намъ угодно?—остановилъ его фонь-Тринке.

Пань Дембинскій рѣшительно всталъ, и лицо его сразу стало спокойнымъ, какъ у человека, который принялъ окончательное, безповоротное рѣшеніе.

Въ нѣмецкомъ ободѣ все зашевелилось. Были вынуты топоры, пилы, лопаты и другіе инструменты. Майоръ фонь-Тринке взялъ для чего-то топоръ и, слегка покачиваясь отъ выпитаго вина, направился

НА ВОЙНѢ.

Евнуаъ.

въ садъ. Вслѣдъ за нимъ шли офицеры, какъ. Освѣженные и приспособленные а еще давольно нѣмецкіе салеры. Пань къ кровавой эпопее XX вѣка, подполковникъ Дембинскій, погнуривъ голову, шелъ въ сѣтѣхъ ови легковѣрому, растеряннѣе-толькѣ офицеровъ. Поднашились на холмъ, муса Михелю. Таковы, напримѣръ, изда-майоръ обратился къ присутствующимъ ния, какъ «An der Front, Begebenheiten съ нѣмецкой рѣчью, послѣ чего всѣ офи- und Anekdoten aus dem Weltkrieg», «Husa-церы и солдаты прокричали «Hoch», cengerstreich», «Deutscher Kriegshumor», «Der Brummer», «Das Soldatenbuch», «Unser Feinde» и др. Въ эти сборники, составлен-ные главнымъ образомъ по газетному материалу, производятъ впечатлѣніе огром-нымъ количествомъ выдержанныхъ изда-ниемъ по старой яблони. Но вдругъ ній и отпечатанныхъ экземпляровъ, дру-го возрочнузи отъ неожиданнаго вы-гима словами—на нихъ есть сильнѣйшій стрѣла, и майоръ какъ-то неестественно упалъ навзничь. Въ ту же мину-брюютъ.

И онъ, размахнувшись, ударилъ то-поромъ по старой яблони. Но вдругъ ній и отпечатанныхъ экземпляровъ, дру-го возрочнузи отъ неожиданнаго вы-гима словами—на нихъ есть сильнѣйшій стрѣла, и майоръ какъ-то неестественно упалъ навзничь. Въ ту же мину-брюютъ.

Давайте-ка, почитаемъ, какъ неувер-нимо побѣдоносны нѣмецкіе «критеріи», какъ презрительны ихъ враги, какъ остро-умны нѣмецкіе лейтенанты и до какой степени тупости дошла ничтожныя Рус-скіе, Французы и др.

Вы помните, напримѣръ, перипетіи осады Нѣмцами Намюра съ началъ вой-ны? Вамъ, конечно, винушили, что слабая бельгійская крѣпость, защищаящаяся весьма малочисленнымъ гарнизономъ, до-стала нѣмецкимъ полчищамъ крайне дорогою цѣною,—заставивъ ихъ пожерт-вовать рядомъ штурмовыхъ колоннъ пер-воклассныхъ войскъ. Ничуть не бывало! Намюръ палъ просто со страха, послѣ того, какъ бравый лейтенантъ 5 прус-скаго гвардейскаго полка Отто фонь-Линде овладѣлъ важнѣйшимъ передовымъ фортомъ Малонъ, имѣя въ своемъ ко-мандо отрядъ изъ... четырехъ солдатъ! Какъ она это проделала—неважно для

В. Овчовскій.

Новыя похождения барона Мюнхгаузена.

Великое перепутано въ жизни съ смѣшнымъ и пошлымъ. Рядомъ съ траги-ческими образами и подвигами, возмеч-ными войною народовъ, прокрадываются знакомыя приключенія барона Мюнхгау-зена, не умершаго въ своихъ земля-

Блвенца.

читателя, а важно то, что устрешенный комендантъ форта тотчасъ же сложилъ оружіе.

На грѣхъ у храбраго Пруссака не было подъ руками германскаго знамени для водруженія его на гласнѣхъ оубѣдѣннаго форта. Помогла невосточная нѣ-мецкая изобрѣтательность: знамя враскорѣ мастерами изъ... снятыхъ съ бельгійскаго солдата красныхъ штанивъ, старушечьяго платка и теллабѣ набрюшника, цвѣтовое сочетание которыхъ дало національную германскую гармонию красокъ.

Церемонія поднятія флага состоялась не подъ салютъ захваченныхъ у Бельгій-цовъ 22 пушечъ, а при веселящемъ ду-шу хлопавніи пробокъ двухъ бутылочекъ реквизируемаго въ фортѣ шампанскаго. И находчивый лейтенантъ получилъ отъ щедратаго кайзера Pour le mérite,—пер-вый за текущую войну.

Это еще что—забрать клятеромъ бель-гійскій фортъ, говоритъ коллега лейте-нанта Линде, лейтенантъ фонь-К.—вотъ ось одинъ-одинехонекъ завоевалъ боль-шой французскій городъ Лиалъ. Его долго громилъ тяжелою артилеріею,—толку на-ло. Тогда лейтенантъ К. возмущился, взявъ съ собою кавалерійскій патруль, добѣхалъ съ нимъ до городского пред-мѣстья, оставилъ тамъ солдатъ, а самъ, эффектнымъ манеромъ, поскакалъ по глав-нымъ улицамъ Лиалъ. Тысячи тол-пы съ благоговѣннымъ ужасомъ взирали на героя, полицейскіе едѣ справлялись съ бурнымъ натискомъ любопытныхъ. Разу-мѣется, сейчасъ же явился мѣръ съ ключа-ми, и все окончилось тихо и мирно, безъ лишняго кровопролитія, о которомъ такъ много кричатъ живыя французскія га-зеты.

Вотъ съ Реймсомъ пришлось не-много повозиться. Одного оберъ-лейте-нанта Штейбекера оказалось недо-статочно для овладѣнія сильно укрѣ-пленнымъ городомъ. Тогда его укрѣ-жили нѣсколькими офицерами и сол-датами. Вотъ ихъ безмерныя для Са-ксоніи—ибо то были саксонскіе гусары—имена: лейтенантъ Мартини, лейтенантъ Вальдовъ, фендрихъ Эккель, унтеръ-офицеръ Ариольдъ, трубачъ Цваленъ и рядовые Кнаппе, Краузе, Бузе, Рейнелтъ и Роме. Тактическій приемъ былъ примѣ-ненъ тотъ же, что и въ предыдущемъ случаѣ: мастеровая посадка въ сѣдлѣ а до самаго конца—furchtlos und treu!—смѣло и бодро вперед! Такъ рассказы-ваетъ «Vossische Zeitung».

А ужъ если драться, такъ всерьезъ. Примѣръ: на площади восточно-прусскаго городка Prostken сталкиваются трое бравыхъ прусскіхъ пѣхотинцевъ съ пятьюдесятью казаками. Вы думаете—первымъ пришлось плохо? Наоборотъ—«Drei gegen fünfzig! Разъ, два, три... «und wir waren Sieger». Дѣ-лается это просто—говорить «Altensteiner Zeitung», скромно опуская детали.

Ну, тутъ еще не Богъ знаетъ какой по-движъ для германскихъ войскъ—трое про-тивъ пятидесяти, а не хотите ли—восемь съ одной стороны и 1,029—съ другой! «Das war famos!»

Это произошло подъ Гумбиненемъ 13 сентября прошлаго года, какъ видно изъ реляцій гауптмана Витте. Подробности тутъ неинтересны, и потому гауптманъ о нихъ особенно не распространяется, боль-ше напирая на дѣйствительно разнѣ-тельное соотношеніе комбаттантовъ. А немного спустя одинъ прусскій батальонъ, въ битвѣ подъ Танненбергомъ, взялъ въ плѣнъ ровно 20,000 Русскихъ, со всѣми генералами, офицерами и даже «mit einem Pope, der wie Tolstoi aussah».—съ «по-помъ, который былъ похожъ на Толстого». Вообще, у Нѣмцевъ выработалось особое угаданіе заирать Русскихъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе «sind überhaupt träge, feige, kraftlos

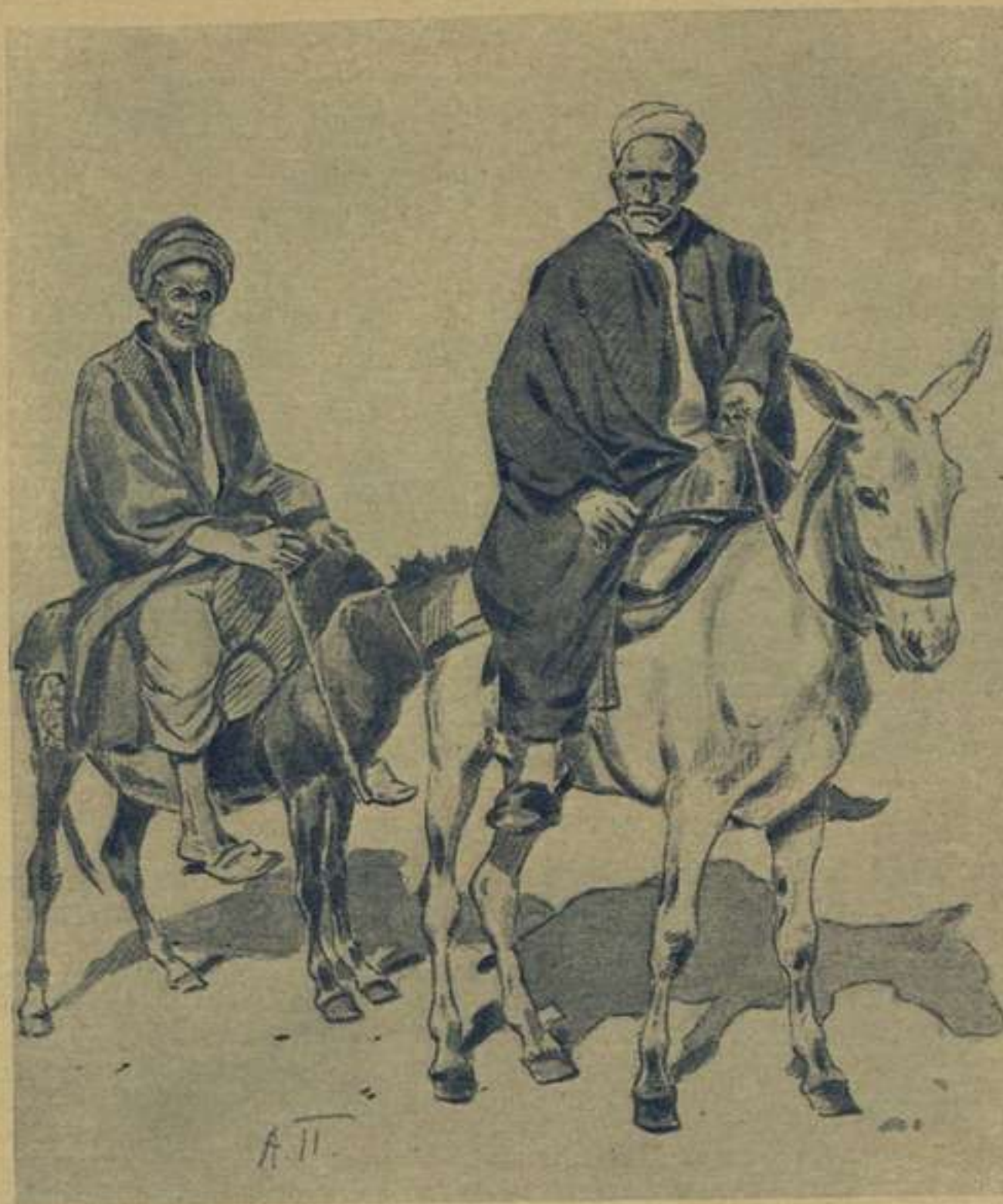
und passiv», — «неповоротливы, трусливы, слабы и пербытительны». Вотъ напрямърь, какъ одинъ лейтенантъ — въ нихъ вся соль германской арміи — получилъ Желтый Крестъ за особое присутствіе духа. Добро бы онъ обладалъ душу потрясающею голавою наружностью, — вовсе нѣтъ: то былъ типъ самаго ординарнаго германскаго офицера, безъ особыхъ примѣтъ: «малъ, тощъ, совершенно лысъ, съ безкровнымъ лицомъ и гнуснымъ голосомъ» (klein, hager, ganz kahl, blutlos und eine krähende, schnarrende Stimme). Бдетъ себѣ лейтенантъ — монокль въ глазу — во главѣ большого кавалерійскаго патруля, вдругъ навстрѣчу верховой, неистово кричащій: «Остерегайтесь, за мною превосходныя непріятельскія силы» (Achtung! Stärkere feindliche Kräfte!) И действительно, изъ-за поворота дороги показываются двое прихрамывающихъ Русскихъ. Лейтенантъ моментально палашъ вонъ и кричитъ на прекрасномъ русскомъ языкѣ, которому онъ обучался въ берлинской военной академіи: «Ruki wir!». «Превосходныя силы» сдались и лейтенантъ «съ гордостью истого Испанца» (stolz, wie ein Spanier) доставилъ въ штабъ этихъ «проходимцевъ» (Schuffte) и «мерзавцевъ» (Halunke).

Нѣмцы рѣдко берутъ плѣнныхъ въ-одиночку, предпочитаютъ брать ихъ оптомъ. Къ передовымъ окопамъ Нѣмцевъ приближаются двое Русскихъ и «умоляютъ приютить ихъ». Но Нѣмцы не всегда разбѣгаются: «меньше сотни заразъ имъ теперь не принимаемъ». Русскіе позорно кланяются и скрываются и черезъ нѣкоторое время являются вновь, но за ними слѣдуетъ ровнохонько 98 ихъ товарищей. «Es ist kaum glaublich», — глубоко-мысленно закончилъ свое повѣствованіе его авторъ, «сѣдой бригадный командиръ»: «этому съ трудомъ можно повѣрить!»

А вотъ взять въ плѣнъ Нѣмца — это уже другая картина получается. Подъ Эпиналемъ взаидъ было разъ въ плѣнъ двѣсти человекъ Баварцевъ. Обезоружили ихъ и поды равночестью конвоемъ французскихъ пѣхотинцевъ отправили въ тылъ. Идутъ. Вдругъ вдали выстрѣлы. Мозги переключившись, плѣнные Баварцы, какъ по командѣ, взвалили себѣ за спину каждый по коновуру и быстро приближаясь со своею пошею къ нѣмецкимъ линіямъ. Съ Баварцами вообще шутить плохо. Въ госпиталѣ баварскаго городка лежатъ плѣнные, тяжело раненые, перекатываемые Французы. На планду переть знаменъ госпитала учение повоеваніемъ. Взаидъ подымается генералъ, изъ сотенъ здоровыхъ баварскихъ головокъ несетъ громовое ура, при звукѣ котораго на смерть перелуганные Французы, казалось, прикованные къ постелямъ, опретью валются съ нихъ и забиваются по угламъ. Таково было «die schreckende Wirkung des Hurra der Bayern!» — «страшное вліяніе баварскаго ура!»

Какъ отлично извѣстно каждому добродушному Нѣмцу, «Русскіе скверно стрѣляютъ». Отчего бы это? Вы не знаете, а вотъ любой берлинскій мальчишкѣ свидѣленіе вастъ. «Оттого, что они стрѣляютъ одной рукой». А другою... постоянно «чешутъ себѣ головы».

Некультурность простаго Русскаго человека поразительна. Жилище нашего мужика сооружается по строго однообразному плану: въ одной комнатѣ помѣщается «по большей части» (meistens) 6 мужчинъ, 8 женщинъ и 20 дѣтей. Тутъ же и скотъ. Грязота ужасная, погнѣнута: невозможно. Самая распространенная у Русскихъ имена, согласно германскимъ свѣдѣніямъ: — «Iwan Wodkowsch» и «Bender Alesan Irowitsch».

НѢМЕЦКІЙ АГЕНТЪ.

Персидскій проповѣдникъ, подкупленный Германцами. Такіе проповѣдники разъѣзжаютъ по караванъ-сараямъ, суля своимъ единовѣрцамъ отъ имени Нѣмцевъ всякаго блага.

Рисовъ А. Пржевальскій (участникъ войны).

«Иванъ Водковичъ» имѣетъ самыя превратныя представленія о томъ, что можно употребить въ пищу и чего нельзя. Почтенный народный учитель города Инстербурга, одно время занятый нашими войсками, съ ужасомъ повѣствовалъ въ мѣстномъ органѣ «прошестованіи, очевидцемъ котораго онъ былъ въ одномъ изъ мѣстныхъ бригадъ. Входитъ русскій солдатъ и спрашиваетъ дружку пива. Ему полагаютъ, какъ водится въ Германіи, на войлочномъ кружочкѣ, служащемъ подставкой. Солдатикъ принимаетъ пиво... и закуськаетъ его войлочкомъ! Изжевалъ весь кружочекъ, расплатился за пиво и вышелъ...»

Для русскаго солдата нѣтъ ничего святого. Объ этомъ свидѣлствуетъ нижеслѣдующая сцена въ концентраціонномъ лагерѣ русскіхъ плѣнныхъ. Является пролавецъ разныхъ необходимыхъ въ солдатскомъ быту вещей. Одному плѣнному солдату очень хотѣлось бы приобрести великолѣпныя кальсоны. Но они стоятъ 5 марокъ, а денегъ и въ поминѣ нѣтъ. Солдатъ хладнокровно снимаетъ съ пени «Annenorden II Klasse, mit dem stehenden Bildniss der heiligen Anna auf dem Kreuz» «орденъ Анны II-й степени», — и равнодушно отдаетъ его въ обмѣнъ за кальсоны.

Какое будетъ читать Нѣмцамъ послѣ войны эти повѣстия произведенія барона Мюнхгаузена?

В. Анд-ъ.

Храбрѣйшій изъ храбрыхъ.

Къ портрету на 243 стр.

Кто не знаетъ «заговореннаго отъ пуля генерала» Л. Н. Гобято? Кто не слышалъ о храбромъ защитникѣ «Орлинаго Гвѣзда» въ Портъ-Артурѣ? Во всѣхъ дѣлахъ,

въ которыхъ онъ участвовалъ, онъ оставался побѣдителемъ и вызывалъ въ пѣхотныхъ полкахъ безграничныя къ себѣ довѣріемъ, уваженіе и любовь.

Въ Портъ-Артурѣ ему дали названіе «Защитника Орлинаго Гвѣзда», а Георгиевская дума присудила ему орденъ св. Георгія Побѣдоносца 4-й степени и Георгиевское оружіе. Послѣ японской войны Л. Н. Гобято былъ преподавателемъ артиллеріи въ Императорской Николаевской Военной академіи, и на этомъ поприщѣ его заслуги были выдающимися: многие изъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, свято исполняя завѣты своего авторитетнаго учителя, выдвигали на первое мѣсто работу артиллеріи.

Съ самаго начала настоящей войны Л. Н. участвовалъ во многихъ бояхъ. Бой подъ Ярославомъ, Ногачуломъ, Копалинами, Венярами занесены въ дѣтисписи войны. На войну онъ пошелъ въ чинѣ полковника, а за выдающіяся боевыя заслуги награжденъ орденомъ св. Владимира 3-й степени съ мечами, чиномъ генералъ-майора и орденомъ св. Станислава 1-й степени съ мечами; онъ былъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ генераловъ нашей арміи: ему еще не было 40 лѣтъ отъ роду.

О послѣднемъ подвигѣ умершаго героя имѣются свѣдѣнія отъ очевидца г. Пенчовскаго («Нов. Вр.», 29 мая, «На галицкихъ поляхъ. Свѣтлой памяти ген. майора Л. Н. Гобято»). Въ ближайшихъ окрестностяхъ Перемышля артиллеріей, подъ командой Л. Н. Гобято, была отбита стремительная атака Австрійцевъ, и когда работа артиллеріи была готова, необходимо было занять одну позицію Австрійцевъ на возвышенности, и для этой цѣли вести въ атаку пѣхоту. Полкъ, однако, дрогнулъ, и произошла заминка. Когда же на выручку, какъ всегда въ трудныя минуты, какъ изъ земли выросъ любимиый «заговоренный» отъ пуля генералъ, полкъ смѣло пошелъ въ атаку; одушевляемый его присутствіемъ и словами, полкъ не только занялъ позицію, но забралъ и плѣнныхъ, а затѣмъ, когда генералъ Г. сталъ отводить полкъ на свою позицію, вражья пуля выхватила героя у русской арміи. «Перемышльскій Кондратенко», какъ звали Л. Н. Гобято, истекая кровью, скончался на слѣдующій день въ Одесскомъ полковомъ лазаретѣ въ Москвитскѣ.

Солдаты бригады, узнавъ о смерти своего доблестнаго командира, плакали. Л. Н. Гобято похороненъ въ родовомъ склепѣ въ с. Морозовы-Борки, Рязанской губерніи. Изъ вѣнковъ, украшающихъ могилу Г., два обращаютъ на себя вниманіе: одинъ съ надписью: «Нашему храброму вождю — Отъ нижнихъ чиновъ 5-й батареи» и другой съ надписью: «Храбрѣйшему изъ храбрыхъ — Осиротѣвшая артиллерійская бригада».

Мелочи.

Выставка чудесъ искусства, спасенныхъ отъ варваровъ XIX вѣка.

Въ началѣ іюня въ Парижѣ открылась выставка подъ этимъ названіемъ, и залы Малаго Дворца Искусствъ не перестаютъ быть наполнены публикой изо дня въ день.

Выставленные предметы были собраны торопливо по городамъ и селамъ Фландріи въ мрачные августовскіе дни, когда боевая гроза разразилась столь неожиданнымъ надъ нейтральной Бельгіей.

Глядя на всѣ эти вещи, можно только удивляться тому богатству, которое таитъ въ своихъ церквахъ и монастыряхъ эта Бельгія, прозванная въ наши дни столь прозаически «Заводомъ Европы». Въ своей совокупности все это представляетъ собою цѣнный музей, стоимость котораго должна исчисляться, по крайней мѣрѣ, миллионами. А вмѣстѣ съ тѣмъ — какое огромное количество жемчужинъ искусства погибло въ огнѣ бомбардируемыхъ городовъ или было увезено Нѣмцами!

Въ числѣ невезущихъ уникъ находится знаменитое полотно Юрданса «Поклоненіе Волхвовъ», находившееся въ церкви Диксмюде. При началѣ бомбардировки оно было для безопасности перенесено въ зданіе мѣстнаго театра, сгорѣвшаго отъ попавшихъ въ него снарядовъ.

Доказательствомъ того, какъ обращаются современные варвары съ произведеніями искусства, служатъ огромное полотно «Осада Ньюбора въ 1600 году». Все оно испещрено продольными разрѣзками германскихъ сабель.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ выставленные предметы: молитвенники среднихъ вѣковъ, старинную церковную утварь, статуи, картины, облаченія священнослужителей и т. д. Ограничимся только указаніемъ наиболее цѣнныхъ предметовъ. Таковы, напримѣръ, первый печатный молитвенникъ, украшенный многими цѣнными гравюрами, съ переплетомъ, унизаннымъ драгоценными камнями, картина «Христосъ и два разбойника» Ванъ-Бокхорста, ученика Рубенса, статуя Христа изъ слоновой кости, работа вѣтвнаго французскаго скульптора Дю-Кануа, и т. д.

Здѣсь же выставлены и знаменитые гобелены Реймскаго собора. 14 изъ нихъ были пожертвованы архиепископомъ Робертомъ де Лонкурмомъ при Францискѣ I. Всѣ они изображаютъ разные моменты изъ жизни Богоматери. Кромѣ нихъ, два гобелена пожертвованы собору въ 1583 году лотарингскимъ кардиналомъ. Они изображаютъ эпизоды изъ жизни короля Хлодвига.

По поводу этихъ гобеленовъ разсказываютъ слѣдующее. Въ августѣ, когда Нѣмцы грозили подойти къ Парижу, министръ искусствъ велѣлъ вывезти ихъ изъ Реймса въ Парижъ, гдѣ они были помѣщены въ Луврѣ. Но правительство выѣхало въ Бордо и гобелены были вывезены въ Тулузу, гдѣ и пробыли до февраля 1915 года.

Въ общемъ, обходя эту выставку, необходимо задаться мыслью: что же это за культура, которая съ такимъ легкимъ сердцемъ готовилась уничтожить всѣ эти шедевры, пощаженыя вѣками? Вѣдь и раньше бывали войны, но ни одна изъ нихъ не несла за собой такого разрушенія, какъ настоящая. Можно подумать, что германскіе варвары умышленно хотѣли уничтожить все, что дало искусство человечеству.

Редакторъ Б. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

Который?

(Изъ кровавой лѣтоники нашихъ дней).

«Ихъ было четверо, два пали, два—въ бою,
Но вотъ, святой отецъ, я узнаю—
И это точныя, проверенныя вѣсти,—
Что третій сынъ нашъ палъ на полъ чести.

«Не въ силахъ я сказать о томъ жонѣ,
И васъ прошу—не откажите мнѣ—
Повѣдать ей сегодня за обѣдней,
Что намъ, пока, остался сынъ послѣдній».

Обѣдня кончилась, расходится народъ,
Мать отъ священника благословенья ждетъ,
Но медлитъ онъ ударъ нанести ей скорый,
Простерты руки и уста молчатъ...

По сердцемъ матери прочтя смущенный взглядъ,
Она спросила лишь съ покорностью:
«Который?»

Н. Вильде.

Н. А. ВАРЛАМОВЪ на дѣчѣ въ Павловскѣ.

Съ фот. Ксен. Глыбовской.

Молодые.

I.

— Ничего опаснаго нѣтъ, ничего органическаго... Устали, нервничаете, надо отдохнуть, освѣжиться,—говорилъ докторъ Бурунъ, маленький, смуглый человѣчекъ, съ живыми карими глазами и типичнымъ лицомъ южанина,—Молдавнина или Грека, а можетъ быть караима. Такихъ лицъ много на югѣ Россіи.

— Вы въ этомъ увѣрены? не скрываете?—переспрашивалъ тучный пациентъ, глубоко вдавшій грузной массой своего дряблага желтоватаго тѣла покрытое простыней кресло.

Въ голосѣ еще слышалось нѣкоторое безпокойство, но глаза уже принявъ обычное выраженіе лживо-вапой усталости, такое подходящее ко всей этой мягкой фигурѣ, къ большому бородавчатому лицу съ крупнымъ мясистымъ носомъ.

— Вполнѣ увѣренъ,—съ улыбкой отвѣтилъ докторъ: есть, конечно, лишняго жиру, и чувствуется, что вы не спортсменъ, бьетесь гимнастикой, моціона, холодной воды,—все это, конечно, сказывается; но организмъ прекрасный, прочно сколоченный. При другой жизни могли бы быть атлетомъ.

— Все дѣло, значить, въ первахъ?
— Да какъ вамъ это сказать? Нервная система у васъ въ сущности тоже въ порядкѣ: замѣтныхъ отступленій отъ нормы нѣтъ. Все какъ полагается у насъ въ Россіи къ сорока годамъ.

Глаза пациента выразили изумленіе.

— Значить, я здоровъ?
— Продолжайте, продолжайте,—весело заговорилъ докторъ Бурунъ: прошу васъ, не стѣсняетесь. Позвольте, я самъ вамъ скажу, что вы теперь думаете. Вы думаете,—если такъ, то мнѣ придется пойти еще къ другому доктору, потому что этотъ, очевидно, ничего не понимаетъ. Онъ увѣряетъ, что я здоровъ, а у меня бываютъ такіа сердцебиенія и такая страшная слабость, я иногда еле еле хожу и неспособенъ ни къ какой работѣ, меня все раздражаетъ и волнуетъ, я готовъ разрыдаться и иногда дѣйстви-

тельно рыдаю, я боюсь темноты и вздрагиваю во снѣ. Вѣдь такъ вы думаете, уважаемый Евгений Петровичъ? Вѣрно я накрахмаленный воротничекъ, несвѣжій и немного размокшій отъ жары.

Пациентъ добродушно улыбался, съ — По я говорю вамъ вполнѣ искренно и съ полнымъ сознаніемъ вѣрности диагноза говорю: вы совершенно здоровы. Только, не имѣя должнаго закала въ прошломъ, вы просто къ сорока годамъ уже далеко не тотъ, какимъ были прежде. Развѣ вы когда-нибудь думали и заботились, чтобы возможно дольше сохранить свою юность? Развѣ вы,—человѣкъ образованный, извѣстный писатель Евгений Опалимовъ,—примѣняли къ себѣ хотя бы самыя необходимыя, самыя элементарныя пованія о гигиенѣ? Вы дажно простились съ природой, со всякимъ подобіемъ физическаго труда, еще студентомъ просиживали бессонныя ночи въ душныхъ коморкахъ, полныхъ табачнаго дыма, за праздными, головомольными спорами. Вы привыкли работать по ночамъ, поддерживая свое вниманіе крѣпкимъ чаемъ и крѣпкими папиросами. Вы привыкли спать когда попало—то утромъ, то днемъ, то вечеромъ, урывками, съ кошмарами и головной болью. Когда вы стали много зарабатывать, то стали объѣдаться, засиживаться въ ресторанахъ, угощать женщинъ, стали много пить шампанскаго и ликеровъ, стали играть въ азартныя игры въ клубахъ. Вѣрно я говорю? Такъ я говорю?

— Вѣрно,—протянулъ Опалимовъ,—даже очень вѣрно.
— Я вѣдь хорошо знаю, какъ вы всегда жили. Я все ясно вижу. Но ваше природное здоровье, подлинно богатское, выдерживало. А вотъ теперь больше не выдерживаетъ. Неправильная жизнь вамъ теперь не по силамъ. Усталые нервы даютъ себя знать. Ни папироса, ни крѣпкій чай, ни алкоголь больше не помогаютъ. На всякое насиліе, на искусственное подбадриваніе организмъ отвѣчаетъ сердцебиеніемъ, полной разбитостью. Вамъ надо начинать сначала,—медленно себя укрѣплять опредѣленнымъ режимомъ, моціонами, ваннами, по возможности восстанавливать, что

Константинъ Александровичъ ВАРЛАМОВЪ.
Снонч. 2 августа въ Павловскѣ.

Съ фот. А. Оцуна.

Ген.-м. А. А. АРХИПОВЪ. Контуженъ и награжденъ Георгиевскимъ орденомъ за то, что будучи назначенъ прикрывать отходъ дивизии съ позиций подъ гор. Норденбургомъ, образую аррьергардъ дивизии, онъ, имея подъ своею командой полкъ пехоты и дивизию артиллерии, съ доблестью и храбростью, искусно совершилъ эту операцию. Не потерявъ ни одного орудия, подъ убийственнымъ огнемъ противника, охватившаго фланги, онъ вывелъ аррьергардъ черезъ охваченный пожаромъ гор. Норденбургъ и привелъ его на присоединеніе къ главному войску.

утрачено. Я вам дамъ соответствующія указанія. Но это, конечно, на будущее время. А теперь, сейчас,—вамъ необходимо воспользоваться этимъ лѣтомъ и пожить нѣсколько недѣль вдали отъ города, отъ своихъ обычныхъ заботъ, на чистомъ воздухѣ, въ зелени. Вы сразу себя почувствуете лучше.

— Вы меня отправите, конечно, въ одинъ изъ курортовъ?

— Итъ, итъ, зачѣмъ же? Я не сомнѣваюсь, что вы бывали въ курортахъ, и это вамъ принесло мало пользы. Лечитесь вамъ въ сущности нечего. Потрясите теперь безъ всякихъ обязательствъ, безъ необходимости во-время встать, пить какую-нибудь воду, потомъ полчаса шагать взадъ и впередъ. Поблужайте, куда хотите, на югъ или на сѣверъ, что вамъ больше нравится, въ усадьбу къ знакомымъ, въ пансіонъ или въ гостиницу, у моря или надъ озеромъ. Лишь бы былъ покой, воздухъ, и поближе къ природѣ. Здѣсь на сѣверѣ много такихъ укромныхъ пансіоновъ. Старайтесь ничѣмъ не тревожиться...

— Легко ли?—отозвался Опалимовъ:— въ нынѣшнее-то время!

— Трудно,—конечно, трудно, но старайтесь... Побольше сидите подъ солнцемъ, поменьше читайте газетъ. О личныхъ своихъ дѣлахъ совсѣмъ не думайте. Катайтесь въ лодкѣ или верхомъ. Не любите? Хотите? Ну, такъ, удите рыбу, сажайте цвѣты... А то познакомьтесь съ сосѣдями. Сядьте за чужой жизнью,—это интересно и полезно для писателя. И часто поучительно. Разрѣшаю даже немного углубиться, похвалиться: очень отвлекаетъ внимание отъ болѣзненныхъ ощущений.

— Рецепты смутные,—тяжело вздохнулъ Опалимовъ:—я предпочелъ бы, откровенно говоря, чтобы вы мнѣ просто выписали разныхъ микстуръ и таблетокъ, и оборачивался къ ней, и она отвѣчала бы, чтобы я могъ по прежнему волноваться окружающей жизнью и неутомимо работать у письменнаго стола и засиживаться шемся подлѣмъ, почти отъ спутника не въ клубъ за ужиномъ и за картами. Да и куда теперь поѣдешь? Такъ не хочется уѣзжать изъ столицы въ эти историческія минуты. И досадно, и стыдно обречь себя именно теперь на какое-то растительное прозябаніе.

— Что же дѣлать? Вы сейчасъ инвазидь,—замѣтилъ докторъ.

II.

Защищенная стекломъ галерея гостиницы выходила на самое озеро. Оно широко разстилалось тутъ же внизу—свѣтлое

и холодное—съ живописными ярко-зелеными островками. Между рѣдкихъ сосенъ сбѣгала по камнямъ узкая и круглая дорожка прямо къ пристани. Чувствовалась прохлада сѣвера съ его блѣднымъ небомъ и пѣжною зарей.

Но въ галереѣ было тепло, даже душно. Опалимовъ сидѣлъ за столикомъ у закрытаго окна съ отдернутой желтой занавѣской и лѣнливо перелистывалъ потрепанный номеръ какого-то иллюстрированнаго журнала. Онъ только что сюда прѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ и спугнулся въ столовую поѣсть и выпить чаю. Публика, собравшаяся за раннимъ ужиномъ, была неинтересная: все больше дѣти съ боннами и толстыми перьяливыми мамами, почти не причесанными и еле одѣтыми, нѣсколько некрасивыхъ малокровныхъ дѣвицъ и двѣ-три старушки. Опалимовъ окинулъ комнату своимъ лѣнливо-усталымъ взглядомъ и сталъ разсматривать рисунки.

— Однако здѣсь будетъ зарадно скучно,—подумалъ онъ: пожалуй не просидѣть и двухъ недѣль.

Онъ повернулся къ озеру.

— А видъ красивый... Есть очарованіе сѣвера. Природа именно хороша, когда въ ней чувствуешь стиль, идею. Какъ въ архитектурѣ,—дѣлать събивать стили. Посадите сюда, вѣтго этихъ убогихъ сосенъ, какія-нибудь роскошныя южныя деревья,—не подойдетъ, испортить всю картину. Видъ только взглянуть на воду и на небо, на свѣжую зелень острововъ, на розовато-сѣрые камни,—и уже какъ-то становится холодно, прохватываетъ дрожь, ощущаешь дыханіе сѣвера, сырость этихъ водныхъ просторовъ. Значить, картина написана мастерски. Значить, она хороша, если даетъ такое сильное впечатлѣніе однимъ только зрительнымъ воспріятіемъ.

По озеру, направляясь къ пристани, легко и быстро скользила лодка. Широкими взмахами вѣлъ ее умѣлый, сильный гребецъ; яркимъ пятномъ алѣла на кормѣ фигура женщины.

Лодка шла съ такой быстротой, что уже скоро Опалимовъ могъ хорошо различить ихъ туалеты. Онъ былъ въ сѣромъ пиджакѣ безъ шляпы, высокой, художавый, съ длинными руками, она—въ нунновой визаной кофточкѣ, плотно облегающей тѣло, и въ какой-то пестрой повязкѣ на головѣ. Мужчина сидѣлъ спиной, а лицо женщины казалось молодымъ,—свѣжее, жизнерадостное, съ блеклыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ повязки.

Онъ ловко причалилъ къ берегу и, бросивъ весла, всталъ во весь ростъ— жилистый и долговязый—и, закачавъ лодку, широко шагнулъ на пристань. Она прыгнула уверенно и легко, хотя оказалась, несмотря на изящество фигуры, женщиной довольно крупной и не много позной въ станѣ.

Опалимовъ слѣдилъ, какъ они быстро подымались по крутой дорогѣ между соснами—игривые и рѣзвые, окрыленные молодостью и жизнерадостнымъ здоровьемъ. Мужчина шелъ впередъ, шагая длинными ногами, съ тѣмъ удобнымъ наклонномъ корпусомъ, который изобличаетъ опытнаго ходока по горамъ. Онъ часто оборачивался къ ней, и она отвѣчала веселой, оживленной улыбкой, почти такъ, какъ же проворная на этомъ крутомъ выкатѣ, почти отъ спутника не отстававшая. Въ трудномъ мѣстѣ, гдѣ надо было прыгнуть вверхъ съ камня на камень надъ самой водой, онъ ей протянулъ руку, и она ловко скользила надъ обрывкомъ, мелькнувъ своей яркой кофточкой и бѣлой юбкой.

Минуть черезъ десять они вошли въ столовую и сѣли за маленький столъ довольно далеко отъ Опалимова на другомъ краю галереи, но такъ, что онъ ихъ хорошо видѣлъ.

Оба были молодые, веселые, и о чемъ-то горячо разговаривали, или на

кто не обранная гимназія, занятые только другъ другомъ. Мужчина—очень высокая и юнцески худой—былъ рѣшительно некрасивъ, съ крупными и неправильными чертами лица, особенно рѣзкими благодаря отсутствію бороды и усомъ; вѣроятно, поэтому слишкомъ замѣтно выдавался ротъ съ длинными зубами. Женщина казалась очень привлекательной: округло-нѣжная въ очертаніяхъ тѣла, свободная и легкая въ движеніяхъ. Опытнымъ взглядомъ человека, который видѣлъ женщинъ, Опалимовъ отмѣтилъ сразу умѣно одѣтый и врожденное изящество, отмѣтилъ искусство за собою слѣдить, бросить нужный валецъ пудры на слегка загорѣвшее лицо. Ротъ былъ въ мѣру румянецъ, и самый необходимый тонкій штрихъ успѣлъ скользнуть по рѣзнямъ и отмѣчить глаза.

Опалимовъ вообще любилъ женщинъ,—скорѣе, впрочемъ, какъ художникъ, безъ намѣренія сблизиться. Можетъ быть, такое отношеніе выработалось потому, что на усѣбхъ онъ никогда не рассчитывалъ, сблизился своей наружностью—тяжелой и совсѣмъ не героической. Онъ былъ достаточно уменъ, чтобы не обольщаться женскимъ вниманіемъ къ своей широтѣ, и давнымъ давно прервалъ на роли пріятелей и ласковыхъ доброжелательныхъ покровителей. Но онъ искренно любилъ женское общество, любилъ туалеты и духи женщинъ, весь ихъ ароматъ и всѣ аксессуары ихъ жизни, любилъ вдумываться въ ихъ настроеніе и душевный складъ.

Личная его судьба сложилась тускло, безъ захватывающихъ мгновеній. Въ годы студентства—гнетущая бѣдность, почти нищета, помѣшавшая кончить университетъ; понемногу удалось пристроиться къ одной изъ большихъ газетъ и здѣсь изъ грамотнаго репортера выработался въ рѣшительно лѣтъ не очень талантливый, но не глупый и наблюдательный писатель Опалимовъ, рассказы котораго охотно печатались. Два сборника имѣли успѣхъ въ публикѣ, а въ особенности понравился романъ «За кулисами столицы»—несомнѣнно бульварнаго пошиба, но съ сильно чапковскими отблесками страницами. Хорошій доходъ дала одна изъ пьесъ, пестрая, незатѣйливая, но нравившаяся актрисамъ и умѣло срежиссированная репертуарная.

Опалимовъ рано втянулся въ сутолоку столичной жизни, сталъ своимъ человекомъ за кулисами театровъ, въ ресторанахъ и въ клубахъ. Съ душою женственно-мечтательнаго склада, со скептически умомъ и вялой волей, онъ жилъ изо дня въ день, изъ ночи въ ночь, неудовлетворенный и окучающийся, ничѣмъ особенно не заинтересованный, работая безъ системы, ради денегъ, разрушая здоровье и бодрость духа вѣчными недосыпаніемъ, азартной игрой отъ скуки, безъ увлеченія, долгими ужинами и пьянствомъ въ кабакахъ со случайно поназвнившимися женщинами. Изъ него бы вышелъ, вѣроятно, хорошій семьянинъ, но жизнь пошла другой дорогой,—и онъ остался одинокимъ.

Опалимовъ внимательно слѣдилъ за появившейся парой. Ему сразу стало веселѣе, почти началось подходящее и пріятное занятіе. Женщина ему нравилась: это былъ стиль въ его вкусу.— холерная, думающая о своей наружности. Съ зѣвотостью опытнаго наблюдателя, онъ быстро отмѣтилъ большой ихъ интересъ другъ къ другу: она какъ будто немного рисовалась передъ этимъ молодымъ человекомъ, съ какимъ-то искусственнымъ изяществомъ пила и ѣла и играла глазами,—но отношенія между ними были, безъ сомнѣнія, выяснены, только выяснены, вѣроятно, недавно. Такъ, слѣдя, рѣшалъ Опалимовъ: ихъ глаза какъ-то озорно-дерзко ели въ ея движеніяхъ, а въ

Шт.-ротмистръ 15 Уланскаго Татарскаго полка, Ф. И. ШКЛУКЪ.

Въ одномъ изъ петроградскихъ лазаретовъ, только что закончивъ леченіе участникомъ двухъ послѣднихъ войнъ шт.-ротм. Шклука, бывавшій военную службу въ 1892 г. рядовымъ по набору. За первую войну былъ награжденъ семью чинами степенями Георгиевскаго креста и произведенъ въ офицера послѣ возвращенія изъ плѣна. Въ 1909 г. отправился вѣдомъ изъ гор. Рѣвеля, Псковской губ., въ Петроградъ на георгиевскій праздникъ, сдѣлавъ 2,807 верстъ въ 30 дней. Въ гор. Рѣвнѣ, во время пожара, бросился въ объятый огнемъ домъ и вынесъ изъ огня человека, за что получилъ медаль за спасеніе погибавшихъ. Въ нынѣшнюю войну дѣлалъ выдающіеся развѣдки. Разбилъ и уничтожилъ нѣсколько авиационныхъ безсмертныхъ гусаръ. Представляетъ къ каждому ряду офицерскихъ наградъ. Равенъ ширинелью въ нижнюю челюсть.

губахъ проскальзываетъ чувственное петербургское, точно вотъ-вотъ они оба сорвутся съ мѣста и станутъ тамъ, за этой стѣною, неистово цѣловаться. И у него есть въ маторѣ говорить кака-то уѣбренная и радостная настойчивость, и она иногда смотритъ ужъ очень ласково и очень покорно. Конечно, это влюбленные и, конечно,—только недавно счастливые.

Опалимовъ такъ долго и пристально на нихъ смотрѣлъ, что, наконецъ, это ему показалось неудобнымъ. Правда, они его не замѣчали, но, кажется, на сосѣднихъ столахъ уже обратили вниманіе: чего этого толстый господинъ такъ смотритъ? Онъ взагалъ опять за журналъ и опустилъ глаза, но рисунки были уже извѣстны, газеты внимательно прочитаны еще въ дорогѣ, разсказъ попался какой-то ужасно скучный, и онъ пошелъ снова слѣдить за понравившейся ему молодой женщиной и ея счастливымъ спутникомъ.

III.

Опалимовъ выходилъ изъ онеуѣбной столовой въ половинѣ одиннадцатаго. Онъ чувствовалъ себя усталымъ, какъ и обыкновенно въ послѣднее время, но не надблался, что сумѣетъ такъ рано заснуть.

А между тѣмъ дѣлать было рѣшительно нечего. Сквозъ стекла галереи вползали туманная сумерки, и тамъ не оставалось ни души. Онъ уже поужиналъ и съѣлъ дѣль порціи простоявшей и еще выпилъ три стакана чаю, и все-таки было только половина одиннадцатаго. Выйти гулять—холодно и неуютно, да онъ и не былъ особеннымъ любителемъ прогулокъ.

— Надо привыкнуть рано ложиться, здѣсь все такъ дѣлать, здѣсь утромъ должно быть хорошо,—думалъ онъ, хотя перспектива сейчасъ лечь въ постель не казалась ему особенно привлекательной. Онъ боялся нездоровья, сердеченія,—полая, незнакомая комната представлялась неудобной, несимпатичной.

Но все-таки онъ пошелъ наверхъ. Около одной изъ дверей въ коридоръ, у сѣдмого номера, онъ услышалъ на стѣбѣ сѣрый пиджакъ высокаго молодого человека. И тутъ же были выставлены очень длинныя и тяжелыя темно-рѣзкіе башмаки американскаго фасона и еще песочнаго цѣфта дамскія туфли, обличавшія маленькую и изящную ногу.

— Комната общая,—подумал Опалимов, и мысль об этих людях, об этой счастливой молодой паре опять захватила его внимание.

Какая прелестная, какая очаровательная на вид женщина! И как она влюблена в этого долговязого господина. Сколько было призывности в ее взгляде, когда она встала первая из-за стола и, повидимому, сказала, что хочет подняться к себе. А он глупо засмехался в ответ, надменный и самодовольный, показывая длинные зубы и кривая свое неправильное лицо с глубокими складками кожи от худобы. Нить, он рьятельно ее не стонг!

Опалимов вошел в свою комнату. Там было почти темно, потому что от самого окна начинался сосновый лес,—не было ни одной свободной с видом на озеро.

Он зажег свечу и закурил, опустив шторм. В комнате было чисто и уютно,—свитлая деревянная мебель и открытая на ночь широкая кровать с свежими простынями и ярким одеялом.

— Как нам хорошо здесь по соседству,—подумал он: какое счастье быть так любимым.

Кто это такие? Молодые-ли—впервые несли своего радостного обаяния, рывые, как дети, и влюбленные, как взрослые? Но она не казалась ни очень уж юной, ни, главное,—вчерашней робкой девушкой. Нить, если уж молодая, то, во всяком случае, или вдова, или разведенная. А гораздо вероятнее—тут какал-нибудь преступная комбинация.

И в голове писателя Опалимова, пока он раздвигался и укладывался в постель, собирав все необходимое на ночной столик,—часы, бумажник, папиросы, спички,—постепенно развивалась и складывалась прелестная романтическая история. Совершенно ясно, что они давно ждали этих мимолетных минут полной свободы, что это впервые им удалось всецело отдаться своему чувству, счастью, которое ловилось урывками и украдкой.

О! эта женщина—она многое знает. Она была развращена еще своим мужем, в свое время третью на Французском и кокетство и пожеланием потом купить это молодое, прелестное тело. Она пошла за него не совсем против воли,—ее обольщало и богатство, и отчасти даже нравился этот тонкий сдвинувшийся развратник, умевший умно говорить и волновать своими спокойно-безстыдными глазами. Теперь это уже почти развалина, она сама доживала последние дыхания его жизни, и он больше ни на что не годен. Но он сварлив, зол и богат,—только, к счастью, боится смерти. Его удалось выводить с домашним врачом куда-то на юг, в санаторию, и вот она—в объятиях любовника. Любовник совершенно случайный,—дальний родственник мужа, имевший доступ к нему в дом, молодой, сильный спортсмен, во время подвернувшейся, впервые ей давней нормальной любви здорового мужчины и впервые получающий от нее упоительные ласки искусно подготовленной любовницы.

Они, конечно, не могли поехать ни в одно из посещаемых мест и нарочно выбрали эту глухую гостиницу на север среди леса, где нить никого, кроме чахоточных дивов да детей из очень среднего, незнатного круга. Как они теперь счастливы, как упоены друг другом!.. Ловите, ловите, дети, эти драгоценные минуты самозабвения,—он так мимолетен...

Увлеченный своей пылкой фантазией, Опалимов забыл о собственном самочувствии и заснул легко и незаметно.

Но спать плохо, постоянно просыпаясь, не понимая, где он находится. Только уже утром окончательно освоился и еще долго дремал, так что спустился

Н. А. ВАРЛАМОВЪ въ средніе годы жизни.
Съ фот. А. Оцуна.

въ столовую поздно, когда уже там нить, отложив подъемом почти все время под солнцем между согретыми

Новые газеты пока не пришли, и он камней и не давших тень сосен. Тягловоль рывилъ пройтись послѣ чая желая мгла лежала на озерѣ, и очень сильно пахло соснами.

Было уже, вѣроятно, больше двѣнадцати. Дорожка вдруг свернула налѣво въ ти, когда Опалимовъ медленно подымался высокіе кусты, откуда слышались веселые голоса. И Опалимовъ не обратилъ, направляясь къ гостиницѣ. Его томилъ жара, и онъ почти на каж-ожданно вышелъ на залитую ослѣпительнымъ светомъ площадку, гдѣ играли отирая потъ. А дорожка вилась дли-ли въ теннись.

Бюстъ Н. А. ВАРЛАМОВА.
Работы скульптора В. О. Фредманъ-Клюзелл.
Съ фот. Ксен. Глыбовской.

— Противъ Георгія Фомича не могу,—кричалъ толстый здоровенный мальчишка лѣтъ тринадцати или больше, весь запыхавшійся и красный.

— Пляй!—раздался отчетливый, рѣзкій голосъ, и Опалимовъ увидѣлъ по ту сторону сѣтки долговязого спутника прелестной дамы, всего блага отъ башмаковъ до головы, который четкимъ взмахомъ вдругъ засвѣтѣвшей ракетой пустил надъ самой сѣткой страшный въ своей стремительности мячъ.

Но красный мальчишка его ловко отбилъ, и между ними завязалась ожесточенная борьба.

Тутъ только, окончательно выйдя изъ за кустовъ, Опалимовъ замѣтилъ и ее—вчерашнюю незнакомку. Она стояла у самой дорожки возлѣ скамейки и слѣдила за игрой, укрываясь отъ солнца ярко-зеленымъ зонтикомъ.

— Bravo, Джорджи,—громко сказала она послѣ какого-то удачного удара. Голосъ былъ звучный и сильный.

Заслышавъ шаги, она повернула голову и взглянула на Опалимова изъ-подъ налѣса зонтика, немного щуря глаза. Она была очень привлекательна, свѣжая и пѣвая, вся въ блѣмѣ, но при яркомъ дневномъ освѣщеніи Опалимовъ сразу замѣтилъ и по кожѣ на щекахъ и по морщинкамъ сощуренныхъ глазъ, что ей уже во всякомъ случаѣ за тридцать. Это было несомнѣнное впечатлѣніе. Да и фигура у нея далеко не дѣвочки, несмотря на очень короткую юбку.

Играли въ теннись четверо: еще одинъ худощавый юноша и некривая дѣвица въ полосатой юбкѣ, бронзовая отъ загара. Опалимовъ съѣлъ передохнуть въ сторонѣ подъ сосною, гдѣ было немного тени. Лучшее всѣхъ, конечно, игралъ спутникъ прелестной дамы: его мячи ложились почти касаясь сѣтки, а самъ онъ со своими длинными ногами посѣивалъ всюду и отбивалъ буквально всѣ удары.

— Нить, съ Георгіемъ Фомичемъ невозможно,—жаловался опять окончательно изнемогавшій толстый мальчишка, который единственный пытался съ нимъ бороться.

— Ловко жарить,—подумалъ Опалимовъ,—и хотя-бы что: на самомъ припекѣ, да еще безъ шляпы. Попробовалъ-бы я,—и онъ невольно улыбнулся, слѣдя за быстрыми, увѣренными движеніями неутомимаго игрока.—такой вотъ не найветь ни ожирѣній, ни разстройствъ первовъ.

Онъ видѣлъ, съ какимъ интересомъ слѣдила за игрой дама изъ-подъ своего яркаго зонтика, какъ ее волновали, какъ искренно правилась ловкость и сила ударовъ.

— Bravo, bravo, Джорджи!—несколько разъ повторила она.

Заходя въ гостиницу, Опалимовъ сталъ разспрашивать швейцара о живущихъ въ седьмомъ номерѣ. Узналъ только, что это г. и г-жа Брукъ, которые прѣехали съ недѣлю тому назадъ изъ Петрограда.

IV.

Съ Георгіемъ Фомичемъ Брукъ Опалимовъ познакомился очень скоро. Онъ какъ-то сидѣлъ надъ скалистымъ обрывомъ у озера, и вѣтеръ сорвалъ внизъ его газету, завертѣвъ тамъ на дорожкѣ. Онъ растерянно смотрѣлъ передъ собою, когда неожиданно появился внизу Брукъ и, въ два-три прыжка поднявшись по камнямъ, подаль газету Опалимову.

— Вы все не можете разстаться съ политикой,—улыбаясь, сказалъ онъ: а я по возможности не читаю.

Тутъ только впервые замѣтилъ Опалимовъ, что, несмотря на свою молодость и на проворство движеній, Брукъ далеко не юноша: привычно складывались морщины во время улыбки, и глаза,

Стрельба в бою под Ш.

Рисов А. Пржецлавский (участник войны).

даже улыбаясь, смотрели вдумчиво в Россию еще малолетним ребенком и хороша двадцатилетней девушкой и, в-лаз, своевольная Мария вышла замуж серьезно.

Через несколько дней Опалимов почти без акцента. Отец его—Томас любимица старика. Конечно, отец не Джорджа, — рывительного и энергичного, узнал всю историю интересовавших его Брук—служил на одном из ураль-хотель и слышать о таком бракъ,— который был так непохож на пред-людей, так как они хорошо познако-ских заводов, а потом был долго это само собою разумеется,—конечно, лагаемых ей претендентов, скучных и часто бывали вместе. Догадки управляющим имёнй—сначала на Вол-были пережиты очень тревожные дни и въ своей утонченной свѣтскости, развра-его оказались совершенно невѣрными. гь, затѣмъ въ Польшѣ. Это роскошные ночи. Даже Томас Брукъ требовалъ щепныхъ и противныхъ.

Съ величайшимъ изумленіемъ услышалъ имѣнія известнаго польскаго помѣщика отъѣзда сына,—что молодые люди на Адамъ Поневецкій былъ умный чело-Опалимовъ, что Бруку уже тридцать семь Адама Поневецкаго, умершаго нѣсколько своемъ настояли. вѣкъ и обожалъ младшую дочь. Онъ, ра-

лѣтъ, что онъ моложе его самого только лѣтъ тому назадъ. Опалимовъ, со своей писательской фан-на два года. А вѣдь какая легкость Молодой Джорджъ окончилъ образование тазией, себѣ очень ясно представлялъ дыхъ, когда поналъ безцѣльность сопро-осанки, какое юношеское сложеніе! Такъ въ Англій. Онъ технологъ по специаль-ихъ тайныхъ свиданія гдѣ-нибудь въ тивленія. Что же дѣлать? Госпожа плавааетъ и играетъ въ теннисъ, что не ности и вернулася къ отцу въ Польшу, орнжерѣ или у прудовъ стараго парка, Брукъ такъ госпожа Брукъ,—если угонится за нимъ ни одинъ мальчишка. гдѣ работалъ на одномъ изъ заводовъ, ихъ переписку съ помощью доверенной угодио Провидѣнію. Но крайней мѣрѣ

Прелестная дама—его жена, съ кото-Тутъ-то и произошло его сближеніе съ Стефаній, можетъ быть даже похище-будетъ окуплено личнымъ счастьемъ, здо-рой онъ обвѣнчанъ уже пятнадцать лѣтъ. младшей дочерью пана Адама—Маріей, нѣ,—объ этомъ ему подробно не раз-ровой семейной жизнью и здоровьемъ по-Брукъ—Англичанинъ, но поналъ въ Должно быть она была очень нѣжна и сказывали. Но, во всякомъ случаѣ, смѣ-томствомъ, да еще разумнымъ хозяй-

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ
ЗА БОЕВЫЕ ПОДВИГИ ОРДЕНОМЪ СВ. ГЕОРГІЯ 4-А СТЕПЕНИ.

Полковн. С. Н. Лазаревъ.

Поруч. Б. И. Кульневъ.

Полковн. Н. Н. Купчинскій.

Шт.-нап. Д. П. Дивничъ.

Поруч. М. И. Тихонравовъ.

ством без разорения,—это, пожалуй, куда лучше судьба, чѣм украшать отсыхающую вѣтвь какого-нибудь уже давно дулистаго аристократическаго дерева.

И Джордж оправдал надежды. Получив за женою хорошее приданое, онъ привелъ въ порядокъ все ея дѣла и самъ сталъ во главѣ большого доходнаго завода. Какъ разъ за участь этой дочери старикъ Поневецкій былъ, умирая, вѣроятно, всего покойнѣй. У нихъ двое дѣтей,—два сына, изъ которыхъ старшій сейчасъ въ Англiи, воспитывается въ одномъ изъ колледжей.

— Съ младшимъ Мэри все не хочетъ разстаться,—сказалъ Брукъ,—а между тѣмъ его придется послать: тамъ умѣютъ воспитывать людей...

Но война совершенно измѣнила ихъ положенiе.

— Мнѣ писали, что вырубленъ нашъ чудный паркъ,—съ горечью жаловалась Мэри.

Заводъ уже давно въ рукахъ Нѣмцевъ. Его зданiя были наполовину разрушены, врагами захвачены все огромныя помѣстья Адама Поневецкаго. Брукъ вадилъ съ женою въ Англiю, по своимъ дѣламъ, но тамъ неожиданно записался добровольцемъ въ армию. Это было внезапное рѣшенiе подъ влiянiемъ нахлынувшего настроенiя и ненависти къ Нѣмцамъ. Онъ всегда любилъ всякiй спортъ и сталъ учиться авиации. Но неудачный полетъ еще неопытнаго пилота.—и Брукъ упалъ, получивъ ушибы и сильное сотрясенiе. Такъ и не пришлось встрѣтиться съ этими проклятыми Пруссаками.

Онъ еще и сейчасъ не вполнѣ оправился отъ паденiя, утомляется и чувствуетъ иногда головную боль, но все-таки онъ уже здоровъ и годится для работы. Ему удалось наладить одно важное дѣло, и участие его въ войнѣ будетъ теперь гораздо полезнѣе, чѣмъ въ роли авиатора: это большой заводъ въ Россiи, приспособленный для военныхъ нуждъ, которымъ онъ будетъ руководить.

Сейчасъ у него оказалось три недѣли свободныхъ, которыми онъ воспользовался для послѣдняго отдыха. Даже младшаго сына оставили на дачѣ у ея сестры, чтобы не чувствовать никакихъ обязательствъ. Здѣсь очень хорошо надъ озеромъ: много солнца, простора,—вода и

лѣсъ, а дышать соснами такъ полезно. во всехъ отношенiяхъ, не смущаясь тѣмъ, что не всегда видна непосредственная польза такой работы. «Истля,—говорилъ онъ,—сама по себѣ имѣетъ значенiе безъ какихъ-либо вопросовъ о прямой пользѣ, а польза придетъ, отыщется безъ призыва, если истина будетъ находиться сама по себѣ, сама для себя». И вотъ недавно одинъ изъ послѣдователей Менделѣева, Б. П. Вейнбергъ, издалъ двѣ работы о положенiи центра поверхности Россiи отъ начала вѣка до настоящаго времени и о положенiи центра населенности Россiи съ 1613 по 1913 гг. (Извѣстiя Императорскаго Русскаго географическаго общества, т. LI. 1915. Вып. VI). Б. П. Вейнбергъ, также предвидя разговоры о «пользѣ» подобныхъ работъ, сразу же даетъ отвѣтъ господамъ-скептикамъ. Пусть будутъ найдены, напримеръ, еще центры протяженiя желѣзныхъ дорогъ, провоза грузовъ, сбора хлѣбовъ, погрузки ихъ и т. д., и окажется, что центры работы желѣзныхъ дорогъ и пр. перемѣщаются въ иномъ направленiи, чѣмъ центры населенности, полученiя грузовъ съ поверхности земли и изъ ея нѣдръ. Вѣдь такое несопадѣнiе можетъ дать существенныя и наглядныя указанiя для оцѣнки степени правиль-

Неразмѣнъ нуженъ полный отдыхъ,—добавилъ Брукъ,—а тамъ придется много работать, можетъ быть снова устраивать свою судьбу. Жизнь такъ бѣжитъ, прямо вырывается отъ васъ. Ну, да мы оба молодые.

Въ его глазахъ действительно загорѣлся какой-то живой, советскъ юный огонекъ, и сколько доверiя, сколько увѣренности въ немъ чувствовалось въ ея взглядѣ, поднятомъ на него съ гордымъ любованьемъ. Недаромъ Опалиновъ припалъ его за юношу, а ихъ отношенiя были такъ любовны и такъ свѣжи, что они вмѣстѣ могли, правда, показаться только только сошедшимися. Но какъ далеки были былыя догадки отъ того, что пришлось встѣтнть въ действительности, какъ ложь былъ весь его тонкiй анализъ, все пристальныя наблюденiя.

— Да, вы, конечно, еще молодые,—подтвердилъ Опалиновъ.

— Молодые во всехъ отношенiяхъ,—подумалъ онъ: точно вчера повзбичанные. А вѣдь почти однимъ лѣтъ со мною, и шестнадцатый годъ живутъ вмѣстѣ... Теперь разорены, и почти объ этомъ не говорить, не жалуются... Только что упалъ, разбился, получилъ нервное сотрясенiе... А теперь беззаботно играетъ въ теннисъ, состязаясь съ подростками, и не читаетъ газетъ. Действительно отдыхаетъ свои три недѣли... Вотъ гдѣ надо учиться молодому поколѣнiю...

В. Опалиновъ.

Литературныя замѣтки.

Къ познанiю Россiи.

Д. И. Менделѣевъ разыскалъ по даннымъ всеобщей переписи 1897 г. положенiе центра поверхности всей Россiи и центра населенности Россiи и завѣщалъ своимъ послѣдователямъ продолжать изученiе родины

Принцесса ЮЛАНДА дочь короля Италiи.

ности направленiя, въ которомъ развивалось желѣзнодорожное строителство и т. д.

Здѣсь не мѣсто подробно говорить о томъ, какъ центръ поверхности перемѣщался изъ Москвы (1300 г.) въ Пермь (1613 г.), за Енисейскъ (1761 г.) и возвращался опять на западъ къ Томску, и какъ центръ населенности изъ Москвы перемѣстился восточнѣе Тамбова, а равно и какiя трудности пришлось преодолѣвать автору для выведенiя соответствующихъ графиковъ и таблицъ. Считаю лишь необходимымъ указать на эту полезную и интересную работу всѣмъ интересующимся этими вопросами, особенности жизненными въ переживаемый моментъ перерожденiя Россiи и освобожденiя отъ тяжелаго иноземнаго ига.

к.—

Депутаты отъ Россiи.

Существуютъ такiя имена, съ которыми мы привыкли связывать представлѣнiе объ извѣстныхъ историческихъ эпохахъ, о знаменательныхъ событияхъ, о тѣхъ или иныхъ теченiяхъ общественной мысли и т. п. Когда заходить рѣчь объ О. А. Новиковой, то мы, прежде всего, вспоминаемъ о томъ, чему она посвятила самую значительную долю изъ своего большаго запаса энергiи,—о ея борьбѣ за сближенiе между Россiей и Англiей, отношенiя между которыми въ то время, когда началась ея дѣятельность, доставившая ей среди Англiчанъ прозвище «депутата отъ Россiи», далеко нельзя было назвать дружескими. Составленная извѣстнымъ англiйскимъ писателемъ и политическимъ дѣятелемъ В. Стедомъ, на основанiи воспоминанiй и переписки О. А. Новиковой, книга подъ заглавiемъ «Депутатъ отъ Россiи» * объимаетъ собою періодъ дѣятельности г-жи Новиковой отъ 70-хъ годовъ почти по настоящее время, а именно по 1908 г., когда англо-русскiя узмы были закрѣплены торжественными заявлениями двухъ монарховъ при ревельскомъ свиданiи. Но въ названной книгѣ мы находимъ не одно лишь то, что имѣетъ связь съ этимъ специальнымъ вопросомъ объ отношенiяхъ между двумя народами, питающими другъ противъ друга предубѣжденiя; въ ней отразилась цѣлая полоса общественной и притомъ общественной не заходустно-провинциальной, а, такъ сказать, европейской, связанной съ тѣмъ, что волновало въ свое время лучшiе умы на Западѣ. Кромѣ дружескихъ отношенiй съ Гладстономъ, продолжавшихся до самой его смерти, г-жа Новикова пользовалась расположенiемъ такихъ выдающихся людей, какъ Т. Карлейль, Дж. Тицаль, историкъ Кинглекъ, Макензи Уоллесъ и многiе дру-

* W. T. Stead. «Депутатъ отъ Россiи». Воспоминанiя и переписка О. А. Новиковой. Переводъ Е. С. Мосоловой. Петроградъ. 1915 г., т. I. Стр. 312. Т. II. Стр. 220.

замучатъ молодого перичнаго, на предскачучныхъ, развратный чело. Онъ, радель молодой сопрод. Господжа къ. — если ней мѣрѣ съемъ, здоровымъ по- хозий-

Сотрудникъ «Новаго Времени» И. М. КАЛИНИКОВЪ, поступившiй добровольцемъ въ ряды дѣйствующей армии. 23 июля награжденъ вторымъ Георгиевскимъ крестомъ 3 степени.

Мичманъ А. Н. Прокофьевъ-Сверскiй-сынъ (лѣнитъ), раненный взрывомъ бомбы. Извѣстный пѣвецъ Н. Г. Прокофьевъ-Сверскiй-отецъ (сидитъ) во временномъ морскомъ госпиталѣ въ Ревелѣ.

Павшие смертью храбрых.

Есаулъ М. Сараевъ.

Поруч. В. А. Лебедевъ.

Капит. Н. П. Гусановъ.

Прапорщ. А. А. Щеголь.

Подпоруч. А. В. Тишининъ.

Прапорщ. П. Д. Крюковъ.

Прапорщ. А. А. Бдановъ.

Прапорщ. Л. Е. Шулеповъ.

Прапо щ. Д. Ф. Гордиевскій.

Поруч. Н. Н. Петровичъ.

гис. Зарождение у г-жи Новиковой первой руссофобии, которыхъ обуяла какой-то помысли о необходимости дѣятельности, логическій delirium tremens.—«Турція гиблетъ: надо ее спасти»,—кричали они. Студъ относигь еще къ Гладстону показалъ примѣръ истиннаго мужества, дѣйствуя открыто, заодно съ своимъ посломъ лордъ Нешеръ высказалъ Новиковой, которую злостные джигонъ-мысль о желательности болѣе тѣснаго сближенія между Англичанами и Русскими, ского правительствѣ», и убѣжденія которой, проникнутыя горячей вѣрой въ существованіе, внушали ужасъ даже многимъ Англичанамъ не столь крайняго образа за мыслей. Нельзя не отмѣтить здѣсь, что, сходясь съ Гладстономъ во взглядахъ по многимъ вопросамъ, О. А. Новикова въ то время была сознательно внушила г-жѣ Новиковой всю ее послѣдующую дѣятельность, и какъ, по ее мнѣнію, былъ неправъ, она направленную къ тому, чтобы «пріучать давала ему энергичный отпоръ. Повторяя, Англичанъ постепенно слышать хороше и напр., довольно ходячее въ его эпоху мнѣ-правадые отзывы о Россіи». Сдѣйствіе же, Гладстонъ допускалъ, что Россія, какъ въ этомъ дѣлѣ такого союзника, какъ страна, не являющаяся парламентскаго ре-Гладстонъ, значительно облегчало задачу О. А. Новиковой. Оба они,—говоритъ Студъ,—«тридцать лѣтъ назадъ, когда эта страна (т. е. Англія) безумствовала, потому что въ это время явился джигонъ, свободы нашимъ единовѣрнымъ балкан-стояли плечомъ къ плечу, отстаивая пра-вое дѣло, работали вмѣстѣ мужественно и честно, чтобы побороть предубѣжденія обѣихъ странъ, и представили міру дока-зательство вѣрнаго товарищества въ дѣлѣ англо-русскаго соглашения». Едва ли не самымъ драматическимъ моментомъ въ этой совѣстной дѣятельности было вре-мя русско-турецкой войны, когда Англія была на волосокъ отъ того, чтобы вѣ-рнуться въ распрю между Россіей и Тур-ціей въ пользу послѣдней.—«Пора сдер-жать побѣдительную Россію»,—кричали

Германцы были первыми орудіями угне-тенія,—въ пораженіи Поляковъ они превосходятъ самыхъ рьяныхъ москви-чей. Однако, они никогда не измѣнятъ на-ціональнаго духа въ польскихъ крестья-нахъ». Для этого, по мнѣнію Кейзеринга, «у Германцевъ слишкомъ желѣзный ку-лакъ». По поводу вѣннской политики Пруссіи этотъ другъ Бисмарка и «пред-ставитель нѣмецкой культуры на русской службѣ», какъ онъ самъ себя называлъ, говоритъ: «Вѣннская политика этой стра-ны служить мнѣ убѣжденіемъ, что во вѣннскихъ ея отношеніяхъ бездна безправ-ственности». Такъ оцѣнили начала, по-ложенныя въ основу прусской политики, и въ лучшіе представители германской расы еще полѣтка назадъ.

Ю—щъ.

Кое-что о географіи.

Новоселами размышленія вызвало у меня появленіе шестнадцатаго (!) изданія книжки И. И. Матченка «Обозрѣніе Рос-сійской Имперіи сравнительно съ важ-нѣйшими государствами». Шестнадцатое изданіе! Сколько поколѣній прокли-нали эту сухую книжку, засоряющую память массой ненужныхъ свѣдѣній и цифръ и не дающую все же яснаго пред-ставленія о Россійской имперіи. Но, что это печальнѣе, это отсутствіе лучшей книжки для ея замѣны. Ну, пусть наши дѣти осуждены выубривать учебникъ Матченка,—дѣлать нечего; но мы въ правѣ требовать, чтобы сообщаемыя учебникомъ свѣдѣнія были точны и вѣр-ны, а вѣдь и этого вѣтъ, несмотря на допущеніе книги въ качествѣ учебнаго руководства ученымъ комитетомъ ми-нистерства народнаго просвѣщенія и ученымъ комитетомъ Святейшаго Синода. От-крылъ книжку наудачу и читаю: «Петро-

градская (Пулковская) обсерваторія по-лучила значеніе центральною въ Россіи метеорологическаго учрежденія подъ названіемъ «Главной физической обсерва-торіи», когда всякій знаетъ, что Пулков-ская астрономическая обсерваторія, ле-жащая у ст. Александровской, Сѣв.-Зап. ж. д., не имѣетъ ничего общаго съ Глав-ной физической обсерваторіей на Ва-сильевскомъ островѣ. Въ Россіи 6,8 мил. Евреевъ и 7,1 мил. лицъ іудейскаго вѣро-исповѣданія; спрашивается, какой же національности 300,000 не-евреевъ іудей-скаго вѣроисповѣданія? Въ Россіи дѣ-йствително рыболовные заводы въ Симбир-скѣ, Усть-Куринскѣ и Ачугевскѣ на Кубани; первый былъ нѣчто безусловно микроскопическое и не существуетъ, вто-рой еще не началъ существовать, а тре-тій также не существуетъ, такъ какъ г. Матченка не знаетъ, что на Кубани за-водомъ называютъ промыселъ для выло-ва, а не разведенія рыбы! Ну, а настоя-щія большіе заводы автору неизвѣстны. По предисловію карта желѣзныхъ дорогъ замѣнена новой, на ней нанесены даже крошечныя вѣтки (Ріонъ—Кутансь), ну, а городъ Бердянскъ и весь квадратъ, въ которомъ онъ стоитъ, лишены дорогъ протяженіемъ въ сотни верстъ, хотя станціи частью имѣются (Чаплино, Але-ксандровскъ, Бердянскъ), между Бугуль-мой и Уфой блѣое мѣсто, а побѣда тамъ ходитъ. Вотъ вамъ и новая карта 1915 года! Россію защищаютъ, между про-чимъ, крѣпости Ахольныхъ (!), Эривань (!), Дербентъ, Ардаганъ (!) и т. п. Отъ укрѣ-пленій Ардагана послѣ войны 1878 го-да оставались лишь мѣста, гдѣ они бы-ли? Выборку эту можно продолжать. Вѣтъ, господа, нельзя писать, сидя у се-бя въ кабинетѣ, учебника географіи съ претензіей все знать и не имѣя даже надлежащихъ матеріаловъ. Не слѣдуетъ также и допускать все это къ изученію.

К.

Мелочи.

МОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ТРУДА ВЪ АНГЛИИ.

Королева бельгийская Елизавета в изгнании.

3 августа 1914 года (21 июля ст. стили) германская армия перешла бельгийскую границу и на следующий день Альберт, король Бельгии, произнес свою знаменитую рѣчь, въ которой призывалъ встать на защиту родины всѣхъ уроженцевъ ея.

Что сдѣлала королева бельгийская, урожденная баварская принцесса?

Она заявила мужественно парламенту, что отрывается отъ своей прежней родины, допустившей столь вопиющую несправедливость, какъ нарушение всѣми державами признаннаго нейтралитета Бельгии, и отицаетъ у нея вѣтъ другой родины, кремль страны ея мужа и дѣтей.

Весь истекшій годъ королева-изгнанница провела въ скромной виллѣ на берегу моря, среди песчаныхъ дюнъ, недалеко отъ Гавра. Нѣсколько виллъ жмутся одна къ другой—это помѣщенія бельгийскаго двора въ изгнаніи. Съ одной стороны слышенъ день и ночь немолчный ропотъ моря, съ другой—доносится яростная канонада изъ Ньюпора...

Королева отказалась отъ всѣхъ своихъ драгоценностей. Только обручальное кольцо и тонкая золотая цѣпочка на шеѣ съ медальономъ—миниатюрой короля—носятъ она въ эти скорбные дни.

Все свободное время она проводитъ въ госпиталяхъ, ухаживая за ранеными, съ тревогой ожидая, что каждую минуту въ ея руки могутъ доставить и супруга ея, короля-солдата, рѣдко бывающаго дома, ибо траншеи бельгийскихъ солдатъ—его домъ въ теченіе цѣлаго года этой ужасной войны.

Однажды королева выразила желаніе лично сопровождать своего супруга въ траншеи, чтобы увидѣть, что амъ нужно—нашимъ храбрецамъ, заявила она. Сутки ея отсутствія были проведены въ смертельной тревогѣ всѣми ея приближенными.

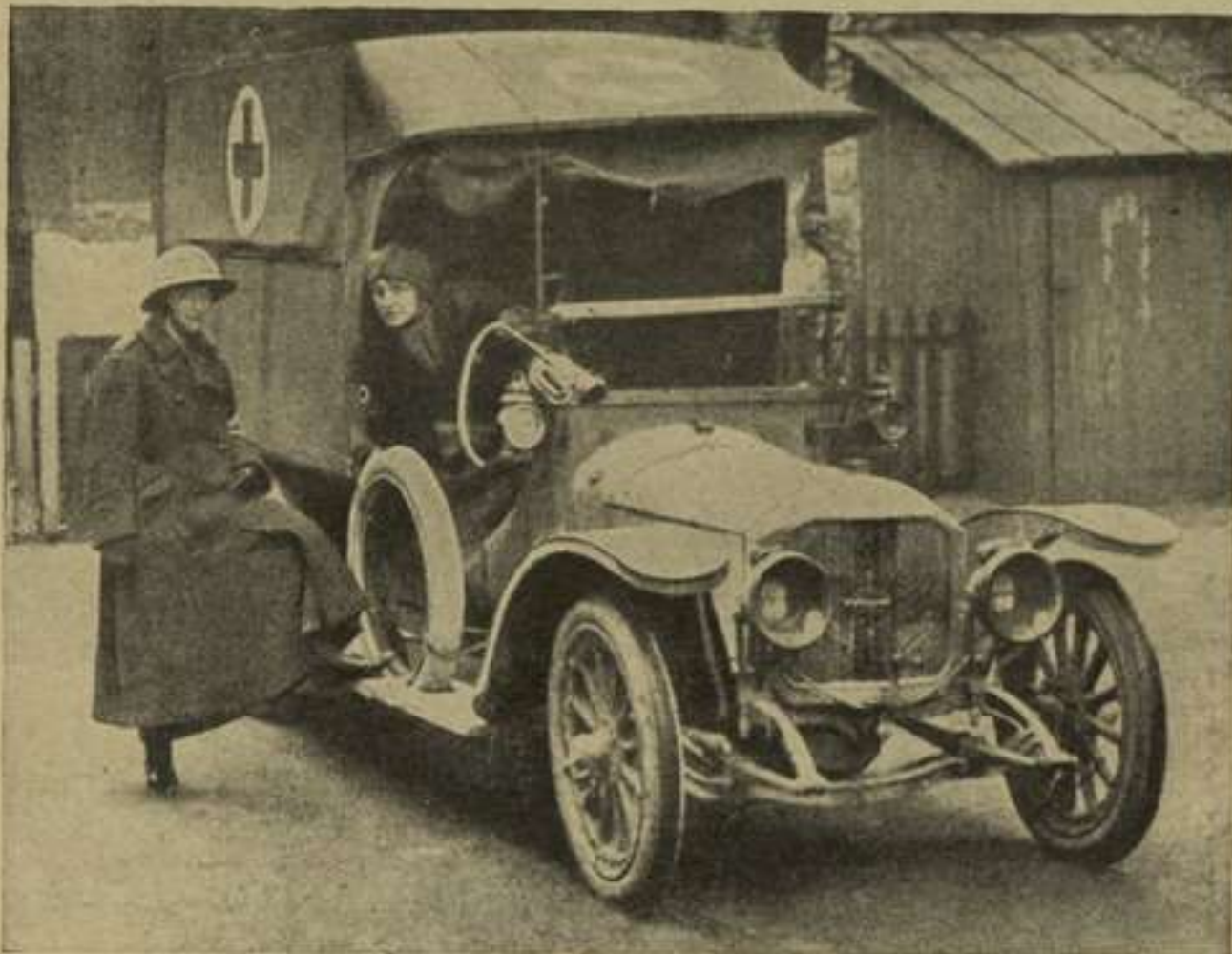
Англичанкѣ Мари Робертс Райнхартъ удалось посѣтить королеву Елизавету въ ея изгнаніи на скромной виллѣ «La Rappe».

Женщины кондукторы трамвая.

Окружающій садъ поросъ густой травой: всѣ слишкомъ заняты для того, чтобы заботиться о красотѣ подстриженныхъ лужаекъ. За оградой сада простирается до берега моря жидкія песчанныя дюны. Изъ оконъ виллы виденъ безбрежный просторъ океана. Сама вилла мала и обставлена весьма скромно,—съ обычной мебелировкой дѣтскихъ помѣщеній. Въ гостиной на окнахъ висятъ тяжелыя портьеры, чтобы предохранить отъ вѣтра, проникающаго въ щели ихъ. Въ зимніе дни здѣсь пылалъ огонь въ каминѣ, и образовавъ всего 15 горныхъ альпійскихъ ротъ по 120 человекъ въ каждой. Уже въ слѣдующемъ, 1874, году число ротъ было доведено до 24, причемъ въ резервъ каждой роты состояло 250 милиціонеровъ. Съ тѣхъ поръ организація этой войсковой части все усиливалась, и въ 1915 году Италия могла уже выставить на горныхъ хребтахъ и въ проходахъ Альпъ, вошедшихъ въ Австрію, свыше 200,000 штыковъ,—достаточное количество для того, чтобы сдержатъ первый напоръ Австрийцевъ и дать странѣ возможность спокойно провести мобилизацію.

Королева приняла Англичанку безъ всякаго этикета. Скромно одѣтая въ простое синее платье, она появилась въ гостиной, какъ любезная хозяйка дома, и усидила свою посѣтителницу въ одно изъ кресель. Въ разговорѣ королева не престаивала обращаться къ несчастнымъ, переживаемымъ страной, обходя свои огорченія и всѣ тягости изгнанія молчаливымъ. Съ глубокой скорбью отозвалась она войны.

Санитарный автомобиль.

о всѣхъ германскихъ звѣрствахъ въ Бельгии.

— Я сама Баварка по рожденію,—говорила она,—и съ дѣтства слышала про господство Германіи надъ народами, но я никогда не придавала этому значенія. Заговорили о дневникахъ германскихъ солдатъ. Королева измѣнилась въ лицѣ и произнесла упавшимъ голосомъ: «Господи! Чѣмъ виноваты дѣти и женщины! Мужчины, воины—это понятно: ихъ долтъ умереть за родину, но эти ни въ чемъ не повинны существа!»

Затѣмъ разговоръ перешелъ на разореніе страны, и королева сказала: «Вотъ гдѣтъ, когда мы вернемся изъ этого изгнанія. И, вернувшись, что найдемъ мы? Сожженные города, уничтоженные деревни и сколько могильщъ...»

Королева бельгийская—Германка по происхожденію, она Баварка. Но ея благородная душа не могла примириться съ жестокостями этого народа. Она не хотела и не можетъ соединить себя съ убійцами дѣтей и разрушителями храмовъ, и готова прожить до конца дней своихъ въ изгнаніи, лишь бы правда восторжествовала.

И лучший приговоръ надъ народомъ, забывшимъ всѣ Божескіе законы,—это отреченіе отъ Германіи благороднѣйшихъ представителей ея.

Стыдно и позорно носить имя Германца послѣ всего содѣяннаго ими!

„Синіе дьяволы“—Италія.

Этимъ живописнымъ названіемъ наша полая сожженца окрестила издавна своихъ альпійскихъ стрѣлковъ.

Этотъ кадръ войскъ основанъ сравнительно недавно—въ 1872 году, когда итальянскій парламентъ заданъ цѣлью реорганизовать свою национальную армию. Тогда же въ парламентѣ поднялись многочисленные голоса за то, чтобы оставить «альпійца на его утесахъ», мотивируя это необходимостью создать защиту страны въ горахъ, могущую воспрепятствовать неожиданному вторженію неприятеля въ равнины Ломбардіи.

Тогдашній военный министръ—генералъ Рикотти—началъ намѣченную реформу въ незначительныхъ размѣрахъ, и образовавъ всего 15 горныхъ альпійскихъ ротъ по 120 человекъ въ каждой. Уже въ слѣдующемъ, 1874, году число ротъ было доведено до 24, причемъ въ резервъ каждой роты состояло 250 милиціонеровъ. Съ тѣхъ поръ организація этой войсковой части все усиливалась, и въ 1915 году Италия могла уже выставить на горныхъ хребтахъ и въ проходахъ Альпъ, вошедшихъ въ Австрію, свыше 200,000 штыковъ,—достаточное количество для того, чтобы сдержатъ первый напоръ Австрийцевъ и дать странѣ возможность спокойно провести мобилизацію.

Военное обученіе этихъ войскъ имѣетъ въ основѣ спортивный характеръ и преслѣдуетъ узко-спеціальныя цѣли горной

Ловкіе, какъ обезьяны, выносливые, физически развитые и крѣпкіе, альпійскіе стрѣлки по праву заслужили свое названіе «дьяволовъ», а терминъ «синіе» былъ приданъ имъ по цвѣту ихъ мундировъ.

Ремесло солдата-горца требуетъ огромной тренировки. Необходимо не только умѣть легко взбираться по крутизнамъ въ полной амуниціи, но также и знать горы, какъ свои пять пальцевъ, ориентироваться въ нихъ, быстро находить слабую сторону противника... Въ силу этого въ теченіе пяти мѣсяцевъ лѣтнихъ маршируютъ альпійскіе стрѣлки совершаютъ ежедневно военныя прогулки въ горы.

Разсыпавшись цѣпью, они карабкаются по утесамъ, пробиваются по извилинамъ горныхъ тропинокъ надъ пропастями, постепенно въ душѣ Нѣмца-патриота намысливаютъ траншеи въ гранитѣ горъ... А сколько опасностей представляютъ вѣнншемъ развитіи кровавыхъ событій, эти прогулки! На разсвѣтѣ густой туманъ окутываетъ склоны горъ, легко поскользнуться и ринуться въ пропасть! А предательскія ровни, снѣжная равнина, пригрѣтая солнцемъ... Ступитъ ждеишемъ полной согласованности герца на нихъ неосторожная нога, и падетъ манскихъ военныхъ приготовлений съ человекомъ между въ скрытыхъ снѣгомъ тою Австро-Венгрии, обращенной въ Сермахахъ, провалахъ и трещинахъ горъ! би.

Недаромъ въ 1860 году маршалъ Макдональдъ, не доверяясь этимъ обманчивымъ полянамъ, гналъ передъ собою стадо коровъ, и только это помогло его солдатамъ избѣжать смертельной опасности.

Кавалеріи вѣтъ въ горахъ, ибо вѣтъ и въ свою побѣду. Это чувство раздѣляетъ

лошади, которая могла бы взбираться на эти крутизны. Кавалерія альпійскихъ горъ—это альпійцы-лыжники. Они несутъ развѣдочную службу, они же, быстро скользя на лыжахъ, разносятъ приказы штаба командирамъ отдаленныхъ частей.

Немало труда выпадаетъ на долю саперовъ. Что ни шагъ, то естественное препятствіе! Здѣсь надо перекинуть мостъ черезъ пропасть, тамъ взорвать динамитомъ скалы и проложить проходимую тропинку—карнизъ надъ пропастью—среди хаотическаго нагроможденія скалъ и утесовъ.

И взрывы потрясаютъ прозрачный горный воздухъ, звенятъ кирка и заступъ въ безмолвіи горъ! Горная артиллерія альпійскихъ стрѣлковъ доведена въ настоящее время до 1,300 орудій, всѣхъ ихъ по болѣе пяти пудовъ каждое. Орудія перевозятся на спинахъ муловъ, мулы же тащатъ зарядные ящики со снарядами и обозныя повозки. Для одной только артиллеріи требуется 30,000 муловъ. Эти животные, въ свою очередь, путемъ неуклюжей тренировки подготавливаются къ трудной задачѣ, выпадающей на ихъ долю въ военное время. Насколько это необходимо, можно судить по тому, что въ 1870 г., во время Боснійской кампаніи, 20-я австрийская дивизія потеряла въ шесть дней всѣхъ своихъ муловъ изъ-за недостаточной тренировки ихъ.

Итальянцы довели техническое оборудование этой войсковой части и вопросы снабженія ея боевыми припасами, провіантомъ и фуражомъ до совершенства, и подаромъ Италия такъ гордится своими «синими дьяволами» альпійскихъ горъ!

Интересный документъ.

Английскій журналъ «Pearson's Magazine» печатаетъ дневникъ нѣмецкаго офицера, найденный на поляхъ Марны. Дисциплина этотъ посвященъ женщинамъ, къ которой обращается неизвѣстный авторъ. Онъ не пишетъ ей писемъ, повидимому, болѣе ее скомпрометировать, но надѣется, что дневникъ попадетъ послѣ войны въ ея руки даже въ случаѣ его смерти, черезъ одного изъ друзей. Записки ищровъ альпійскіе стрѣлки совершаютъ представляютъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ ведутся человекомъ очень искреннимъ, наблюдательнымъ, съ живою душою. По нимъ можно слѣдить, какъ горныхъ тропинокъ надъ пропастями, постепенно въ душѣ Нѣмца-патриота намысливаютъ траншеи въ гранитѣ горъ... А сколько опасностей представляютъ вѣнншемъ развитіи кровавыхъ событій, эти прогулки! На разсвѣтѣ густой туманъ окутываетъ склоны горъ, легко поскользнуться и ринуться въ пропасть! А предательскія ровни, снѣжная равнина, пригрѣтая солнцемъ... Ступитъ ждеишемъ полной согласованности герца на нихъ неосторожная нога, и падетъ манскихъ военныхъ приготовлений съ человекомъ между въ скрытыхъ снѣгомъ тою Австро-Венгрии, обращенной въ Сермахахъ, провалахъ и трещинахъ горъ! би.

1 августа (нов. стили) стало извѣстно, говорить въ запискахъ, что мы будемъ воевать съ Россіей, что мы наступили, наконецъ, на лапу этого медвѣдя, парадаясь подлинными словами автора. Вся Германія охвачена вѣрой въ свою мощь и въ свою побѣду. Это чувство раздѣляетъ

Железнодорожная слугація.

ся и автором записок: сначала чередь Франции, потом России. Приводится характерная бытовая подробность: товарищ по полку, офицер Гаузенг, вечно занятый денежными заботами и кредитами, мечтает о том, как он блестяще поправит все свои дела после победоносного возвращения армии в Париж.

Но 5 августа становится извѣстной первая неприятная неожиданность: къ союзникамъ присоединилась Англия. Впрочем, что жь? у ней нѣтъ войска,—справимся.

Начинается походъ, встрѣтившій вдругъ какую-то непредвидѣнную задержку. Давя другъ друга, наступаютъ и тѣсятся огромныя армии, давно готовые, со своею страшной артиллеріей, по онѣ остановлены, не могутъ продвинуться впередъ. Въ чемъ же дѣло?

Это сопротивление Бельгийцевъ, въ которое никто не хочетъ даже вѣрить. Неужели маленькая Бельгія въ состояніи насъ задерживать! А между тѣмъ фактъ налично. Авторъ очень картинно сравниваетъ положеніе съ необходимостью огромнымъ массамъ войска пройти сквозь горлышко бутылки, въ которомъ застряла бельгійская пробка.

Этой героической отваги маленькаго народа никакъ не могъ предвидѣть германскій генеральный штабъ. Было предусмотрено рѣшительно все. — возможность первыхъ неудачъ на французской территоріи, сопротивление ихъ крѣпостей, тѣ или другія маневрированія Французовъ,—но отчаянной борьбы Бельгийцевъ никакъ не ожидали. Получился внезапный зазоръ, настолько нарушившій общій порядокъ, что генеральный штабъ спутался въ расположеніи частей, къ доставкѣ снаряженія и провіанта, и судьба всей кампаніи совершенно измѣнилась. Точка въ прекрасно рассчитанномъ механизмѣ засорилась и перестала дѣйствовать одна какая-нибудь пружина, нарушая всю гармонию движенія. Именно потому, что было все впередъ рассчитано во всѣхъ деталяхъ, произошло такое серьезное замѣшательство изъ-за неожиданнаго поведения Бельгийцевъ. Задерживали не только Бельгийцы, задерживали собственный беспорядокъ.

Автору записокъ тутъ пришлось впервые участвовать въ бояхъ, слышать гулъ орудій, уже не на парадахъ и маневрахъ, и видѣть разносимую ими смерть. Это произвело на него самое тяжелое впечатлѣніе, и прежняя увѣренность въ побѣду Германіи начинала уступать мѣсто сомнѣніямъ и грустнымъ предчувствіямъ.

Чего, собственно, добивается Германія? Она была богата и занимала самое почетное положеніе среди народовъ,—что ей можетъ прибавить война? Новую территорію? Но территорія, населенная другими племенемъ, это не усиливаетъ побѣдителя, а ослабляетъ. Нельзя подавить национальное сознаніе,—достаточно вспомнить Эльзасъ и Польшу. Уже и сейчасъ остановлена и разорена вся германская внѣшняя торговля, а что будетъ потомъ?

Офицеръ Гаузенгъ, мечтавшій поправить дѣла въ Парижѣ, отбѣгаетъ на этотъ вопросъ, что Германія будетъ единственной повелительницей міра, по ригъ онъ,—но мы сами страдаемъ не отъ ригъ уже кажется неудовлетворен-

Доставка раненыхъ съ русскаго фронта по особо проведеннымъ для этого рельсамъ. Снимки спеціального корреспондента англійск. журнала („The Sphere“).

рительнымъ. Такъ ли это, да и какую кухню не поспѣваютъ за нами, и мы страдаемъ отъ голода, мы еле живы отъ усталости. Врагъ все время отходитъ пекучая, какъ выходящее облако, которое мы не можемъ схватить.

«Французская артиллерія наноситъ намъ страшныя потери. Убитъ Гаузенгъ, мѣтавшій о Парижѣ, убиты или ранены почти всѣ товарищи-офицеры. Это какая-то страшная и бессмысленная бойня, и я проклинаю тѣхъ, кто дѣлаетъ насъ орудіемъ своихъ кровавыхъ теорій. А насъ все время торопятъ впередъ и вѣдуть на вѣрную смерть. Если эти записки дойдутъ до васъ въ Германію, вспомните, что мы завѣщаемъ вамъ месть за жестокою игрою нами. Враги не впередъ насъ, враги тѣ, кто насъ сзади толкаетъ.

«Наступленіе наше остановлено Французами, и мы повернули назадъ. Я былъ въ рукахъ и попалъ въ плѣнъ, но мнѣ удалось сбежать, спрятавъ платье съ убитымъ Французомъ. Походныя наши удалось сбежать, спрятавъ платье съ убитымъ Французомъ. Походныя наши удалось сбежать, спрятавъ платье съ убитымъ Французомъ.

го Француза. Какъ настоящіе джентльмены, Французы не стали отбирать у меня этой тетрадки, какъ только я заявлялъ, что это частная переписка.

«Теперь должна начаться подземная позиционная война. Эта возможность на случай неудачи перваго натиска была также заранее предусмотрена нашимъ штабомъ, но несмотря на всю сложную предусмотрительность, слѣдуетъ себѣ отдать вѣрный отчетъ: Германія погибла.

«Я смотрю уже на себя, какъ на человека, безусловно обреченнаго смерти, и потому я вижу все кругомъ ясными, просвѣтленными глазами. Я былъ слѣпъ и глухъ, какъ другіе, но все мной испытанное и близость неминуемой смерти открыли мнѣ зрѣніе и пониманіе.

«Германія погибла,—это не нація, это стальное тѣло съ убитой душой. Мы бездушно готовились къ войнѣ, къ этой страшной бойнѣ, мы обратились въ какой-то заведенный механизмъ. Нѣтъ души и въ нашей арміи. Неужели мы не станемъ больше людьми, не поймемъ, какъ когда-то понимали, всѣхъ радостей жизни.

«Я оглохъ отъ безпрестаннаго треска выстрѣловъ, болитъ раненая лѣвая рука и мучитъ страшная чесотка, полученная въ окопахъ. Неужели по прежнему есть гдѣ-нибудь радостная жизнь, есть мирный трудъ и комфортъ, есть красота и искусство?

«Лгутъ наши газеты, будто Англичане бѣгутъ. Это чистый вымыселъ. Намъ наносится страшныя потери, и положеніе наше очень тягостное.

«Сегодня мнѣ пришлось говорить съ однимъ генераломъ, говорить искренно, по-приятельски. Это человекъ, который многое понимаетъ, и мы совершенно сошлись во мнѣніяхъ.

«Онъ, увы, находитъ, что мы погибнемъ, что для Германіи нѣтъ спасенія. Руководители наши еще этого не поняли, а слѣдовало бы понять. Слишкомъ тщательное и долгое приготовленіе къ войнѣ обратило и страну и армію въ машину. У насъ осталось только самолюбиво, да механизмъ повиновенія. Но живая искра потухла, и наставшій моментъ борьбы не далъ намъ вдохновенія и огня. Кто спасетъ Германію? Нѣтъ Бисмарка, который сумѣлъ бы, пожалуй, это сдѣлать. Такого его мнѣнія. И мое также.

Вотъ сущность и главныя мысли атихъ записокъ нѣмецкаго офицера, напечатанныхъ англійскимъ журналомъ. Они представляютъ собой весьма интересный документъ, какъ показатель настроенія. Пусть это сознаніе еще далеко не всѣхъ генераловъ и офицеровъ, но вѣдь и эти господа не такъ рассуждали при объявленіи войны. Ихъ учила сама война. Учить она и разочаровываетъ и другихъ, рождая тревогу и недовольство въ самой Германіи: это даетъ надежду скоро сломить уже портящійся механизмъ германскаго кроваваго нашествія.

РЕДАКТОРЪ Б. А. СУВОРИНЪ.
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЧЕСТВА А. С. СУВОРИНА—
«НОВОЕ ВРЕМЯ».

для ЦВѢТА ЛИЦА
ПРЕВОСХОДНЫЙ
освѣжающій кожу элгантный кремъ Дермозонъ Д-ра Антона Менера имѣетъ очаровательный аромат цвѣтушкы розъ. Онъ является гордостью женщинъ, желающихъ сохранить свой молодой видъ. Дермозонъ продается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ быстро, если предварительно обмыть кожу мыломъ, дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К°. Остерегайтесь поддѣлокъ.

РУМЯНЕЦЪ,
который никто не отличитъ отъ натурального, придаетъ „Вода здоровья“
„Eau de Santé“ соверш. безвредн.
во ИЗБѢЖ. ПОДДѢЛКИ прод. ТОЛЬКО Птгр., Коломенская, 27, соб. домъ, Salon Beauté ст. 1-7 ч. Высыл. наложен. платомъ, флакъ 3 р., достаточ. на 8 мѣс. **ПРОБА ВЪ САЛОНѢ БЕЗПЛАТНО**, но не высыл. Денегъ впередъ не высылать. Первая посылка отправл. только черезъ 4-5 дней по случ. многочи.л. заказовъ. Магазины на продажу не лаю. Отдѣлений не имѣю. До востребованій не выслала. **НИГДѢ НѢТЪ ПОКА НИЧЕГО ЛУЧШАГО.**

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»
ПРОМЫШЛЕННЫЙ РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ
СОЧИНЕНІЕ ВЕРНЕРА ЗОМБАРТА.
Цѣна 35 копѣекъ.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА
ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННІЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА
БЕЗСРОЧНО РАДИ КАЛЫНО УДАЛЕТЬ ВЕСУШКИ, УГРЬ, ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ
Созданъ

НОВОЕ ВРЕМЯ

32

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14163

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 15-го (28-го) АВГУСТА 1915 ГОДА.

№ 14163

Въ лихолѣтье.

По лѣсамъ, по болотамъ—
Все идутъ, да идутъ...
Сколько ихъ набрело тамъ?
Сколько крадется тутъ?

Вотъ и конный, и пѣший,—
Басурманская рать...
Сторожи же ихъ, Лѣший,—
Даромъ время не трать!

Какъ пойдутъ по дремучимъ,
Между нашихъ озеръ,
Мы ихъ ловко замучимъ,—
Будетъ дерзкимъ позоръ...

Заведе ихъ, зацанай
Въ безысходную глубь,—
Да мохнатою лапой
Обласкай, приголубь...

Тамъ и воронъ въ трущобы
Не заноситъ костей...
Ты сумѣешь, еще бы,
Ихъ принять, тѣхъ гостей!..

Водной, по озерамъ
Всѣхъ русалокъ собравъ,
Узъ обходить дозоромъ
У рѣчныхъ переправъ.

Пусть онъ смеетъ плотину,
Чуть заслышитъ шаги,
Чтобъ въ бездонную тину
Погрузились враги.

Въ шаловливой издѣлкѣ,
Безъ пощады къ бѣдѣ,
Будутъ водныя дѣвки
Хохотать на водѣ...

А на смѣну тѣмъ грозамъ,
Чуть подмерзнетъ вода,—
Вмѣстѣ съ дѣдомъ-Морозомъ
Выдетъ Лѣший тогда.

Спали долго въ покоѣ
Зиму—темную ночь...
Въ лихолѣтье такое
Надо встать и помочь...

В. Лаговинъ.

Въ пути.

— Нѣтъ ея больше, слава Тебѣ Господи, свѣтъ увидѣли!—крестясь, говоритъ старушка и бережно подбираетъ съ фартука крошки хлѣба и чешую вяленой воблы.

— Нѣту, рѣшили ее, и аминь...
Сидящій противъ нея на засаленной скамейкѣ третьяго класса пожалою плотный человекъ въ картузѣ, лаковыхъ сапогахъ, съ массивной цѣпочкой на жилеткѣ, по всѣмъ видимостямъ лавочникъ, искоса взглядываетъ на старуху, точно проверяя, стоитъ ли съ ней разговаривать. Но не выдерживаетъ.

— Это ладно, бабушка, что ты Богу-то молишься, только раненько...

— Какъ раненько, родимый? Съ той поры и житье другое пошло. У насъ деревню не узвасишь, народъ за умъ взялся... У меня у самой сынъ нонѣ человекомъ сталъ, а что бы-ло!.. Царица Небесная... Ужаси вспомнить: меня билъ, мать родную... У пьянаго рука поднималась, а тегерича нѣтъ, слава Тебѣ, Господи!..

— Да ты въ городахъ-то не бывала? ругъ, такъ вотъ за бабенкой, да за ребятами ѣду, домой хочу взять.

— А на какомъ заводѣ, бабушка?

Вице-адмиралъ Василій Александровичъ НАНИНЪ.

— На Миньяркемъ, родимый, далече...
— Ну, вотъ увидишь заводское житье, такъ меня и вспомянешь...
— А нешь ее тамъ не прикончили?
— Казенную прикончили,—свою начали... Мертвую пьютъ и мужики, и бабы... Поди, и твоя внучка не отстаетъ... У нихъ круговая, всѣ въ повалку...
Лавочникъ оживаетъ:
— Я такого безобразія средю не видавалъ... Прорвало ихъ, какъ псы лакаютъ! И такое спадобье тебѣ составятъ, что боченокъ дубовый въ желѣзныхъ обручахъ вотъ-вотъ разорветъ... Дрожжей накладутъ, меду, табуку нюхательнаго, хмелю; устоитъ она, вотъ и пьютъ. Отравы чистой, помереть съ нее надо, а имъ хоть бы что...
Старушка слушаетъ съ ужасомъ...
— Царица Небесная... Грѣхъ-то, грѣхъ-то! У насъ, Господь миловалъ, наша деревня этимъ не занимается...
— Не научились, а придетъ время, и ваши научатся... Вотъ уже внучку-то съ завода привезешь, она живо за дѣле примется, потому заводскій народъ здѣсь на Уралѣ отчаянный...
— Да что ты, родимый, она молоденькая бабеночка, двадцать четвертый годъ...
— Мало что молоденькая... Нынче молоденькія удалѣ старыхъ. Вѣрно я говорю, бабушка...
Старуха опять крестится:
— Спаси, Господи, сохрани и помилуй Царица Небесная отъ этакаго грѣха... Ужаси слушать...
Она задыхается, и въ ея глазахъ, устремленныхъ на собесѣдника, застыло выраженіе страха. Лавочникъ тоже вздыхаетъ и что-то неопредѣленно бормочетъ про себя:
— И-да-а... время прошло... народъ пошій... и-да-а-а.
— О, Господи! За грѣхи...—опять говоритъ старуха и кончикомъ платка вытираетъ набѣжавшую слезу.
Оба замолкаютъ, слышно похрапываніе кого-то на верхней скамейкѣ, да

Группа георгиевскихъ и валеровъ крейсера «БОГАТЫРЬ».

поезд гудитъ, тяжело промывая колеса-ми.

Въ вагонѣ жарко и очень душно. Ныль летитъ въ открытыя окна, пыль и копоть. На другой сторонѣ двое, прислонившись къ стѣнѣ, дремлютъ тяжелой дремотой изнеможенія. Рты открыты, головы безпомощно поникли. Я сижу съ ними на одной скамейкѣ, повернувшись лицомъ къ старухѣ и ея спутнику, и перелистываю книгу, чтобы не мѣшать происходящей бесѣдѣ. Противъ меня молодой еще батюшка читаетъ газету.

Вижу, что и онъ прислушивается къ разговору. Нечаянно какъ-то обмѣняв-мея взглядами; замѣчаю, что священникъ хочетъ подѣлиться со мной какими-то мыслями. Его симпатичное лицо оживаетъ и, близко наклонившись ко мнѣ, онъ говоритъ:

— Вотъ она самая русская злоба дни... Слышали разговоръ? Оба они правы. Дѣйствительно, во многихъ деревняхъ большая перемена, а все-таки зло осталось. Я объ городахъ не говорю. У насъ на уральскихъ заводахъ, да и въ селеніяхъ, пьянство идетъ неслыханное... Вѣрите ли, придется въ праздникъ съ крестомъ, а они и встать не могутъ—кислушки напились. Народъ все-таки зажиточный, а темнота непроходимая... Вся жизнь въ пьянствѣ, другого ничего не знаютъ. Женщины, дѣти пьютъ... Прежде водку труднѣе доставать было: гдѣ казенка далеко, а то и закрыта она, а теперь круглая сутки пей...

— Развѣ не пресѣдуютъ?
— Какое пресѣдованіе? Рублевый штрафъ... Это имъ ни о чемъ. Тѣмъ богѣе, вѣдь кислушка-то дешевле водки, ну и въ кредитъ при случаѣ получить можно...

— Я самъ своими глазами видѣлъ, какъ на лямаркѣ ее открыто продавали, а въ селѣ Бердущѣ, нашей Уфимской губерніи, въ большой церковный праздникъ, жена сторожа церковнаго,—она же и винокурка,—на панерти торговала этимъ снадобьемъ... Кто растолкуетъ? Кто остановитъ? Да и чѣмъ остановить? Вѣдь здѣсь глушь непроходимая, народъ темный...

— Вѣрите ли,—продолжаетъ батюшка,—до сихъ поръ сохранились у нихъ всѣ прежнія суевѣрія: колдуновъ на свадьбы приглашаютъ и колдунъ первое лицо, они его больше священника а слушаютъ, и почитаютъ... Я здѣсь третій годъ, какъ умью, стараюсь имъ свѣтъ показать, за развѣ одинъ я могу что нибудь сдѣлать? Вѣками на нихъ это наросло, какъ кора на деревѣ... Школы нужны настоящія, гдѣ бы не только грамотъ по указкѣ учили, а развивали... Безъ школъ трудно. Хотя бы съ тѣмъ же пьянствомъ,—вѣдь оно въ обычаѣ вошло. Попробуй самый первый трезвенникъ въ деревнѣ устроить свадьбу безъ вина—засмѣютъ, проходу ему не дадутъ. Здѣсь, когда невѣста съ женихомъ отъ вѣнца бѣгутъ, на дорогѣ устраивается живая насыпь изъ мужиковъ, точно крѣпостной валъ построены, лежатъ грудой, другъ на другѣ, того и гляди кости себѣ переломаютъ, а не встанутъ до тѣхъ поръ, пока женихъ не повалится до няня каждаго и пока всѣ не повалятся тутъ же на дорогѣ... Что священникъ говорить — не слушаютъ, у нихъ свои обряды и кака-то своя вѣра; женщины, напримѣръ, носятъ по два платка на головѣ, спросите ихъ почему, а онѣ отвѣтятъ:

— Богородица такъ покрывалась, двумя платочками, и намъ вѣдь...

Этихъ двухъ платочковъ онѣ ни за что не снимутъ, а на панерти водку продавать не считаютъ за грѣхъ... Трудно съ ними и жалко ихъ...

Лавочникъ, въ свою очередь прислушивающійся къ нашему разговору, подходитъ:

— Позвольте съѣсть?

— Пожалуйста...

Онъ усаживается на край скамейки и сильно втягиваетъ носомъ воздухъ, потомъ выразительнымъ жестомъ указываетъ на двухъ спящихъ рабочихъ:

— Чувствуете, какой духъ?... Денатурятъ самый настоящій... Упились и головы держать не могутъ на плечахъ... Н...да...а.

— Осмѣлюсь спросить, батюшка, какъ вы тутъ насчетъ школъ говорили, а я такъ понимаю, что тутъ строгость нужна. Наши заводскіе не люди—звѣри! Помилуйте, вѣдь недѣли безъ драки не проходятъ. Если рабочей со своей улицы

на чужую зайдетъ,—сейчасъ ребра пересчитаютъ, а прежде ни одного праздника не проходило безъ того, чтобы кого не убили... Знаю я здѣшній народъ! Н...да...а.

— Учить надо, тогда этого не будетъ, и пьянство броситъ. Живутъ здѣсь, какъ медвѣди въ лѣсу, свѣта не видятъ,—кормятъ, но вразумительно замѣчаетъ батюшка.—Нашъ край забытый,—съ печалью въ голосѣ продолжаетъ онъ,—а богатства какія! И все пропадаетъ...

— Отъ вина народъ ослабѣлъ, черезъ пьянство опущены по всей землѣ. Пьянство выводить надо—это первое дѣло,—говоритъ лавочникъ.—Я отсюда по

тринадцатому году ушелъ, какъ только мать померла, черезъ это самое ушелъ, потому у насъ въ домѣ погибель была отъ вина, совѣстно глядѣть стало мнѣ, мальчишкѣ, и я его, проклятаго, съ рота въ ротъ не бралъ, оттого и человѣкомъ сдѣлался... А то бы и я утонулъ въ немъ, въ винищѣ.

— На дѣтей тяжело глядѣть—поколѣние алкоголиковъ...

— Батюшка, родимый,—прерываетъ его, подходя къ намъ, старуха, скажи ты мнѣ, вѣшь у меня и взаправду внука-то теперь на заводѣ вино пить научилась?... Смutilъ онъ меня,—указываетъ на лавочника.—Господи, Царица Небесная... Грѣхи-то, грѣхи-то наши...

И старуха тоскливо смотрѣла на священника.

Поездъ останавливается... Отъ толчка просыпается одинъ изъ рабочихъ и мутнымъ взглядомъ обводитъ вагонъ. Глубоко и тяжело вздыхаетъ онъ и отвратительный запахъ денатурированнаго спирта волной идетъ намъ въ лицо.

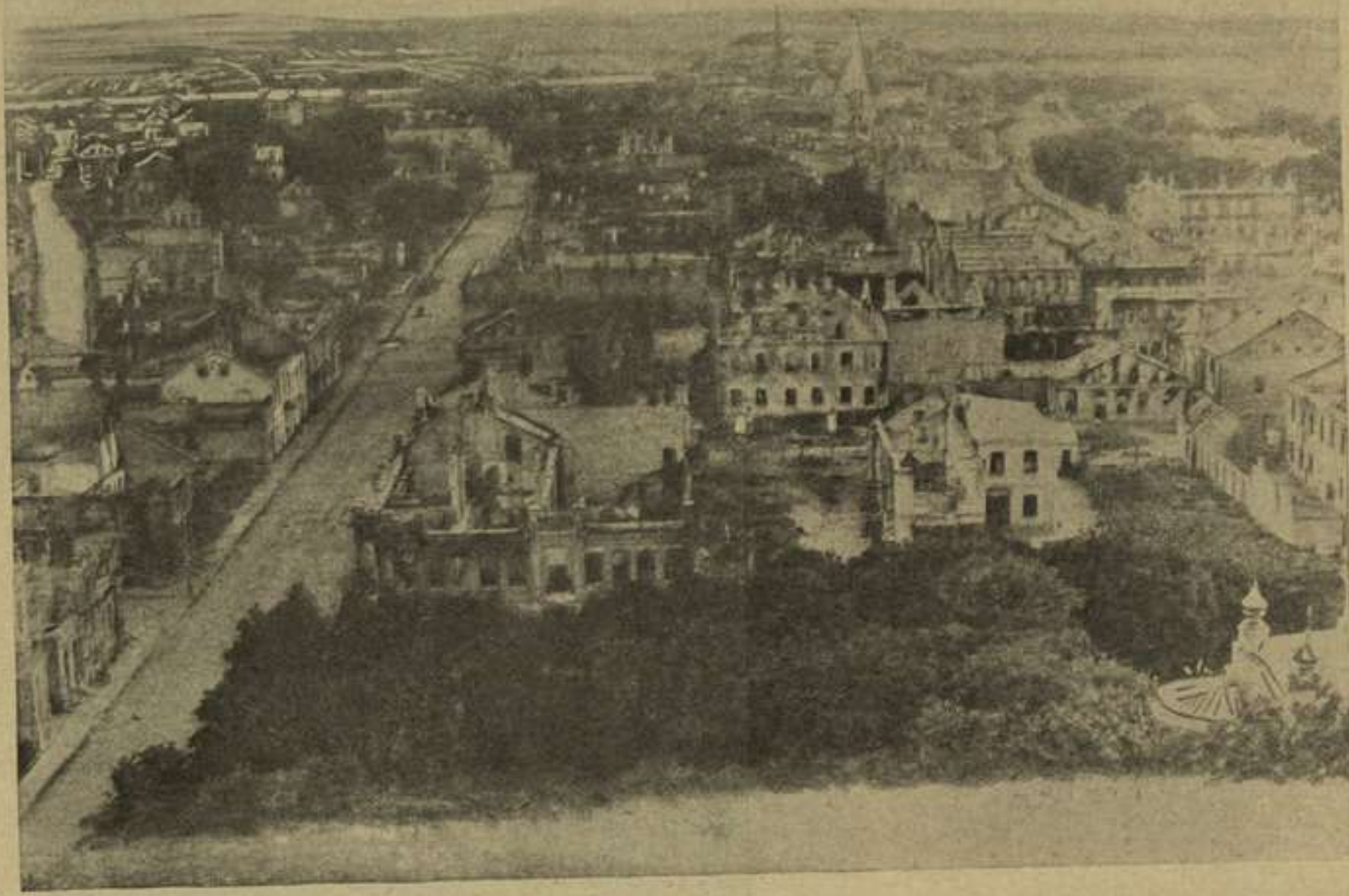
Входитъ кондукторъ, громко выкрикиваетъ названіе станціи. Поездъ стоитъ пять минутъ, мнѣ надо выходить.

— Наши края поглядѣть хотите?—говоритъ священникъ, провожая меня къ дверямъ вагона...—Хорошій край, только запущенный... Будьте здоровы!

Въ платеной тележкѣ, по-сибирски—«коробкѣ», пробираюсь я по горной дорогѣ къ большому селу. Тамъ сегодня праздникъ и базарный день.

Какая дикая красота кругомъ!

Мягко изогнутой линіей лежатъ лаватыя дали горъ. Обступили со всѣхъ сторонъ, нахмурились отъ сѣренькаго дождливаго дня колочія хвостыя вершины около дороги. Подъ ногами лошади камне, тележка дребезжитъ и прыгаетъ. Вѣдемъ по узкому ущелью, потомъ поворачиваемъ куда-то направо. Шумъ слышно, точно вода бѣжитъ съ плотины на мельничное колесо. Вотъ онъ откуда: у самаго подножья изрытаго крутого утеса пѣнистая ровной легкой рѣка Сивъ. Она одна изъ самыхъ красивыхъ уральскихъ рѣкъ и вытекаетъ изъ скалы, бѣжитъ по промалыгамъ, сдѣла проходнымъ пещерамъ, змѣей обвиваетъ вѣскольکو разъ желѣзнодорожный путь и

Гор. ШАВЛИ.

Костель въ гор. ШАВЛИ, который Нѣмцы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обстрѣливали тяжелыми снарядами.

Полковн. Н. Г. ГЕНЬ МАРМАРЧЕВЪ. Снимок на театр военных действий.

Сестра милосердія Науфманской Общины Нина Викторовна МАСХЕНО, награждена Георгиевскими медалями 3 и 4 степ. за работу в санитарном поезде Краснаго Креста в Галиціи.

— А как съ работами управляютъ?
— Да управляютъ понемножку, только вотъ съ пьянствомъ никакъ не управятся...

— И здѣсь?
Я передаю ему разговоръ въ вагонѣ Инженеръ, слушая, киваетъ головой.

— На каждомъ шагѣ и все новыя изобрѣтенія. Хотите посмотреть, пойдемте.

Протискиваясь черезъ толпу крестьянъ и заводскихъ рабочихъ, среди которыхъ многие выдаются очень нетрезвымъ видомъ, мы приближаемся къ маленькой холщевой палаткѣ. Мелочная торговля: бублики, сушеная вобла, колбаса. Народъ стоитъ стѣной, и торговка едва успѣваетъ отрезать какіе-то маленькіе квадратикъ. Слышно:

— Полфунта мѣл...
— Восьмушку...

Меня удивляетъ та лживость, съ которой и мужчины, и женщины хватаютъ какой-то необычайно ходій товаръ.

— Развѣ не видите, — говоритъ мнѣ инженеръ, — они дрожжи покупаютъ...

— Дрожжи? Зачѣмъ?

— А у васъ до этого видно не дошли...

Дрожжи замѣняютъ спиртъ. Пьютъ квасъ и закусываютъ дрожжами. Опьяненіе ужасное и мучительное. Въ соседнемъ селѣ этой весной, кажется, въ Троицу или въ Духовъ день, было продано 108 фунтовъ дрожжей; народъ чуть не разнесъ палатку, потому что у торговки вынешъ весь запасъ, а спросъ все увеличивался...

Тогда и умеръ одинъ въ тотъ самый день, съѣлъ около фунта, зажавъ какимъ-то лимонадомъ. Ужасъ, что творится.

Точно въ подтвержденіе этихъ словъ, въ сторонѣ отъ палатки нашимъ глазамъ представляется картина: кольцомъ стоитъ человекъ пятнадцать зрителей, а внутри этого кольца двое молодыхъ парней, нетвердо стоящихъ на ногахъ, сялятся поднять третьяго. У него лицо посинѣло, глаза закатились и изъ гортани вырывается какое-то клокотаніе... Въ толпѣ любопытство, слышатся насмѣшливыя замѣчанія:

— Слабъ... Скоро подался...

— На гривенникъ съѣлъ, а вотъ какъ захватило...

— Дайте ему воды хватить, ребята, — прорывается чей-то обезпеченный голосъ.

— Нельзя воды, — хуже!

Путемъ вмѣшательства, удается намъ уложить несчастнаго въ «коробокъ» и отправить въ заводскую больницу. Больница вереть за пятъ. Когда тѣлѣжка скрывается изъ виду, зрители расходятся, обмѣниваясь впечатлѣніями:

— Не дохватъ... Распучило всего.

— Коштите, шабашъ!..

А толпа у палатки съ дрожжами все растеть и растеть.

— Неужели нельзя никакихъ мѣръ принять? — спрашиваю я у инженера.

— Мѣры требуются сложныя и трудныя. Запрещеніемъ ничего не подѣлать...

Перегерить придется, — говоритъ онъ, задумчиво глядя вдаль на сибирячій въ оранжевомъ закатѣ хребетъ Урала. Надо войну выдержать до конца, а потомъ...

работать, работать, не покладая рукъ. Поглядите на эти пространства, развѣ ихъ одолѣешь сразу?.. Уралъ... Алтай...

они должны превратиться въ Альпы, туристы-европейцы будутъ бродить здѣсь, любуются ихъ красотой... — заговорилъ онъ мечтательно.

— Подумаешь, какъ побѣдѣ на Россіи!.. А это все, — онъ указываетъ рукой на базарную толпу, — все переѣмнится... Дайте срокъ...

Ночь ясная, лунная, дорогу видать, какъ днемъ. Я опять їду и опять стучитъ по камнямъ тѣлѣжка. Въ голубоватомъ освѣщеніи ночи отъ горъ вѣетъ сказкой... Вспоминаются легенды о разбойникахъ, вспоминаются глухіе скаты въ горахъ, и вдругъ встаетъ передъ глазами помертвѣвшее лицо парня, прилипіи ко лбу пряди волосъ и около него толпа любопытныхъ... А тамъ старуха въ вагонѣ, съ тревожнымъ взглядомъ, съ дрожащей рукой, которой она кладетъ крестное знаменіе, точно хочетъ отогнать навожденіе дьявольское:

— Спаси, Царица Небесная... Грѣхъто, грѣхъ.

Шталмейстеръ Выучайш. Дрвер, Чазъ Госуд. Совѣта, ин. Николай Петровичъ УРУСОВЪ. Назначенъ главноуполномоченнымъ по устройству бѣженцевъ.

Имъ не до того, чтобы понять и оцѣнить всю красоту, всю мощь этой природы, они не видятъ передъ собой широкихъ долей, куда «европейцы-туристы будутъ бродить по этимъ горамъ...» Толпа стояла около отравившагося дрожжами и ждала... Всѣ они ждутъ, ждутъ помощи, ждутъ новой жизни.

— Перегерить придется... — слышатся мнѣ слова инженера.

Будемъ терпѣть для будущаго...

— Вотъ и монастырская дорога, — говоритъ мнѣ ящикъ. — Сейчасъ къ рѣкѣ выйдемъ.

Въ лунномъ свѣтѣ, точно отточенный клинокъ, вспыхиваетъ сверкающая поверхность рѣки. Опять слышится журчаніе и слышится это порывистое журчаніе, я забываю о тяжелыхъ впечатлѣніяхъ: снова закодывается меня Уралъ своею красотой...

М. Курдюмовъ.

опять скрывается въ дѣбряхъ горъ, быстрая и кипучая. О пещерахъ ходятъ въ народѣ легенды, легенды про разбойниковъ-богатырей, и вѣсть отъ этихъ сказаній суровымъ величіемъ Урала, дикой наивностью первобытныхъ понятій.

«Запущенный край!» — вспоминаю я слова священника. Да, край, мало тронутый. Пронеслось надъ нимъ вѣяніе далекой культуры, какъ пронесется поѣздъ, шума и громыхая въ каменистыхъ выемкахъ, тревожа вѣковое спокойствіе горъ: растаютъ клубы паровознаго дыма, и только сажа сидеть въ расщелинахъ.

— Вспугнули прежнюю жизнь, не создали новой, люди всполохнулись и побрели безъ дороги... Вотъ отчего они и дики, и необузданы, вотъ отчего такъ трудно съ ними...

Вѣтеръ поднялся, и заколыхались, застонали ели и сосны надъ головой; боръ гудитъ отъ его каждаго порыва, и кажется, что пронесется чье-то тяжелое дыханіе среди этихъ колочихъ склоновъ и ущелій. Дорога стала ровнѣе, пошли поля; воиъ и село.

...Среди толпы, тѣснящейся у торговыхъ палатокъ, встрѣчаю знакомаго инженера съ С—го завода.

— Откуда вы? Опять бродите по нашимъ мѣстамъ?

— Каждый годъ меня сюда тянетъ...

— Что говорить! Прїѣзжаемъ здѣсь есть на что посмотреть...

Начался всегда и вездѣ неизбѣжный теперь разговоръ о войнѣ...

— Наши горные жители идутъ охотно, народъ смѣлый, стоитъ сибиряковъ; только, я думаю, дисциплинировать его трудно, а ужъ эти не испугаются, не побѣгутъ. Нѣмцевъ считаютъ нечистой силой, а войну съ ними — спасеніемъ души.

НА РУССНОМЪ ФРОНТѢ.

Германская артиллерія, попавшая подъ обстрѣлъ русскихъ орудій въ Польшѣ. Снимокъ, появившійся въ англійскомъ журналѣ «The Graphic», какъ доставленный изъ Германіи.

Наследный итальянский принц ГУМБЕРТЪ в костюмъ бой-снута.

Американские Нѣмцы.

Война на каждомъ шагу преисполняетъ насъ неожиданности, и одно изъ самыхъ удивительныхъ ее открытій—это нѣмецкое засилье въ Америкѣ. Соединенные Штаты всегда рисовались намъ царствомъ свободы, и самое слово «засилье» казалось неприменимымъ къ независимымъ янки, а между тѣмъ Нѣмцы завоевали Америкой основательно и прочно, какъ никакой другой страной, пожалуй, неоскорбимо.

Въ июньской книгѣ «Revue de Paris» приводятся любопытные факты и цифры, читая про мирное завоеваніе Америки Германцами, видишь передъ собою ту же картину, что и у насъ въ Россіи съ вѣрно-поданными Нѣмцами, только въ болѣе крупномъ, чисто «американскомъ» масштабѣ.

Опредѣлить точно число Американцевъ германскаго происхожденія очень трудно, потому что населеніе Америки смѣняется каждый годъ, какъ въ казейдоскопѣ, но на основаніи нѣмецкихъ источниковъ «Handbuch des Deutschtums im Auslande», изданія нѣмецкаго Schulverein'a, и книги Фауста «Das Deutschtum in den Vereinigten Staaten», премированной и въ Чикаго, и въ Мюнхенѣ, что служить ручательствомъ за правильность ея вычисленій, цифра эта колоссальна.

По переписи 1900 года, т. е. 15 лѣтъ назадъ, около трехъ съ половиной милліоновъ американскихъ подданныхъ Соединенныхъ Штатовъ родились въ Германіи или въ Австріи; у 1.588.000 родителей Нѣмцы; у 6.245.000 или отецъ или мать—выходцы изъ Германіи. Къ этимъ одиннадцати милліонамъ несомнѣнныхъ Тевтоновъ надо прибавить потомковъ нѣмецкихъ колонистовъ, эмигрировавшихъ въ Америку въ 17-мъ, 18-мъ и 19-мъ столѣтіяхъ; ихъ больше 8 милліоновъ. Итого, въ общей сложности, Нѣмцы, натурализовавшіеся въ Америкѣ, составляютъ не болѣе, не менѣе, какъ четверть всего населенія Соединенныхъ Штатовъ, двадцать милліоновъ противъ восьмидесяти, или, другими словами, изъ каждыхъ четырехъ Американцевъ одинъ—Нѣмецъ по крови.

Правда, значительная ихъ часть поселилась въ Америкѣ такъ давно, что могла

ассимилироваться съ мѣстнымъ населеніемъ и позабыть о своемъ германскомъ происхожденіи. Оказывается, такихъ очень мало или почти нѣтъ.

Нѣмцы начали эмигрировать въ Америку съ 16-го вѣка, спасаясь отъ религиозныхъ преслѣдованій и отъ ужасовъ непрерывной войны, «германской» войны, какъ и шипшнннн, т. е. сплошныхъ насилій, грабежей, разоренія и смерти. Они бѣжали изъ Германіи цѣлыми деревнями и общинами, обыкновенно съ пасторомъ во главѣ и, прибывъ въ Америку, селились въ пустынныхъ мѣстностяхъ. Здѣсь они возводили свои типичныя швабскія постройки съ крошечными фруктовыми садами съ носовой платокъ величиной передъ каждымъ домомъ и сохранили свои костюмы, языкъ, обычаи и вкусы, нигдѣ не смѣшиваясь съ кореннымъ населеніемъ. Изъ этихъ селъ выросли, мало-по-малу, крупные города по преимуществу въ сѣверной и сѣверо-восточной части С. Штатовъ, и образовали широкую германскую зону.

Обособленность Нѣмцевъ возбуждала тревогу еще у Франклина, опасавшагося, что нѣмецкіе эмигранты превратятъ часть Штатовъ въ филиальное отдѣленіе Германіи и вытѣснятъ даже отсюда англійскій языкъ. Но этотъ страхъ былъ преувеличеннымъ. Нѣмецкіе колонисты тѣхъ временъ были люди бѣдные, невѣжественные, забитые, стоявшие въ культурномъ отношеніи значительно ниже Американцевъ. Они могли сохранить свою самобытность, но о вліяніи на окружающую среду имъ нечего было и думать. Многие изъ нихъ, не имѣя средствъ на переѣздъ черезъ океанъ, заключали заранѣе контракты на многолѣтнюю работу у американскихъ хозяевъ, оплачивающихъ имъ пароходный билетъ, и по пріѣздѣ въ Америку превращались въ подлинныхъ невольниковъ, какъ Негры. Да и Германіи, какъ цѣлаго, тогда не существовало, не было и пресловутаго понятія о «Deutschtum'ѣ».

Но съ начала 19-го вѣка эта картина рѣзко мѣняется. Въ Америку бѣгутъ уже не только нищие крестьяне въ поискахъ за изощреннымъ хлѣбомъ, но и люди предприимчивые, образованные, хищные авантюристы, мечтающіе нажить въ «странѣ долларовъ» милліонныя состоянія. Они гордятся своей родиной, поддерживаютъ съ нею непрерывную и тѣсную связь, мечтаютъ о торжествѣ германизма, а на Америку смотрятъ, какъ на свою нѣмецкую богатѣйшую колонию, гдѣ для нихъ откры-

Четыре внука Гарибальди—офицеры одного изъ альпійскихъ полковъ.

вается широкое, въ всякихъ преградахъ, поле дѣятельности.

Они вслѣду заводить свои учебныя заведенія и, неумолимо рекламируя нѣмецкую науку, добиваются того, что ихъ школы посѣщаютъ дѣти англійскаго и иного происхожденія; при малѣйшей возможности они посылаютъ своихъ сыновей заканчивать образованіе въ Германію, хотя это, можетъ быть, и излишне, такъ какъ американскіе университеты переполнены германскими профессорами не менѣе, чѣмъ въ фатерландѣ. Чтобы имѣть подходящій составъ преподавателей, они открываютъ учительскія семинаріи. Они основываютъ свои гимнастическія и физическія общества, издаютъ газеты. Въ настоящее время, въ Соединенныхъ Штатахъ выходитъ 613 повременныхъ изданій на нѣмецкомъ языкѣ; среди нихъ «New-York Staatszeitung», громадная газета въ 14—16 страницъ, расходится почти въ милліонъ экземпляровъ. Книжные лавки Америки завалены нѣмецкими книгами; въ большинствѣ случаевъ это литературный мусоръ, но, какъ выразился американскій Нѣмецъ Мюнстербургъ «самый ничтожный

листокъ, хотя бы совершенно сухой съ интеллектуальной точки зрѣнія, имѣетъ все-таки свою цѣнность для германской культуры».

Громадное вліяніе приобретаетъ нѣмецкое духовенство. Въ Америкѣ 8.000 лютеранскихъ общинъ съ 5.000 пасторами, 1.153 евангелическихъ и 1.688 реформатскихъ церквей; не мало и католическихъ.

Каждый Нѣмецъ, пріѣзжающій въ Америку, долженъ—хочетъ не хочетъ—записаться въ одно изъ германскихъ обществъ или союзовъ. Иначе онъ не получитъ работы и подвергнется бойкоту. Названія этихъ обществъ хорошо знакомы для русскаго слуха: «Deutscher Schulverein», «Deutscher Klottenverein», «Alteutscher Verband», «National Schützenbund», «Kriegerbund» и т. д. Въ пивной или въ клубѣ, смотря по его общественному положенію,—многие изъ этихъ клубовъ, роскошные дворцы,— вновь пріѣзжавшій Нѣмецъ сталкивается съ соотечественниками и слышитъ исключительно нѣмецкую рѣчь, на концертахъ передъ нимъ исполняютъ нѣмецкую музыку подъ управленіемъ нѣмецкихъ дирижеровъ, въ нѣмецкихъ театрахъ онъ смотритъ нѣмецкія пьесы. Картина, въ общемъ, такова, точно какъ и не убѣдали изъ своего бѣднаго отечества.

Придираясь ко всякому удобному случаю, во всея памятные въ германской исторіи дни, будь то столѣтіе Лейпцигской битвы или Шиллеровскій юбилей, американскіе Нѣмцы устраиваютъ шумныя манифестаціи; дамы являютъ на нихъ въ бѣлыхъ и красныхъ платьяхъ въ перемежку съ черными спортуками мужичишъ, и несчетная толпа Нѣмцевъ развертывается на площадяхъ республиканской Америки громаднымъ живымъ трехвѣтвнымъ знаменемъ Германской имперіи. Начиная съ 1883 года, Нѣмцы учреждаютъ день своего національнаго праздника въ Америкѣ, въ октябрѣ, въ память основанія нѣмецко-американскаго города по преимуществу такъ и называемаго Germantown. Этотъ «deutscher Tag» справляется по всемъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ только есть нѣмецкій элементъ—а гдѣ его нѣтъ?—съ большимъ торжествомъ. Были даже попытки навязать этотъ національный праздникъ всемъ Американцамъ, безъ различія происхожденія: «Этотъ день... долженъ быть праздникомъ для всей націи,—писала нѣмецкая газета.—Онъ долженъ служить для всего народа напоминаніемъ объ одномъ изъ первоисточниковъ, откуда вышла вся нація... о томъ, что этотъ источникъ—германскій, что нѣмецкій языкъ, нѣмецкая цивилизація, нѣмецкое племѣ, нѣмецкіе обычаи покоятся здѣсь на прочномъ основаніи, оз-

Генер. ЖОФФРЪ ВЪ ЗЛЬЗАСѢ.

«Вы Французы, дѣти мои,—и вы останетесь Французами».

зывая свое благословенное влияние для счастья всей нации».

Но тут Нѣмцы хватили уже через край, и Американцы отказались от их «благословенного» праздника.

Американские Нѣмцы составляют, таким образом, в Соедин. Штатах могущественную, организационную, деятельную партию. Они неустанно разыскивают для себя новых членов даже среди ссыльчужденцев, едва ли не позабывших немецкий язык, и Deutschtum растет в Америке, как сыпучий песок. Значение его усиливается еще тем, что многие Нѣмцы составили себе в Америке громадные состояния и могут подкупить воодушевление своих германских соотечественников в глазах толпы аргументом — золотом. Они призывают в Америку без гроша в кармане, но благодаря своему упорству, трудолюбию, мелочной бережливости, вошедшей в Соединенных Штатах в поговорку, мало-помалу проскользнули даже в относительно узкий круг американских миллиардеров, составляющих аристократию страны.

Поступая на первых порах в черноземные районы, Нѣмцы быстро дѣлаются сами хозяевами и вытесняют местных фермеров. На северо-западе Америки они владеют теперь необитаемыми землями с интенсивной механизированной системой хозяйства, хлебная биржа Чикаго, имѣющая громадное влияние на рынках чуть ли не всего мира, находится почти всецело в немецких руках. Мясной король Калифорнии — шортлендский Миллер, онъ стоит во главе мясного треста в Санъ-Франциско. Богатѣйшие садоводы Америки, поставляющие фрукты и овощи во все крупные города, тоже Нѣмцы.

Особенно видную роль, как и в Европе, Германия играет в американской промышленности. Большая часть фабрик консервов, которыми славится Америка, принадлежит имъ. Оба сахарных короля на западе и на востоке Соединенных Штатов Нѣмцы Шрекель и Гавемейер. Первый, приехав в Америку и не имѣя трех долларов за душой, брался за всякое дѣло и ремесло, пока не попал на Гавайские острова и не занялся производством сахара. Умирая, онъ оставил состояние в 300 миллионов. У Гавемейера ежегодный доход достигает полутора миллиона и на его сахарных заводах работает до 30,000 человекъ.

В металлургической промышленности Германия владеет, во-первых, многими заводами и, кроме того, в качестве техни-

ков и инженеров, руководит большинством американских предприятий. Самый крупный фабрикант автомобилей в Соединенных Штатах Немец Гриль. Согласно немецким источникам, фирма Карнеджи тоже германского происхождения, она основана Кломангом. Множество железно-дорожных линий принадлежат в Америкѣ Нѣмцам. Основатель и первый президент знаменитого сталелитейного треста был Немец Пфалер. В поезде или поздно вызывают къ себе единственного вложени большие немецкие капиталы. Всего не перечесть. Благодаря своему богатству Нѣмцы имѣют очень большое влияние на политику Вашингтона и не жалуют денег для проведения своих кандидатств.

До послѣдняго времени этот воинствующий

Срандужа на 1915 г.

„Illustration“.

отдѣлаться дипломатическими путями президента Вильсона, которая стануть вскоре нарицательнымъ и очень чуждымъ словомъ. Но выйдутъ ли изъ ней Американцы побѣдителями, не изломавъ всего своего государственнаго строя — большой вопросъ.

Литературныя замѣтки.

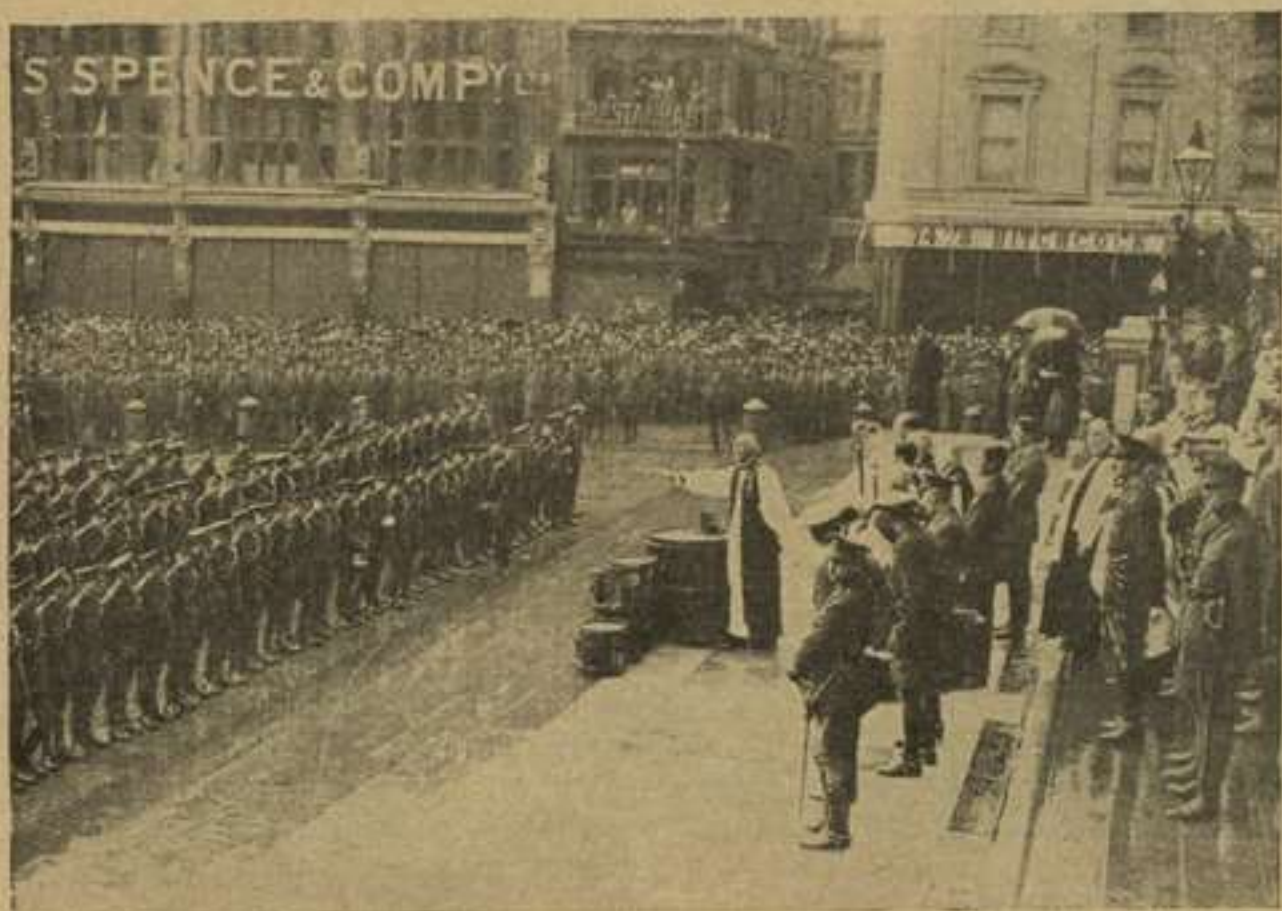
Сатиры Скальда.

Г. Скальдъ, предпосылая сборнику своихъ сатиръ «необходимое напутствие читателямъ», предостерегаетъ ихъ отъ исканія въ его басняхъ «хитрыхъ аллегорій» и отъ столь свойственнаго многимъ обыкновенія при чтеніи сатирическихъ произведеній «читать между строкъ». «Все надо принимать за чистую монету, — говоритъ онъ, — понеже простъ и прямъ я былъ, насколько могъ». Далѣе г. Скальдъ дѣлаетъ попытку характеризовать свое творчество: «Фантазія» — вотъ имя музы скромной. Что иногда, въ вечерній часъ, покинувъ наскоро Парнасъ, Явилася ко мнѣ и въ комнатѣ укромной. Смѣясь, болтала вздоръ. Пытался я вотще узнать, въ чей огородъ она кидаетъ камни. — Отвѣтъ одинъ бывалъ всегда мнѣ: Пши, пши! Смѣюсь я — «вообще!».

Хотя самохарактеристики писателей очень часто грѣшатъ неточностью, однако, въ данномъ случаѣ опредѣленіе писателя своего смѣха, какъ «смѣха вообще», имѣетъ нѣкоторое основаніе. Разумѣется, сатирику нашихъ дней было бы трудно совершенно отрѣшиться отъ личнаго элемента. Бичуя тѣ или иные общественныя явленія, сатирический писатель, если онъ хочетъ, чтобы его удары доходили по назначенію, поневолѣ долженъ обратиться къ тѣмъ героямъ современности, въ которыхъ эти отрицательныя явленія нашли наиболѣе яркое выраженіе. И г. Скальдъ, когда заводитъ рѣчь о представителяхъ партій нашего молодого парламента или о дѣятеляхъ городского управления, рисуетъ намъ фигуры, въ которыхъ нѣрѣдко безъ труда можно узнать того или иного отдѣльнаго политическаго или общественнаго дѣятеля. Если г. Скальдъ ведетъ, напримеръ, рѣчь про «мэра», которому приснились миліоны вибріоновъ, грозно зовущихъ его на судъ, то едва ли придетъ кому-нибудь въ голову видѣть здѣсь обличеніе «мэра вообще», — напротивъ, читатель будетъ вполне правъ, когда, по соображе-

* С. П. Герпетъ. Сатиры Скальда. Петроградъ. 1915 г. Стр. 103. Ц. 1 руб. 50 к.

въ лондонѣ.

Есенародное молебствіе о дарованіи победы на паперти собора.

въ эльзасѣ.

Генералиссимусъ ЮФФРЪ осматриваетъ германскихъ плѣнныхъ.

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ
ЗА БОЕВЫЕ ПОДВИГИ ГЕОРГИЕВСКИМЪ ОРУНІЕМЪ.

Ген.-лейт. В. Н. Вахарловскій.

Подполк. Ю. А. Шахматовъ.

Подпоруч. А. Ю. Еенингъ.

Поруч. Н. С. Смирновъ.

Шт.-кап. А. И. Долголовъ.

Капит. В. Я. Зыновъ.

Ротм. Сергѣя Българудовъ.

Корнетъ С. Д. Дриневиъ.

Поруч. П. К. Ясевичъ.

Шт.-кап. П. С. Новиковъ.

нію съ временемъ первоначальнаго появленія басни и съ разными другими имѣющимися въ ней указаіями, назоветь то лицо, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, его настоящимъ именемъ. Однако, если исключить отдельные и притомъ не слишкомъ характерные для дарованія г. Скальда случаи, то можно признать, что «смѣхъ вообще» болѣе ему свойственъ, чѣмъ смѣхъ, относящійся къ опредѣленнымъ персонамъ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что у г. Скальда почти нѣтъ той сатирической злости, которая необходима, чтобы наложить «неизгладимую печать» на обладателей «любви широко-мѣдныхъ» и «лишь безстыдно-блѣдныхъ». Автору разсматриваемой книги болѣе свойственъ мягкій, беззлобный смѣхъ, и его произведенія, въ сущности, являются не столько сатирами, сколько юмористическими очерками. Въ большей части ихъ мы напрасно стали бы искать тотъ «фокусъ», въ которомъ сатирическая намѣренія автора достигаютъ наиболѣе рельефнаго своего выраженія, — чаще всего авторъ рисуетъ картину, но слишкомъ стущая краски. — И я бы точки могъ на і поставить, да славнымъ славы этимъ не прибавить», — говорятъ онъ въ одной изъ басенъ, и, дѣйствительно, правомъ сатирическаго писателя ставить надъ і точки онъ пользуется рѣдко. Главное достоинство его басенъ, хорошо известныхъ читателямъ «Нов. Времени», это легкій, свободный и (что по нынѣшнимъ временамъ приходится цѣнить какъ рѣдкость) вполне русскій языкъ, шаловливая и подчасъ неожиданная рѣчь и умѣнье подмѣчать забавныя стороны текущей дѣйствительности. Басня «Проектъ и мухи» не безъ юмора изображаетъ, напримеръ, исторію многихъ русскіихъ

благихъ начинаній. Въ лѣсныхъ владѣніяхъ Мишеньки выработана былъ прекрасный проектъ очистки лѣса отъ бо-лотъ, но мухи уговорили медвѣда дать На засѣданіяхъ проектъ такъ засидѣли,

Что болѣе его и виду не узнать, Не только что не разобрать Его достоинствъ и дефектовъ. А мало ли у насъ засиженныхъ проектовъ?

Въ другомъ произведеніи авторъ изображаетъ и самихъ отечественныхъ проектировщиковъ, готовыхъ, для облагодѣтельствованія меньшого брата, обратить, напримеръ, почтовые конторы въ универсальные магазины, гдѣ бы «мужикъ могъ заодно купить и коленкору, и бабъ, что ли тамъ, дешевенькихъ конфетъ», и т. д. Авторъ не оставляетъ безъ вниманія и область дипломатіи:

Козленка встрѣтилъ дипломатъ, — Тiens, — думаетъ, — куда бы какъ не худо

Алексію устроить безъ затратъ: Козленокъ à la russe — преласкомое блюдо!..

Въ книгѣ собраны произведенія, написанныя авторомъ въ періодъ съ 1906 по 1914 гг., и внимательный читатель найдетъ въ ней отраженіе многого того, что занимало и волновало общество за этотъ промежутокъ времени.

И. И. В.

Командующій — дивизіей гсн.-м. Ник. Кир. ЯНОВСКІЙ (справа) и начальниѣ штаба, полковн. Вас. Вас. КРИВЕННО (слѣва) награждены георгіевскимъ орунїемъ.

«Юношеству и матерямъ».

Такъ адресуетъ посвященіе своей повѣсти А. Купринъ. А повѣсть эта — пресловутая «Яма», окончаніе которой помѣщено въ послѣднемъ сборникѣ «Земля», по счету шестнадцатомъ*. Авторъ считаетъ, по видимому, свое произведеніе глубоко нравственнымъ по замыслу и педагогически-воспитательнымъ. Но думается: стоить

* «Земля». Сборникъ 16-й. Москва. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Ке, бисовъ Нѣмецъ, шалишь, товарища не дамо...

Рисовъ А. Пржецлавскій (участникъ войны).

любой матери или отцу переписать хоть ворить о всѣхъ сихъ мерзостяхъ», и прав-могучимъ беллетристическимъ дарозаніемъ; то послѣдняя часть разочаровываетъ окоп-нѣскольکو первыхъ страницъ, — и вывода ственность молодыхъ англичанъ покоится Купринъ часто отвлекается и говорить чательно: сюжета въ произведеніи нѣтъ, этого они не сдѣлають. Не говоря уже о отчасти на старыхъ пуританскихъ тради-томъ, что самый путь воспитывать нрав-ціяхъ, отчасти на трезво-разумномъ, созна-аля, холодныя разсужденія только скучны отдѣльные эпизоды, связанные между со-ственности раскрытіемъ картинъ грязи и тельномъ воспріятіи только красивыхъ и читателю, а разсказъ идетъ самъ по себѣ, бою лишь единствомъ мѣста. При такихъ разврата представляется очень спорнымъ, благородныхъ сторонъ жизни. Но если и грязный, цинично-безстыдный, безъ отчет-условіяхъ весь интересъ, весь смыслъ про-—А. И. Купринъ на роль такого демон-считать нравственно воспитывающими ро-стратора-педагога, во всякомъ случаѣ, не манъ Эмиля Золя и другихъ крайнихъ реа-то неприятное, тошнотное впечатлѣніе, бытовыхъ, характерныхъ чертахъ обста-годится. Самая нравственная молодежь — листовъ, то даже и въ эту сомнительную которое дають скабрезныя анекдоты или повки, но и въ этомъ отношеніи повѣсть, безъ всякихъ оговорокъ, слаба и неинте-это молодежь британская, т. е. какъ разъ группу педагогической литературы «Яму» неприличныя карточки. Куприна включить трудно. Золя ничего не Если отъ первой части повѣсти и можно-решна, за исключеніемъ только первой чиваніемъ и разглядываніемъ пороковъ че-проповѣдуетъ, какъ публицистъ, но прав-было ждать въ дальнѣйшемъ извѣстнаго своей части. Тамъ еще чувствуется ав-ловѣчества. Англійская литература рѣши-ственна тенденція его произведеній ярко психологическаго замысла, такъ или иначе торъ «Поединка», — что же касается на-тально придерживается догмата апостола вырисовывается (конечно, для зрѣлаго чи-разсертывающаго и рѣшающаго жизнь печатаннаго въ послѣдней книжкѣ «Зе-Павла, который совѣтовалъ «вовсе не го-тателя, а не для юности), выдвинутая его женщины, взятой студентомъ изъ «Ямы», мли», то тутъ отъ прежняго Куприна уже

Лавшіе смертью храбрыхъ.

Полковн. В. М. Баривскій.

Нап. Г. В. Юзиновъ.

Поруч. А. Ф. Красавцевъ.

Подпорч. Б. Н. Слезиня.

Прапорцъ А. С. Ляшинъ.

ничего не осталось. Нет ни типичных фигур, ни мягких слов, ни жизненно-правдивых сцен: все одинаково искусственно, строчка к строчке притянута кое-как, лишь бы кончить, все блѣдно, книжно и томительно скучно, несмотря ни на какія «никантные» приправы, долженствующія раздражать вкус читателя. Не только матерям и юношам, но и зрѣлым мужчинам повесть не даст ни полезной умственной пищи, ни, просто, минут приятнаго, легкаго чтенія.

Въ томъ же сборникѣ «Земли» помѣщено равноцѣнное въ смыслѣ литературнаго интереса произведение Н. Красенинникова «Амеля». Это совершенно негѣлая исторія башкирскаго дѣвочки, воспитанной добрыми людьми въ институтѣ, но почему-то помѣшавшейся на любимой темѣ автора — о священномъ сохраненіи дѣвственности — и вдругъ убѣжавшей, поэтому, къ башкирамъ, въ степи. Странная тема, но еще страннѣе самая манера писать: развитіе положеній и діалоги дѣйствующихъ лицъ.

Влюбленный въ башкирку Амелю молодой человекъ Дорибильдъ объясняется, напримеръ, такъ:

«Вы подумайте, — дѣвушка — единственная, и лицо ея — отраженіе блага храма ея бѣлой души; зачѣмъ же въ храмъ этотъ впускать торгующихъ!..»

А вотъ діалогъ другого объясненія:

— Вамъ сколько сахара? (Амеля).
— Я люблю васъ, люблю безумно. (Дорибильдъ).

— Я спрашиваю: вамъ сколько сахара? (Амеля).
— Я же отвѣчаю вамъ: люблю васъ безумно! (Дорибильдъ).

Но тутъ же вскорѣ появившаяся тетьа выясняетъ вопросъ:

— Пусть Господь васъ благословитъ, дѣти мои! Растите и множитесь, и населяйте землю!

Убѣжишь, дѣйствительно, отъ такой тети хоть въ башкирскія степи!

Все это выдуманно, притянута, неаппетитно, — а потому такъ мучительно-скучно для читателя.

Мелочи.

Предидѣла.

Война, охватившая почти всѣ части свѣта, сильно влияетъ на нервную систему современниковъ. Известны случаи помѣшательства, носящаго иногда массовый характеръ, есть люди, одержимые маніей войны, многие ранены еще долго не могутъ спать по ночамъ, преслѣдуемые гуломъ выстрѣловъ, стономъ и вѣми картинами пережитыхъ ужасовъ. Крайне напряжены нервы не только у участниковъ, но и у близкихъ, оставшихся дома, въ самой мирной обстановкѣ. Понятно, что на этой почвѣ стали развиваться теперь всевозможныя суевѣрія. Люди XX вѣка носятъ талисманы на груди, вѣрятъ въ ладанки, приносящаго счастье, кольца и т. п. Естественно также, что у многихъ обострились нервные воспріятія и даютъ возможность многое чувствовать, что въ обычное время недоступно. Известны случаи, когда жены и матери углаживали въ странномъ безпокойствѣ день и ночь гибели своихъ близкихъ: это тотъ же беспроволочный телеграфъ, теперь такой отчетливый, благодаря большей нервной воспримчивости. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, — подобныя предидѣлія и предчувствія имѣли мѣсто и раньше, только теперь они несравненно распространены.

Однѣ изъ англійскихъ журналовъ вспоминаетъ по этому поводу цѣлый рядъ уже достовѣрныхъ случаевъ изъ прошлаго. Такъ, напримеръ, докторъ фонъ-Гуденъ, лечившій ненормальнаго баварскаго короля Людвига II, жаловался на преслѣдовавшій его кошмаръ: онъ борется въ водѣ съ какимъ-то человекомъ, который хочетъ его утопить. Докторъ, какъ известно, скоро погибъ въ озеро, потопленный сумасшедшимъ королемъ.

Раздача Георгиевскихъ крестовъ.

Мать Итальянки У. телеграфировала гроба изъ одинокаго альпійскаго домика дочери: берегись воровъ. Ее испугала ка, занесеннаго снѣгомъ, вдругъ совершена картина нападенія, которую она видѣла ясно увидѣла въ покойникѣ себя во снѣ. Она даже отчетливо услышала самого. Это была страшная, поразившая фразу, что главный преступникъ хочетъ шей его галюшница, — и черезъ тринадцать дней цвѣтущій здоровьемъ художникъ внезапно скончался, причемъ церемонія погребенія была очень похожа на его картину. Предчувствіе это было известно всѣмъ близкимъ Сегантини.

Извѣстный художникъ Сегантини, работая надъ полотномъ, подъ названіемъ лосъ гредупреждалъ и спасалъ людей. «Смерть», гдѣ былъ изображенъ вѣнось знаменитый французскій скульпторъ

Жанъ Дюпре удостовѣрился, что былъ спасенъ этимъ внутреннимъ голосомъ. Онъ вѣхалъ съ женою въ Апенниннахъ, по узкой дорогѣ, вьющейся надъ ужасной кручей. «Вдругъ я ясно услышалъ, — говоритъ онъ, — какое-то внутреннее повелѣніе: остановись! остановись! При этомъ я почувствовалъ мгновенный страхъ и какую-то тоску въ сердцѣ». Дюпре круто задержалъ экипажъ. Оказалось, что колесо, приходившееся какъ разъ у самой кручи, было повреждено и еле держалось, — гибель была неминуема.

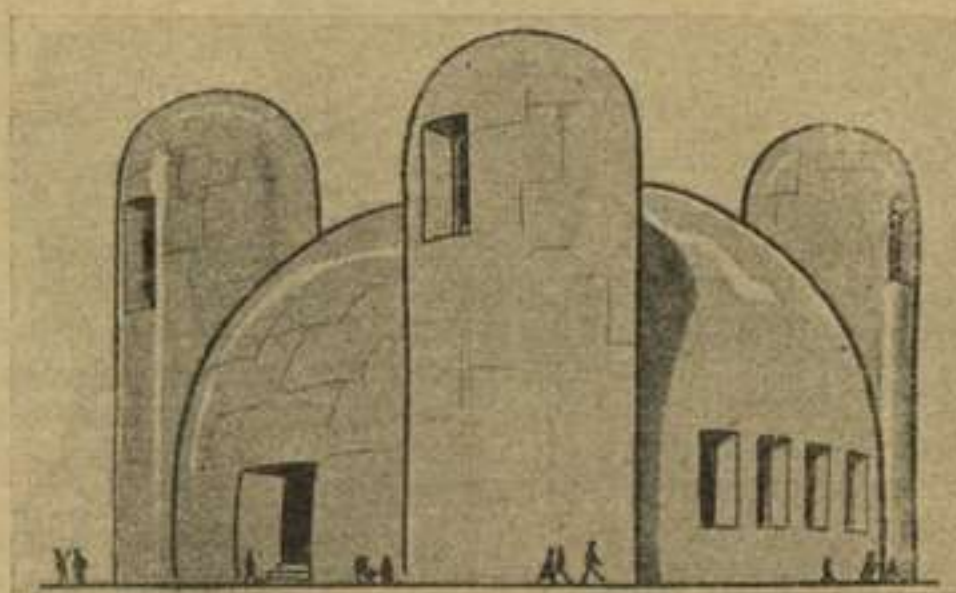
Каждому, вѣроятно, памятна случайности изъ личнаго опыта, когда, идя по улицѣ, вдругъ начинаешь думать о какомъ-нибудь знакомомъ, котораго годами не видѣлъ, который живетъ далеко, въ другомъ городѣ, — и тутъ же внезапно сталкиваешься съ нимъ лицомъ къ лицу. Часто видишь во снѣ кого-нибудь, о комъ вѣкогда обычно не думаешь, — и вдругъ, раскрывая утромъ газету, читаешь сообщеніе о его смерти. Ничего чудеснаго, сверхъестественнаго во всемъ этомъ нѣтъ: все это только неизслѣдованная еще, неразвита способность нашихъ воспріятія, а обиліе такихъ явленій въ настоящее тревожное военное время объясняется повышеннымъ, обостреннымъ нашей нервной воспримчивости.

Война и дамскія моды.

Война тяжело ударила по карману портныхъ, принявшихъ паживаться на извѣстную женскую слабость къ нарядамъ. Волна серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ жизни охватила женщинъ всего міра, да и не до нарядовъ теперь большинству: тысячи женщинъ работаютъ въ скромныхъ платьяхъ сестеръ милосердія по лазаретамъ, у другихъ душа болитъ по близкимъ на войнѣ, или, наконецъ, просто стыдно передъ окружающими появляться въ дорогихъ кричащихъ туалетахъ. И настали черные дни для громаднаго сословія дамскихъ портныхъ. Имъ нужно было найти выходъ изъ этого положенія. И вотъ — выходъ найденъ.

Недавно въ Англій графиня Варвикъ обратилась, при посредствѣ печати, съ горячимъ воззваніемъ къ своимъ соплеменницамъ, изобличая этотъ хитро-заламаный походъ на женщинъ со стороны портныхъ. Портные, въ порывѣ отчаянія, говорятъ она, прибѣгли къ самому коварному способу: чтобы заставить женщинъ бросить прошлогоднія платья и перестать экономить на передѣлахъ, они, сговорившись, сдѣлали всѣ старые туалеты совершенно непригодными. По предварительному соглашенію портныхъ, мода рѣзко измѣнилась, измѣнилась до того, что женщина, одѣвая прошлогоднее платье, почти вызываетъ смѣхъ у окружающихъ. Изъ узкой юбка стала сразу неизмеримо широкою. Измѣнился весь обликъ женщины. Платья стали дѣлать короткія, почти до коленъ. «Я помню много переворотовъ въ дамскихъ модахъ съ тѣхъ поръ, какъ стала выѣзжать въ свѣтъ, — говоритъ графиня Варвикъ, — но такого рѣшительнаго, какъ теперь, при томъ выставяющаго женщину въ самомъ невыгодномъ и карикатурномъ свѣтѣ, ни разу еще не было. мода, продиктованная сейчасъ портными, лишена всякаго вкуса, приличія и скромности. Какъ могли женщины, живущія въ такой трагической моментъ исторіи, когда и родина, и всѣ близкіе затронуты вопросами жизни и смерти, попасться на эту удочку! Въ сомнѣніи, наши потомки, изучая переживаемую нами эпоху, серьезно будутъ задавать себѣ вопросъ: въ своемъ ли умѣ были женщины 1915 трагическаго года, одѣвавшіяся въ такіе клоунскіе наряды? Каково должно быть удивленіе раненыхъ героевъ, возвращающихся домой, при видѣ столь измѣнившихся женщинъ, такъ карикатурно одѣтыхъ!» Эту сцену воспроизводитъ одинъ изъ англійскихъ журналовъ («Pearson's Magazine»), довольно удачно уловившій всѣ характерныя особенности нынѣшней дамской моды, придуманной г. портными, чтобы не потерять своего обычнаго дохода въ трагическіе дни міроваго кровопролитія.

ПРОГРЕССЪ, КОТРОРЫЙ НЕСЕТЪ ГЕРМАНИЯ.

Таніе придется теперь строить дома послѣ опыта нынѣшней войны. («The Sketch».)

Война и дамскія моды. См. «Мелочи».

Редакторъ Б. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

то был
голосом.
инахъ, по
ужасной
аль,—го-
нее пове-
! При
новенный
сердцѣ.
жъ. Ока-
еся какъ
еждено и
минуема.
случай-
а, ида по
ать о ка-
аго года-
далеко,
визан-
домъ къ
о-нибудъ,
маешь,—
изету, чи-
Ничего
во всемъ
внѣстѣдо-
ность на-
ихъ явс-
военнос-
мъ обо
римчиво-

карману
наться на
къ наря-
думчиваго
женщинъ
къ теперь
работы
стеръ ми-
тихъ ду-
инѣ, или,
дѣ окру-
ихъ кри-
и черныя
дамскихъ
йти вы-
вотъ —

Варанъ
чати, съ
мъ сонле-
итро-зду-
о стороны
отчаяннѣ,
мому ко-
вить жен-
платья и
едѣлкахъ,
ѣ старыя
ными. По
портныхъ,
илась до
рошлагод-
смѣхъ у
ка стала
змѣнился
стали дѣ-
«Я помню
ихъ мо-
ла выѣ-
ривия Вар-
го, какъ
го женщи-
арикатур-
ло. Мода,
ными, ли-
и скром-
живущія
хъ истори-
затрону-
попасть-
ннѣ, наши
наши на-
ать себѣ
или жен-
одѣван-
ны? Како-
енныхъ ге-
при ви-
инъ, такъ
цену вое-
глейскихъ
е»), до-
характер-
ской мо-
и, чтобы
дохода въ
обролнтя.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14170

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 22-го АВГУСТА (4-го СЕНТЯБРЯ) 1915 ГОДА.

№ 14170

НА Кавказско-турецкомъ фронтѣ.

Турецки, изрубивъ прикрытiе, сбрасываютъ два турецкихъ орудiя въ Евфратъ, за невозможностью вывезти ихъ. Рисов. А. Пржевальскiй (участникъ войны).

Пожаръ зари.

Пожаръ зари такъ трепетнъ и страненъ,
Тревога въ немъ...
Сосновый дѣсь какъ будто бы израненъ
Небесъ огнемъ.
Какъ въ язвахъ ранъ, въ кровавыхъ пят-
нахъ свѣта
Стоять стволы,—
И съ рокотомъ злобщаго навѣта
Бѣгутъ валы...
Ты вся дрожишь... тебя тревоги новой
Обыла дрожь...
Въ пожарѣ страненъ этотъ дѣсь сосновый,
Хоть и хороши!
Невольной жутью оба мы трепещемъ:
Смотри, смотри —
Какъ странно заревомъ горитъ злобщимъ
Пожаръ зари!

В. Опочининъ.

Жозефъ и его жена.

Истинное происшествiе.

...Вотъ что мнѣ рассказывалъ генералъ.
У меня былъ лакей Жозефъ. Еще когда
онъ отбывалъ военную повинность, а я
командовалъ полкомъ въ Алжирѣ, онъ
былъ моимъ денщикомъ. Это былъ уди-
вительно добродушный и добросовѣст-
ный малый. Всегда веселый, мастеровъ на
вѣхъ руки, онъ готовилъ, какъ настоящій

поварь, держалъ въ исправности мои ве-
щи, вставалъ съ пѣтухами, ложился спать
позже всѣхъ въ домѣ. Интересы наши
онъ защищалъ смиренно и твердо, не давая
спуска поставщикамъ и не беря отъ
нихъ никакихъ «комиссий». Дети его об-
ожали. Ихъ любимое времяпрепровожденiе
было съ Жозефомъ на кухнѣ. Онъ имъ
мастерилъ игрушки, рассказывалъ без-
конечныя исторiи, пѣлъ имъ патристиче-
скiя пѣсни. Потому что, надо замѣтить,
Жозефъ былъ фанатическимъ поклонни-
комъ Поля Деруледа, и состоялъ даже
членомъ лиги патриотовъ. Онъ уклады-
валъ дѣтей спать, а когда выходилъ,
всегда приносилъ какіе-нибудь подарки.
Пѣна имъ была грошъ, но дѣтямъ они
нравились больше, чѣмъ самыя дорогiе,
которые давали имъ мы или наши род-
ные и знакомые. У моихъ дѣтей не было
никакого авторитета выше жозефовскаго. Что «Жо-
зефъ сказалъ»,—то было свято. И часто
его авторитетъ противопоставлялся на-
шему собственному. Въ короткое время
Жозефъ занялъ у насъ въ домѣ положенiе
не то главномууправляющаго, не то члена
семьи, съ тою разницею, что отбывать онъ
все-таки на кухнѣ. Но каждый разъ, когда
когда подавалось какое-нибудь особенно
съ нашей побѣдоносной армiей вслѣдъ за
лакомое блюдо, дѣти первымъ дѣломъ
спрашивали:—«А Жозефъ?»
Вы понимаете поэтому, съ какою огор-
ченiемъ мы стали видѣть приближенiе
конца службы Жозефа. Не говоря уже о
дѣтяхъ, и я, и жена такъ привязались
къ нему, что мы не могли примириться
съ мыслями, что съ нами придется раз-
статься. Къ счастью, и онъ тоже при-
вязался къ намъ. Поэтому, когда я пред-

ложилъ ему остаться у насъ лакеемъ онъ называлъ меня не иначе, какъ моимъ
послѣ службы, онъ очень охотно согла-
сился.
— Если вамъ угодно оставить меня,—
отвѣтилъ онъ, видимо тронутый.
И онъ остался.
Перемена въ его положенiи выразилась
только въ томъ, что когда онъ справлял-
ся съ хозяйствомъ, онъ облачался во
фрактъ.
Съ тѣхъ поръ онъ сопутствовалъ намъ
во всѣхъ нашихъ передвиженiяхъ. Меня
перевели въ Туръ, потомъ въ Безансонъ,
затѣмъ я былъ произведенъ въ генералы
и получилъ назначенiе въ Парижъ, при
главномъ штабѣ.
Въ тотъ день, когда былъ напечатанъ
въ «Journal Officiel» декретъ о моемъ
производствѣ, Жозефъ, который читалъ
моя газету раньше меня, вошелъ въ мой
кабинетъ, облаченный въ солдатскую
кургулю и въ своемъ старомъ кепи, и вы-
ступилъ въ струнку, отдавая честь:
— Bonjour, mon général—выкри-
нулъ онъ съ большимъ волненiемъ въ голо-
сѣ.—Изяю честь поздравить... Буду
счастливы служить подъ вашей командой,
когда наступитъ день рванна, и вмѣстѣ
когда подавалось какое-нибудь особенно
съ нашей побѣдоносной армiей вслѣдъ за
лакомое блюдо, дѣти первымъ дѣломъ
спрашивали:—«А Жозефъ?»
И, сказавши этотъ спичъ, Жозефъ по-
стыдно заплакалъ.
Я обнялъ его и расцѣловалъ.
Казалось, что не я, а онъ произведенъ
въ генералы, до того Жозефъ возгордился
моимъ назначенiемъ. Съ того дня онъ при-
нялъ строгій и важный видъ съ моими по-
сѣтителями. Слово «général» не сходило
съ языка, и даже дѣтямъ моимъ являлъ
причину послѣдовавшей всесро-

новымъ титуломъ.
Между тѣмъ дѣти мои подражали. При-
шлось подумать объ ихъ воспитанiи. Слѣ-
дуя общей модѣ, мы рѣшили научить ихъ
нѣмецкому языку, и стали приносить
бонну. Въ моемъ положенiи дѣло было до-
вольно щекотливое. Взять нѣмку въ домъ
я не могъ рѣшиться—у меня часто нахо-
дятся дома секретныя бумаги. Да и съ
сослуживцами приходится имѣть разгово-
ры, которые нежелательно, чтобы услыша-
ли постороннiя уши. Но дѣло уладилось.
Одна наша знакомая, жена моего подчи-
неннаго, родомъ эльзаска, рекомендовала
намъ дѣвушку, которую знала въ семьѣ
своихъ какихъ-то земляковъ. По ея сло-
вамъ, дѣвушка эта изъ хорошей семьи,
получила хорошее воспитанiе, но такъ
какъ родители ея внезапно разорились, то
она прѣехала въ Парижъ искать мѣста гу-
вернантки, или, въ худшемъ случаѣ, бон-
ны при дѣтяхъ, въ интеллигентномъ семей-
ствѣ.
Жена моя была очень растрогана раз-
сказомъ своей знакомой и тутъ же рѣши-
ла, даже не видавши дѣвушки, что возъ-
метъ ее. Какъ все добрая и набожная
женщина, жена моя очень доверчива. И
хотя она провела жизнь въ военной сре-
дѣ, въ ней рѣшительно нѣтъ военной жл-
ки. Когда она вышла за меня, она дава
обѣтъ, что никогда не будетъ ходить въ
театръ, дабы Богъ не далъ мнѣ быть когда-
нибудь на войнѣ. Къ слову сказать, она
сдѣлала исключенiе одинъ разъ,—въ прош-
ломъ году, когда президентъ пригласилъ мнѣ
свою ложу въ Comédie Française, и те-
перь этой невѣрностью обѣту она объ-
ясняетъ причину послѣдовавшей всесро-

пейской катастрофы... Когда у нас родилась сыгь, жена моя решила, что онъ будетъ чѣмъ угодно, только не военнымъ. Она ненавидитъ войну всѣми силами души и часто ставила меня въ неловкое положение передъ моими сослуживцами своими анти-милитаристскими взглядами. Поэтому, когда я зашептался о томъ, что прежде чѣмъ взять въ домъ иностранку, слѣдуетъ собрать о ней свѣдѣнія черезъ агентство, я получилъ такой градъ негодующихъ упрекозъ, что махнулъ рукою.

«Нѣмка» наша оказалась дѣвухой лѣтъ тридцати. Она была некрасива. Небольшого роста, худощавая, съ тонкими губами и съ тонкимъ и длиннымъ носомъ, съ веснушчатомъ лицомъ и съ большимъ шиньонемъ рыжихъ волосъ, она имѣла маленькіе, черные и пронзительные глаза. И съ перваго же дня она поворила сердце моей жены. Въ этой внезапной симпатіи не послѣднюю роль, я увѣренъ, играло то, что «фрейлейнъ Каролина» удовольствовалась минимальнымъ жалованьемъ. Она брала половину того, что обыкновенно платится боянамъ. И чего только она не знала. Она учила дѣтей музыкѣ, клеить коробочки, вѣера, дѣлать бумажные цѣфты и т. п. вещи по системѣ Фребеля, наблюдала за ихъ чистотой и хорошими манерами. Бойкая и расторопная, она носилась по дому, деспотически забирала все въ свои руки. Она готовила разные реченья и варенья, выпасывала для насъ изъ Германіи, по очень дешевымъ цѣнамъ, ветчину и колбасу, умѣла шить, причисывала жену. Очень почтительная, даже льстивая, по отношенію къ намъ, она третировала прислугу, какъ полновластная хозяйка. И даже Жозефу, который считалъ себя выше нея, она отдавала приказанія. То и дѣло слышалось ей: «Шоцефъ, вы сдѣлайте то-то. Шоцефъ, вы сдѣлайте другое».

Жозефъ упирался, протестовалъ, и въ домъ настала настоящій адъ. Мой добродушный майоромъ возненавидѣлъ «Нѣмку» отъ всей души. Особенно его возмутило, что она запретила дѣтямъ сидѣть съ нимъ на кухнѣ, говоря, что благовоспитанныя дѣти не должны проводить время съ «прислужкой», и не позволяла ему укладывать ихъ спать. Дѣти тоже не любили «фрейлейнъ», несмотря на все ея старанія. А жена всегда брала ея сторону. Бѣдному Жозефу оставалось только изливать свое горе мнѣ. Когда я дѣлалъ ей замѣчанія, она смѣялась:

— Qu'il est pête, ce karson, qu'il est pête! Il est chaloix!

И все-таки дѣлала свое. Въ короткое время Каролина завладѣла всѣмъ домомъ. Деспотическій ея характеръ сталъ выказываться даже по отношенію ко мнѣ. Я запретилъ ей убирать мой кабинетъ. И все-таки она забиралась въ мой кабинетъ. Не разъ мнѣ приходилось выговаривать ее довольно грубо, по-военному. Однажды я подслушалъ такой ея разговоръ съ Жозефомъ:

— Шоцефъ, fous n'êtes pas raisonnable. Почему вы не хотите, чтобы я убирала кабинетъ генерала? У него такой беспорядокъ.

— Потому что это лежитъ на моей обязанности,—отвѣтилъ онъ.—И потому, вы—иностранка...

— Вы ошибаетесь, mon karson. Я болѣе Французенка, чѣмъ вы Французъ, потому что я эльзаска. Знайте это. И затѣмъ, вы—нѣмка, потому что рѣшаетесь оскорблять бѣдную дѣвуху, которая, какъ и вы, принуждена зарабатывать свой хлѣбъ. Вы дѣйствуете не какъ Французъ, а хуже «боша».

И, вынувши изъ кармана платочекъ, она ушла, утирая глаза.

Жозефъ остался сконфуженный и унычотвенный.

Съ теченіемъ времени наша фрейлейнъ становилась все самоувѣреннѣе и развязнѣе. Она приняла со мною тотъ фамилярно-повровительственный тонъ, какой

Лагерь бѣженцевъ въ Волынской губ.

никогда имѣютъ колдовые люди съ очень и разспросовъ, горячо распространивъ съ старыми людьми, въ которомъ чувствуется и привязанность, и свое собственное превосходство. Теперь она пробовала загаваривать со мною о политикѣ. Разъ, напр., она меня спросила:

— Что случилось со знаменемъ такого-то, не помню, какого именно, полка, которое Французы взяли у Нѣмцевъ въ 1870 г.?

— Ma fille,—отвѣтилъ я,—мы взяли васъ быть боной, а не для политическихъ разговоровъ.

Вскорѣ послѣ того случился фактъ, который заставилъ меня всполошиться не на шутку. Однажды утромъ, войдя въ мой кабинетъ, я нашелъ, что электрическая лампа на моемъ столѣ, которую я очень хорошо помнилъ, что погасилъ передъ тѣмъ, какъ пошелъ спать, была зажжена. Кто-то, стало быть, хозяйничалъ ночью у меня въ кабинетѣ. У меня въ то время никакихъ важныхъ бумагъ не было. Тѣмъ не менѣе я открылъ рабочей столъ. Бумаги были въ порядкѣ, но мнѣ показалось, не въ томъ, въ которомъ я ихъ оставилъ. Только одинъ человекъ могъ это сдѣлать—фрейлейнъ. Спрошенный Жозефъ подтвердилъ мои подозрѣнія. Онъ лжественно слышалъ, что «Нѣмка» ночью ходила по дому. Я попросилъ жену поговорить съ нею. И, къ удивленію, фрейлейнъ этого не отрицала. У нея-де ночью разболѣлась голова, и она спустилась поискать антипирину. Заходила въ кабинетъ, но не помнитъ, закрыла или нѣтъ электричество.

Послѣ этого даже моя жена нашла, что Каролина долгие въ домѣ оставаться не можетъ. Ей отказали подъ благовиднымъ предлогомъ, и она ушла, безъ протестовъ бывшей боингъ? На «Нѣмкѣ»?

Жилище бѣженцевъ въ Шубиновскомъ лѣсу, Волынской губ.

ГАЛИЦІЙСКІЕ БѢЖЕНЦЫ.

— Она не Нѣмка, — mon général. Она эльзаска. И у нея хорошія французскія чувства, я въ этомъ убѣдился.

— А-а, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше,—подтвердилъ я, съ трудомъ приходя въ себя.—Поздравляю тебя. Не могу тебя удерживать... Какъ же это случилось?—поинтересовался я.—Вѣдь, ты, помнится, не очень долбилъ Каролину.

— Все это были глупости, mon général,—отвѣтилъ онъ, ослабившись.—Я встрѣтился съ нею на собраніи лиги патріотовъ. У нея очень хорошія знакомства, и ее тамъ очень уважаютъ. Ей не разъ поручали мисіи въ Эльзасъ.

— Что же ты будешь дѣлать? Вѣдь твоей ренты не хватитъ на житье.

— Нѣтъ, mon général. Но м-ль Каролина получила маленькое наследство отъ дяди, двѣсти фр. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, она нашла мѣсто въ хорошемъ буржуазномъ домѣ. Жильцы все богатые люди.

Жозефъ пригласилъ насъ на свадьбу. Но жена моя была такъ возмущена его, какъ она выразилась, черной неблагодарностью и «недостойнымъ поведеніемъ» ея бывшей любимицы, которая его увлекла, что не хотѣла больше и слышать о нихъ. Мы послали имъ свадебный подарокъ, и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я ни разу не видѣлъ ни Жозефа, ни его жены.

Но я зналъ, что она въ Парижѣ.

Черезъ годъ послѣ ухода Жозефа мы получили гравированную карточку, въ которой «Г-нъ и Г-жа Жозефъ Бонаръ» имѣли удовольствіе извѣстить о рожденіи дочери ихъ Реваншъ», а еще годъ спустя такое же извѣстіе о рожденіи второй дочери, Полины, такъ названной, очевидно въ честь Поля Деруеда, героя и идоломъ Жозефа. Увидѣвъ я моего бывшего лакея только лѣтъ шесть спустя, я вотъ какимъ образомъ. Пріятель мой перѣѣхалъ жить въ тотъ самый домъ, въ которомъ Жозефъ былъ консержеромъ. Съ тѣхъ поръ, каждый разъ, когда я посѣщалъ этого пріятеля, я встрѣчалъ Жозефа, къ которому сохраняли самую лучшую чувства, и по старой памяти вступалъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ имѣлъ теперь тотъ важный и величественный видъ, который принимаютъ консержерки богатыхъ домовъ. Онъ отпустилъ себѣ брышко, носилъ бархатную ермолку, вышитыя туфли, и неслыханной близы фартукъ подъ черной курткой. Онъ мнѣ искренно обрадовался, и отъ волненія долгое время повторялъ только:—

— Ah, mon général! Ah, mon général!...

Когда онъ нѣсколько пришелъ въ себя, онъ попросилъ позволенія показатъ мнѣ своихъ дѣвочекъ. Дѣвочки были чистенькія, хорошо одѣтыя, съ очень приличными манерами. И обѣ были рыжія, какъ мать. Только Реваншъ, которую, впрочемъ, мать называла Луизой, склдомъ лица напоминала отца.—«Объ, съ радостью замѣтилъ Жозефъ,—говорить по-нѣмецки такъ же хорошо, какъ по-французски. Когда онѣ подрастутъ, мать непременно захочетъ ихъ отправить въ Эльзасъ, чтобы усмиривствоваться».

Я поцѣловалъ дѣвочекъ, похвалилъ ихъ цѣлующій видъ и познанія и собрался уже уходить, когда въ проходѣ входной двери показалась м-ль Жозефъ. Встрѣтъ я ее на улицѣ, я бы не призналъ ее за ту самую Каролину, которая была у меня боной. Передо мною была не боина и не жена консержерки, хотя бы изъ богатого дома, а почтенная дама, въ мѣхахъ и въ шляпкѣ, въ бриллиантовыхъ серьгахъ и въ кольцахъ. Она очень чопорно поздоровалась со мною, повторяя за каждымъ словомъ «mon général», сказала, что Жозефъ, навѣрное, очень радъ меня видѣтъ, потому что «malgré tout» продолжаетъ любить меня, и тутъ же, бросивши взглядъ на коверъ мраморной лѣстницы, тономъ хозяйки дома замѣтила мнѣ:—Мой другъ, эта лѣстница не

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ ЗА СВОИ ПОДВИГИ ОРДЕНОМ СВ. ГЕОРГИЯ 4-ОЙ СТЕПЕНИ.

Полковн. Ф. Ф. Ивановъ.

Полковн. Н. Н. Шиллингъ.

Шт.-кап. А. А. Рагозинъ.

Поруч. Сулейманъ Евъ-Кущевъ.

Поруч. А. М. Постоловъ.

Подпор. А. Г. Челурновъ.

Прапорц. Л. Р. Сологубъ.

Вольноопр. А. И. Чистяковъ.

Прапорц. Н. С. Скutelникъ.

Охотн. Н. В. Сарайкинъ.

сдѣлана. Вы знаете, я требую, чтобы мѣдъ блестяла какъ зеркало, и чтобы на ковръ не было ни пылинки...
Теперь, отъ времени до времени, когда я приходилъ въ домъ, я останавливался поболтать съ Жозефомъ. И каждый разъ, при видѣ меня, онъ обнаруживалъ неподдѣльную радость. Онъ спрашивалъ о моихъ дѣтахъ, о моей женѣ, и охотно говорилъ о своей собственной жизни, которой, по-видимому, былъ очень доволенъ. О своей женѣ онъ говорилъ съ почтительнымъ благоговѣніемъ, понижая голосъ.

У этой женщины, повторялъ онъ, вліяніемъ вышитаго за обѣдомъ вина. У него, оказалось, было редное событіе: недавно родился сынъ. Въ этотъ день, зей изъ оторванныхъ провинцій», какъ она, а дѣмой. И вы понимаете, въ квар-талѣ ей всѣ завидуютъ. А-а, гдѣтъ, ее не люблю, я увидѣлъ въ ложѣ консьержка, за столомъ, большое общество. Жозефъ за-мѣтилъ меня и выскочилъ на лѣстницу. Онъ былъ великолѣпенъ, въ черномъ сюр-тукѣ и въ блѣдомъ галстукѣ, и имѣлъ очень умиленный видъ, очевидно

повторялъ онъ, вліяніемъ вышитаго за обѣдомъ вина. У него, оказалось, было редное событіе: недавно родился сынъ. Въ этотъ день, зей изъ оторванныхъ провинцій», какъ она, а дѣмой. И вы понимаете, въ квар-талѣ ей всѣ завидуютъ. А-а, гдѣтъ, ее не люблю, я увидѣлъ въ ложѣ консьержка, за столомъ, большое общество. Жозефъ за-мѣтилъ меня и выскочилъ на лѣстницу. Онъ былъ великолѣпенъ, въ черномъ сюр-тукѣ и въ блѣдомъ галстукѣ, и имѣлъ очень умиленный видъ, очевидно

повторялъ онъ, вліяніемъ вышитаго за обѣдомъ вина. У него, оказалось, было редное событіе: недавно родился сынъ. Въ этотъ день, зей изъ оторванныхъ провинцій», какъ она, а дѣмой. И вы понимаете, въ квар-талѣ ей всѣ завидуютъ. А-а, гдѣтъ, ее не люблю, я увидѣлъ въ ложѣ консьержка, за столомъ, большое общество. Жозефъ за-мѣтилъ меня и выскочилъ на лѣстницу. Онъ былъ великолѣпенъ, въ черномъ сюр-тукѣ и въ блѣдомъ галстукѣ, и имѣлъ очень умиленный видъ, очевидно

Павшіе смертью храбрыхъ.

Полк. А.-ли. Ив. Вестфаленъ.

Капит. Е. А. Вервицотти.

Поруч. Влч. Вик. Мазаринъ.

Прапорц. Б. С. Станевичъ.

Прапорц. Н. Н. Грановъ.

НА ГАЛЛИПОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.

Турецкие пленные под конвоем Ан дичах направляются в тыл.

Пойманный турецкий разведчик, прикрывшись ветвями и листьями и подползший к английским траншеям.

всего лучшего новорожденному и поспешил уйти. И—помню—вышел я со странным чувством. Эти военные в кругу лиц с немецкими физиономиями, эта почти богатая обстановка, которая так не вязалась с положением консьержки,—все это мне не понравилось. Я даже заметил это моему приятелю.—«Да, сказала», подтвердила его жена, наши консьержки имеют вид совершенно закиточных людей. Их обстановка лучше нашей, а жить они положительно лучше нас».

Потом друзья мои переехали в другой квартал, и я опять потерял из виду Жозефа в течение нескольких дней.

Увидел я его вновь при ужасающих условиях.

Это было в самом начале войны. В дом была суматоха. Мы только что проводили сына на фронт,—он ушел вольонтером,—и я сам собирался уехать. Жена не переставала плакать и ходила как убитая. Дочь моя, жених которой тоже уехал на войну, кричала, утешала мать, но и на ней лица не было. И вот в такое время, вечером, перед тем, как сесть за стол, вошла кухарка, перепуганная, и заявила, что какой-то человек хочет меня видеть.—«Пусть идет к чорту»,—отвятил я в сердцах.—«Мне не до визитов».—«Но, генераль, он настаивает. Он весь в крови. Он говорит, что служить у вас ласком».—«Жозеф?».—«Да, кажется, его так зовут. Ничего нельзя понять, он так возбужден».—«Пусть войдет».

В комнату ворвался человек с распухшим лицом, окровавленный, в разорванном платье, и с рыданиями бросился передо мною на колени:

— О, генераль, генераль, спасите нас... Это ужасно, ужасно...

— Мой бедный Жозеф, в каком ты виде. Что случилось?

— О, это ужасно,—кричал он, захлебываясь от рыданий.— Они арестовали мою жену. Весь квартал возстал против нас. Меня самого толпа чуть не убила... Они говорят, что мы шпионы...

Он рыдал, как ребенок, спрятав лицо в грязный, окровавленный платок, и плечи его тряслись.

— Ведь вы знаете, вы знаете, что я честный человек, и добрый Француз,—повторял он.

Я успокоил его, как мог, и позвонил в телефон в разведочное отделение, чтобы узнать, в чем дело.

— Это глупо шпионов,—отвятили мне,—в этом не может быть ни малейшего сомнения.

— Вы можете показать мне дело?

— К вашим услугам, когда угодно.

— Сейчас?

— Сейчас.

Четверть часа спустя, я был в военном министерстве. Подавая мне синюю папку, капитан, заведующий разведками,

— Это очень опасная шпионка. И мы, курьезно то, что человек, обративший на нее внимание военных властей, был никто иной, как сам Жозеф. Когда мы удалили его будущую жену, он так много рассказывал об этом событии в квартале, так настаивал на том, что она шпионка, что она хотела похитить мои секретные бумаги, и что он «всегда ду-

— Мнѣ? Каким же образом?

— Читайте, генераль. Это очень любопытно.

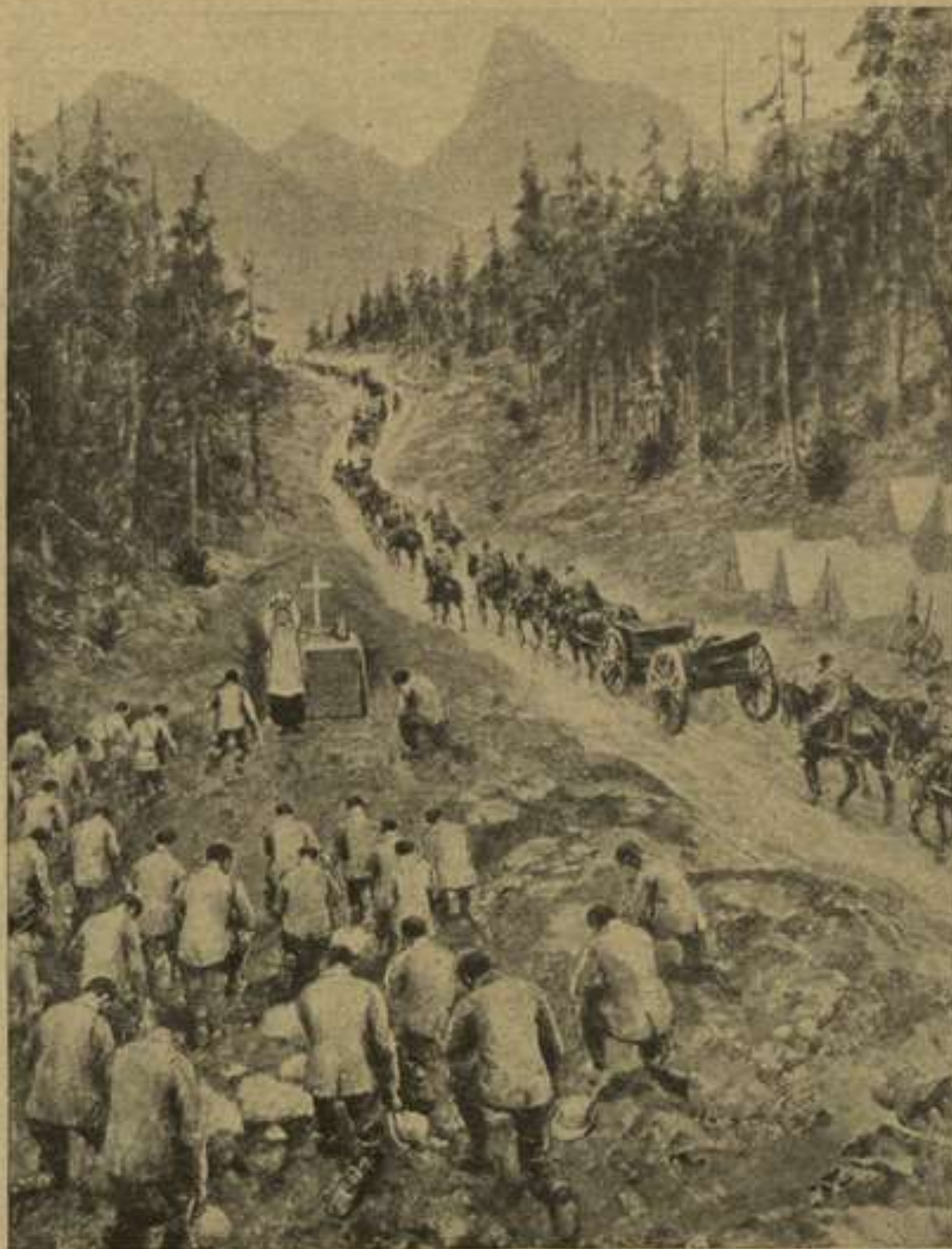
То, что я прочел, было не только любопытно,—оно было ужасно. Наша бывшая боиня стояла во главе шпионской организации в течение многих лет. Ее ежемесячная «рента от дяди» было ей слѣдует, в ней приставили контроль шпионское жалованье, и не в 200 фр. шпионов. Но она вела себя в высшей в мѣсяц, как думал Жозеф, а 500,

степени осторожно. В корреспонденциях

и в некоторые мѣсяцы доходило до тысячи и больше. Муж ее, которого в докладе атестовали как непроходимаго дурака (un homme stupide) привлекали, в качестве патриота, военных родовъ оружия, которых его жена умѣла лозко амплоктировать, и знакомила их со шпионами-специалистами. И всего этого возмущались, под рубрикой «Преслѣдованіе Французовъ въ Эльзасѣ»... Затѣмъ у нея были, въ самомъ дѣлѣ, влиятельные покровители. Мѣсто консьержки, напримеръ, она получила через депутата-националиста. Она рожала дѣтей, занималась дѣтьми и хозяйствомъ, усердно посѣщала протестантскую церковь. Военные, которые ходили къ ней, были знакомые Жозефа, а не ей. У нея въ квартирѣ говорили о военныхъ дѣлахъ, о политикѣ, рассказывали о военныхъ открытіяхъ, объ аэропланахъ, подводныхъ лодкахъ, пушкахъ, о расположении войскъ. Всегда случалось такъ, что въ числѣ посѣтителей встрѣчались спеціалисты по каждому изъ этихъ вопросовъ. Но Каролина не имѣла вида, что особенно интересуется всѣмъ этимъ. Интересовался Жозефъ, а его никогда ни въ чемъ не подозрѣвали. Такъ что одно время ее совсѣмъ оставили въ покое. Впрочемъ, она это замѣтила, или ей о томъ сообщили. Вы знаете, что въ самомъ «S.S.» (развѣдочномъ отдѣленіи) было обнаружено присутствіе шпионовъ. Со времени дѣла Дрейфуса отдѣленіе это было совсѣмъ дезорганизовано. Съ этого именно времени, когда за нею перестали слѣдить, она перестала вести себя осторожно, что ее и погубило.

Кто читалъ «Желтую книгу», знаетъ, что уже съ 1913 года для насъ не было тайной, что Германія рѣшила вовлечь насъ въ войну въ очень близкомъ будущемъ. Официально это отрицалось, и даже въ правительственныхъ кругахъ были люди, которые не вѣрили въ войну и считали, что военныя приготовленія Германіи—простой блефъ. Но развѣдочное отдѣленіе знало, что на этотъ разъ дѣло было серьезно. Нѣмецкіе шпионы перестали ограничиваться обыкновенными развѣдками. Они начали принимать мѣры для такъ называемой тыльной войны. Дознало было, что разныя подозрительныя личности стали селиться подъ разнообразными предлогами и рыскаютъ вдоль стратегическихъ линій и большихъ желѣзнодорожныхъ мостовъ. Стали получаться подозрительныяклады, и было основаніе думать, что этиклады ничто иное, какъ взрывчатая вѣщества. Вы понимаете, какъ важно было для Нѣмцевъ своевременно минировать мосты по большимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ и взорвать ихъ, чтобы помѣшать

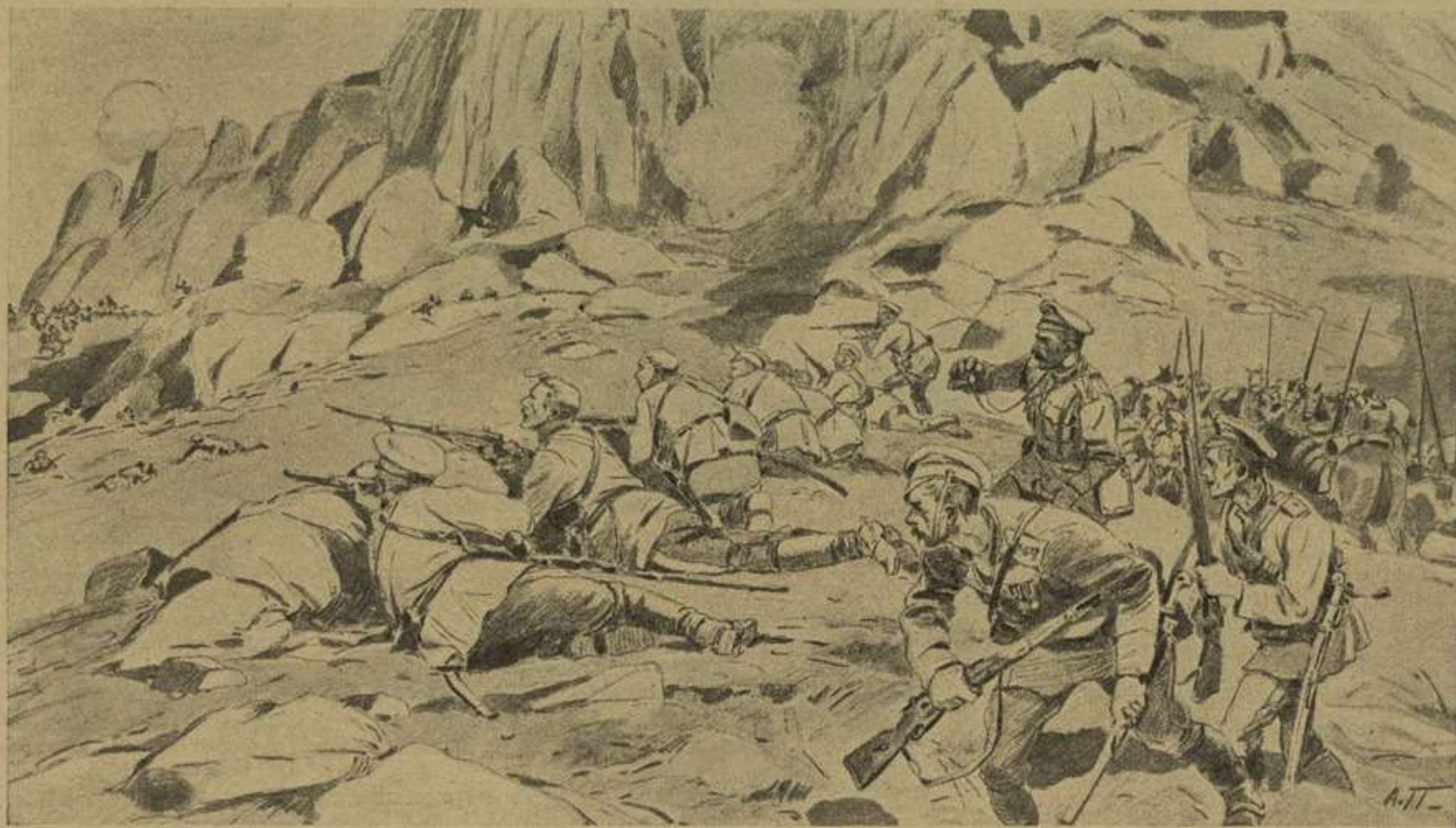
ВОЙНА ИТАЛИИ И АВСТРИИ.

Наступление Итальянской артиллерии.

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Бой 6 эскадрона С-го драгунского полка на Низиль-Дагъ подъ командою принца Наджара (замѣчательный по сильному впечатлѣнію, произведенному на Курдоев).

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

мобилизации. Это, разумеется, очень опасное дѣло, но зато шпионы получаютъ огромное вознагражденіе. Поэтому я мы, съ нашей стороны, бдительно охраняли наши пути сообщенія и уделили имъ дѣятельность въ этомъ смыслѣ. И тутъ мы узнали изумительныя вещи. Нѣмцы, богатые,—фабриканты, фермеры, инженеры,—съ отличнымъ положеніемъ, натурализованные десятки лѣтъ, дѣти которыхъ отбывали у насъ военную повинность, усердно помогали нѣмцамъ шпионажъ. Каролина находилась въ ихъ числѣ. Въ июль она перѣехала съ дѣтьми въ окрестности Лаферте, гдѣ имѣется большая мостовая черезъ Марну. Здѣсь уже жили другія подозрительныя личности,—Швейцарцы, Элизасцы, Люксембургцы,—за которыми слѣдили. Доизвѣсно было, что Каролина съ нѣкоторыми изъ нихъ встрѣчалась какъ бы случайно, на прогулкахъ, въ открытомъ полѣ. Это бы еще ничего особеннаго не доказывало. Но Каролина имѣла неосторожность получать слишкомъ часто и слишкомъ много багажа, гораздо больше, чѣмъ это ей нужно было, и все очень тяжелый. Въ то же время стало извѣстно, что она собиралась въ скоромъ времени оставить свое мѣсто консьержки, о чемъ уже заявила хозяйину, сказавши, что получила наследство и собирается уѣхать въ имѣніе, гдѣ и будетъ жить развѣдчицей. Въ концѣ июля Каролина внезапно вернулась въ Парижъ вмѣстѣ съ дѣтьми, при чемъ перевезла только часть своего багажа. Человекъ, который перевозилъ ее на вокзалъ, отвезъ, по ея указанію, другую часть багажа къ одному Швейцарцу, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ моста. Теперь мы держали ее въ рукахъ, такъ же, какъ ее сообщниковъ. Наши агенты окружили всю шайку тѣснымъ кольцомъ. Сообщниковъ накрыли ночью на мѣстѣ преступленія, вмѣстѣ съ динамитомъ, въ то время, какъ они прокладывали проволоку къ своему дому, чтобы произвести взрывъ при помощи электрической батареи. А на утро забрали и Каролину. И—вещь невѣроятная для такой осторожной и хитрой женщины—при обыскѣ у нея было отобрано письмо, въ которомъ говорилось, что ее ждутъ «въ субботу, съ десяти часовъ

Солдаты прокладываютъ новую дорогу въ окрестностяхъ Суассона.

Телефонная станція у линии огня.

побѣдомъ», и что «все готово». Кто, гдѣ, что готово, и зачѣмъ ее ждутъ, она объяснить не могла...

Вернувшись домой, я позвалъ Жозефа. Онъ вошелъ съ перекосеннымъ лицомъ, жадно заглядывая мнѣ въ глаза, какъ будто желая прочесть въ нихъ рѣшеніе своей участи.

— Eh bien?—спросилъ онъ.

— Eh bien, мой бѣдный Жозефъ, ты рѣдкій кретинъ. Ты, патриотъ и честный малый, ты, не понимающій того, помогаешь врагамъ твоего отечества, твоя жена—шпионка. Ее надо предоставить своей участи...

И я рассказалъ ему все, что узналъ.

Жозефъ схватился за волосы и зарыдалъ:

— Мои бѣдныя дѣти, мои бѣдныя дѣти... Но это быть не можетъ. Она была такая хорошая жена, такая добрая мать...

— Въ то время, какъ мы говоримъ съ тобою, у тебя, вѣроятно, уже нѣтъ жены, а у твоихъ дѣтей матери. Это дѣло конченное. Теперь тебѣ надо подумать только о спасеніи чести твоей и дѣтей твоихъ. Ты долженъ искупить твою невольную, но великую вину...

— Но какъ, mon général, какъ? — спросилъ онъ, заливаясь слезами.

— Иди на фронтъ, сражайся рядомъ съ братьями.

— А мои дѣти?

— Мы позаботимся о нихъ, не беспокойся. Когда ты вернешься, ты ихъ найдешь цѣлыми и невредимыми. Я даю тебѣ мое слово.

— Я счастливъ буду это сдѣлать. Но возьмешь ли меня?

— Я тебя возьму съ собою. Ты хотѣлъ когда-то вмѣстѣ со мною войти въ Берлинъ. Можетъ быть теперь ты это осуществишь.

Два дня спустя, Жозефъ, зачисленный въ мой корпусъ, былъ солдатомъ. Онъ драгунъ четыре мѣсяца, какъ герой, былъ сдѣланъ сержантомъ, два раза былъ упомянутъ въ суточномъ приказѣ. И вотъ, видите, теперь онъ палъ на полѣ чести. Миръ его праху!

И. Яковлевъ.

Мировая опасность.

Весьма интересна и характерна изданная недавно в Париже небольшая брошюра «Les dessous économiques de la guerre» («Экономическая подкладка войны»), получившая сразу огромное распространение. Автор ее—известный голландский писатель, политико-экономист по специальности, социалист по убеждениям, Христиан Корнелиссен. Человек, посвятивший труды всей жизни вопросам мирного и культурного устройства человечества, пацифист и антимилитарист по известным симпатиям души, врывающийся в близкое братство народов, горячо призывает сейчас свою маленькую родину к оружию, готов ее обречь всем ужасам грозного тевтонского нашествия, опустошившего соседнюю Бельгию, лишь бы только проникло во все культурные народы ясное сознание той страшной опасности, которую таит торжество Германии, лишь бы только спасти мир от этого несправедливого господства.

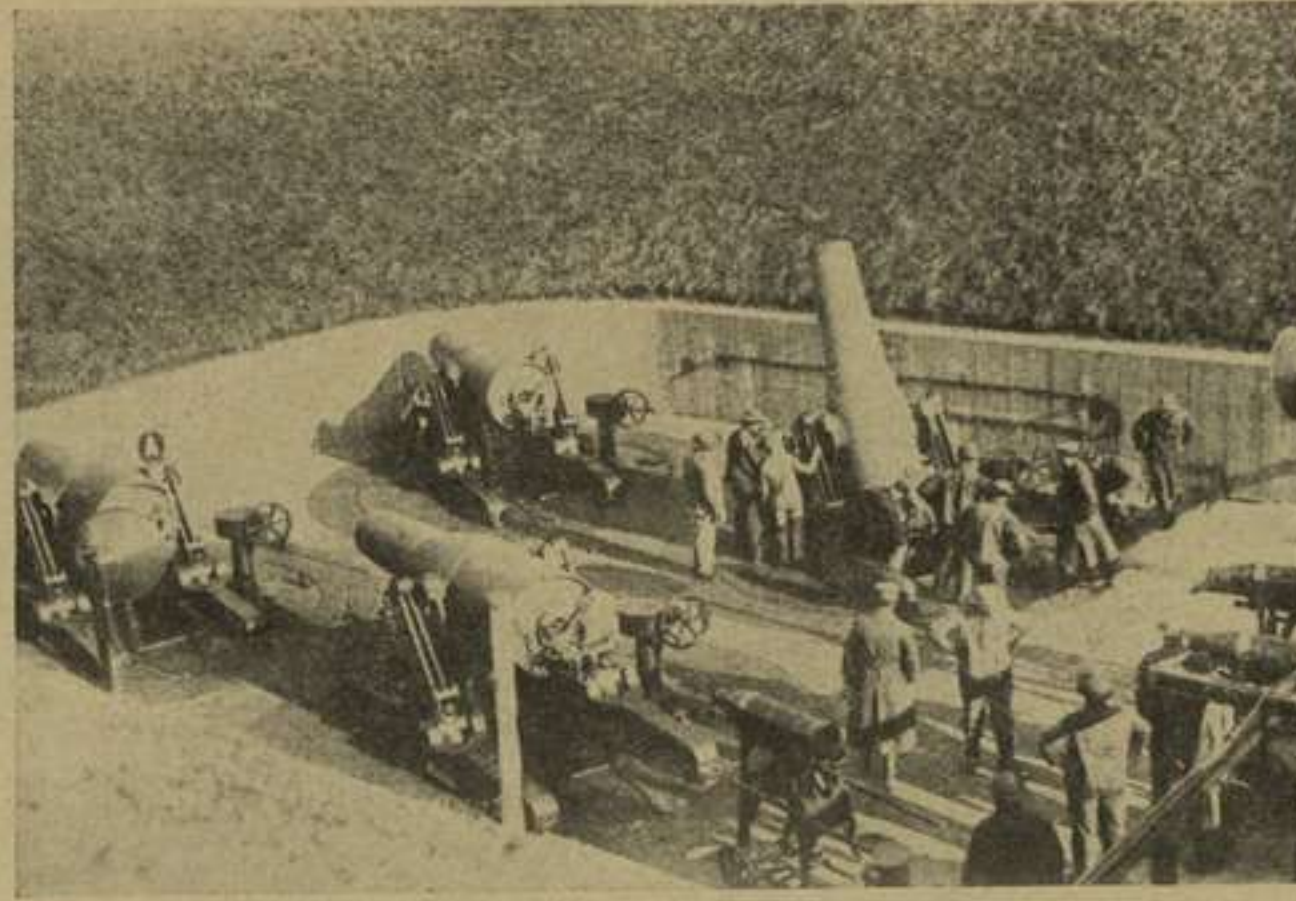
Голландия—неизбежная жертва своего жадного соседа—тевтона, и это надо понять. Преступно закрывать глаза на неминуемую опасность, не присоединиться сейчас к героической борьбе за будущую свободу европейских народов. У голландцев две крупные вины в глазах Германии: они владели устьем Рейна и богатыми колониями. Наивно полагать, что Германия оставит неприкосновенной эту маленькую, слабую страну, загорожившую ей путь к морю.

Но вот голоса самих немецких писателей-патриотов. Еще Фридрих Лист говорил о необходимости объединения Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Бельгии и Голландии в таможенный союз, подготовляющий более тесное сближение. Смелый враг Бисмарка Константин Франц открыто требовал присоединения к империи устьев Рейна и голландских владений в Индии: «Нам необходимы голландские земли», пишет Фриц Блай: «можно было бы подготовить это объединение таможенным союзом и созданием общей обороны сухопутной и морской». А вот слова известного немецкого экономиста Эрнста фон-Галле: «Чудовищно, что устья обоих больших немецких рек—Дунай и Рейн—находятся в чужих руках. В особенности важен Рейн, эта главная национальная артерия. А целый ряд портов, через которые проходит вся международная германская торговля! Порты также не наши,—и это чудовищно. Необходимо, чтобы империя закрыла нужные для себя позиции».

«Голландия ринется в пропасть», пишет Трейчке: «если в будущей войне она окажется на стороне наших врагов. Надо ее вернуть, взять в ту великую народность, из которой она вышла». О союз центральным народам-друзьям говорили официальные круги Германии, говорил сам император Вильгельм II, как о новой политической системе в Европе. Что скрывается под любезными словами «союз» и «друзья»,—это всем понятно. Даже социалистическая немецкая печать защищала идею средне-европейской федерации, которая, в сущности, имела целью полное политическое поглощение мелких государств, и в первую голову—Бельгии и Голландии.

Съездившимся цинизмом заговорил, наконец, о новой системе германского господства, долженствующей замкнуть прежнюю систему равновесия государств, имперский канцлер нынешним летом в заседании рейхстага. Тут уже всякая маска была снята, и упоенная военными успехами аудитория с удовлетворением слушала это торжественное признание правоты международного разбоя.

Христиан Корнелиссен ясно видит нависшую над его родиной опасность. Его нельзя успокоить разговорами о ка-

В АМЕРИКЕ.—Испытание в окрестностях Нью-Йорка новых орудий.

ким-то дружественном союзе; истинная сущность германских вождей для него вполне ясна. Как экономист, он подробно останавливается на анализе причин ужасной войны и делает категорический вывод, что ответственность за нее падает всецело и исключительно на одну только Германию.

В практическую жизнь зарывалась, по его мнению, все глубже и глубже вся энергия Германии, весь ее народный гений. Развитие промышленного производства шло в последние десятилетия таким темпом, как никогда ни в какой стране, даже в штатах Америки. Интересно по этому поводу приводимое в книге наблюдение Эдисона, который посетил Европу после промежутка в 25 лет и сказал будто бы следующее: «наш, американец, уже больше не считают первыми выскочками в семье цивилизованных народов,—это место мы всецело уступили теперь Нмцам». Действительно, разрывшиеся не по дням, а по часам богатейшие Нмцы, полукультурные, грубые, без аристократических традиций стали наводнять все крупные европейские центры, закидывать рынки своим дешевым, ходким товаром.

При колоссальном росте производства и поразительном техническом прогрессе Германия не располагает ни обширными колониями Англии, ни огромными запасами территории, как Америка,—поэтому организация сбыта и возмездия, новые площади и отрасли работы становятся все больше и больше затрудненными. Обуянная жадной наживы и разводя для этого слишком много паров в своих несметных машинах, Германия уже стала задыхаться в тяжелой атмосфере работающего пара. Сдавленная в середине Европы, она готовила неизбежный взрыв.

Германия ринулась в колониальную политику, получившую торжественное определение в словах Вильгельма: «будущее Германии на морях». Но здесь ей неминуемо пришлось встретиться с более сильной морской мощью Англии. Германия стала давно завистливо смотреть на восток и на запад,—на необъятные и неиспользованные еще территориальные богатства России и на морское побережье Голландии и Бельгии с Амстердамом и Роттердамом,—этими двумя легкими, которыми дышит западная Германия, по выражению рейнских и вестфальских промышленников.

Но в системе европейского равновесия Германия встречает страшный преград для своих грабительских замыслов. И вот она противопоставляет этой системе свою собственную—культурного господства Германии. Только склонить свободные народы к

добровольному яму прусского империализма быть, конечно, никакой возможности. И Германия вкалывает свои идеи военной силой.

Проповедь создания средне-европейского союза с Пруссией во главе, в которой вошли бы, кроме Австрии, Швейцарии, Голландии, Бельгии, Дании, еще и западные провинции России и северная Франция, эта проповедь, поддержанная целым рядом национальных писателей, говоривших о преимуществах немецкой культуры, немецкого ума и немецкой науки, завершилась объявлением чудовищной войны, в которой Германия ясно доказала, насколько ниже она стоит в культурном отношении, чем ее сосед.

Все народы, и большие и маленькие, кто только дорожит своей свободой и национальной независимостью, должны объединиться в борьбу с этим насильником, давно ковачившим цепи мирового порабощения. В частности, для Голландии не может быть никаких колебаний: опасность уже нависла, она грозит теперь же, надо скорей присоединиться к защитникам европейской свободы и действительной культуры. Оставаться в настоящую минуту антимилитаристом,—это значит жить утонией, видеть разбитыми все мечты о лучшем будущем, ввергнуть человечество в страшные бедствия, пойти в рабство к стране, которая дальше, чем всякая другая, от священных идеалов общечеловеческого братства. Таково мнение социалиста Корнелиссена.

В книжке не лишены для нас интереса строки, посвященные России. Признавая науку политическую отсталость, голландский писатель находит, что опасность панславизма не может быть так же твердо психологически обоснована, как реальная теперь для всех грозная опасность германского порабощения Европы и всего мира. Черты русского народа, как ни чужды и незнакомы он автору книги, все-таки достаточно уже определились, чтобы сказать: это не те черты, которыми характеризуют Германию с ее навязчивой идеей мирового господства. К тому же в России еще слишком много зла у себя дома, и об опасности панславизма говорить сейчас нечего.

Литературные заметки.

Отражения войны.

Если современные поэты слишком близко стоят к мировой войне для того, чтобы и ее величие, и ее ужасы могли

отразиться в их произведениях в зажатой художественной форме, то эта же близость дает им некоторое преимущество перед писателями, которые придут к ней на обыва, в том, что они острее могут ощущать и ее боль, и то «уношение в бой», о котором говорить величайший из наших поэтов, чем их презинки, для которых эта война будет уже «историей», а не страшной действительностью. Поэтому задача сохранить отражения современных событий в поэтических произведениях, при всей незаконченности или даже просто слабости формы многих из них, может считаться как бы исполнением долга современников перед грядущими поколениями,—оставить им след пережитого нами, при условии, разумеется, что сохраняться будет не все сплошь, а лишь то, в чем действительно слышится живой крик сердца, потрясенного множеством никогда еще не обрушивавшихся на человечество в таком необычайном количестве впечатлений. В сборнике «Современная война в русской поэзии» были собраны если не все, то, по крайней мере, большая часть заслуживающих внимания поэтических произведений, относящихся к первому периоду войны, преобладающими мотивами которых были подвиги наших соотечественников и те бедствия, которыми обрушились на народы, принявшие первые удары злобного гита.—Сербы, поляки, бельгийцы. В последнем втором выпуске сборника * его составитель г. Б. Гилский, желая, как он поясняет в предисловии, изблудить вторичные мотивы, положенных в основу первого сборника, использовал собранный им поэтический материал по новой программе, уделяя главное внимание, во-первых, историческому элементу, а затем—эпизодам и картинам боевой жизни. Область исторических параллелей, воспоминаний о знаменательных событиях прошлых времен, имеющих связь с настоящим, настолько необязательна, что те два десятка стихотворений, которые вошли в сборник, представляют собою лишь слабый намек на то, что может быть и, без сомнения, будет еще современем сказано по этому поводу. Во всяком случае в некоторых из стихотворений сборника и выбор мотивов, и их разработка представляют интерес. Сказание о гибели Царьграда А. Коринфского заканчивается бодрой, энергичной нотой:

Шли годы, вьх за вькомъ:
Несли ярмо оковъ
Народы христиане—
Кто—пять, кто—шесть вьковъ.
Но живо вь тьхъ народахъ
Преданье до сихъ поръ:
Что гранеть громъ возмездья
Со вьхъ Балканскихъ горъ,
Что минутъ годы рабства,
Что крестъ вновь обинитъ
Святой Софин куполь
Надъ бездною обидъ...

К. Бальмонт, посвятивший стихотворение польскому рыцарю, призывает к единению всех славян:

Вь этотъ часъ, когда Пруссаки,
Сатанинскія собаки,
Поднимаютъ рьзакъ лай,
Не пора ли намъ, Славянамъ,
Древнимъ вьра талисманамъ,
Вьсѣмъ Полянамъ, вьсѣмъ Древянамъ,
Дружно встать за общій край?..

И. Пересветовъ напоминает Нмцамъ «забытый урокъ» изъ жизни XIII вѣка, когда, подобно нынешнимъ тевтонскимъ насильникамъ, оправдывающимъ свои воинственные похождения необходимостью «завоевать свое мѣсто подъ солнцемъ», и ливонцы пошла съ подобными же намерениями на Новгородъ, но рьзая ихъ кончались плачевно, и попавшимъ въ полонъ ливонскимъ рыцарямъ было указано «лѣсто во вселенной», совсѣмъ не похожее на

* Современная война в русской поэзии. Выпускъ второй. Петроградъ. 1915 г. Стр. XIV+252. Ц. 2 руб.

то, о котором они мечтали. В стихотворениях других поэтов проходят перед нами воспоминания о «Блэуэ генерале», об адмирале Нахимове, о Жанне д'Арк и др. Интересно сказание В. Опочина о «женщине под чадрой», кажущейся обольстительно красивой, на самом же деле являющейся дряхлой и отжившей старухой. — Турция наша — как женщина эта, — говорит старый мулла, рассказывающий это предание.

В отделе «Военные песни» помещено несколько гимнов союзных народов; составитель дал здесь место и небольшим подлинным солдатским песням. Отдельные эпизоды войны нашли иногда больше, иногда меньше яркое, но почти всегда жизненное отражение в стихотворениях С. Копыткина, кн. Ф. Косаткина-Ростовского, В. Уманова-Каплуновского и др. Не забыты поэтами и «жизнь в тылу», сохранились большие и в первом выпуске отделе «Сатира и юмор» и «Частушки», причем вдохновения как поэтов-юмористов, так и составителей частушек свидетельствуют о бодром настроении как тех, так и других, происходящем из веры в окончательную победу над врагом, несмотря на возможность случайных неудач. Сборнику можно пожелать распространения, независимо от интересного его содержания, и в виду его благотворительной цели: выручка от первого выпуска была предназначена на помощь Польши, доход от второго — Сербии и Черногории.

10—11.

Современная Золушка.

«Свободный стих» насчитывает уже немало последователей среди поэтов последней формации. Если можно признать его законность в тех не особенно частых случаях, когда за внешнею беспорядочностью формы мы чувствуем некоторую внутреннюю гармонию, то во множестве других случаев стремление поэтов пользоваться им следует приписать или литературной нераппливости, или просто неумению авторов справиться с более законченными поэтическими формами. В сборнике стихов г-жи

М. Моравской «Золушка думает» * с ных строках, напротив, чувствуется напрасно. Можно находить, например, иногда некоторую прелесть и остроту в «приблизительных» приемах, когда они употребляются умело. Но что, кроме беспомощности, можем мы отметить в таких случаях, как «мачеха» и «вкрадливо», «ранних» и «Голландия», «рыцарь» и «в теплице», «сказка» и «часто», «сумерки» и «сурика», «тюремь» и «хмуромь» и т. д.? Начинающим поэтам стихи с такими размерами и приемами, как у г-жи Моравской, обыкновенно возвращают с советом: «поучиться» стихосложению. Но г-жа Моравская выпускает уже не первую книгу и, надо думать, что отрешиться от следования эстетическому принципу «чем хуже, тем лучше» для нее было бы довольно затруднительно.

* М. Моравская. *Золушка думает*. Стихи. Ки-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Петрогр. 1915 г. Стр. 101. Ц. 1 р.

от начала до конца искусственное напряжение. Во имя оригинальности? Но оригинальность, выражающаяся в повторении нескольких десятками людей нескольких десятков все одних и тех же приемов, весьма приближается к банальности. А уж красоты, хотя бы той своеобразной, которая заставляет мириться с внешнею неправильностью формы, ради вложенного в нее глубокого содержания или ее плбнительной жизненности, в стихах г-жи Моравской мы стали бы искать

напрасно. Можно находить, например, иногда некоторую прелесть и остроту в «приблизительных» приемах, когда они употребляются умело. Но что, кроме беспомощности, можем мы отметить в таких случаях, как «мачеха» и «вкрадливо», «ранних» и «Голландия», «рыцарь» и «в теплице», «сказка» и «часто», «сумерки» и «сурика», «тюремь» и «хмуромь» и т. д.? Начинающим поэтам стихи с такими размерами и приемами, как у г-жи Моравской, обыкновенно возвращают с советом: «поучиться» стихосложению. Но г-жа Моравская выпускает уже не первую книгу и, надо думать, что отрешиться от следования эстетическому принципу «чем хуже, тем лучше» для нее было бы довольно затруднительно.

О неудовлетворительности внешней формы стихов г-жи Моравской можно пожалеть, так как мотивы, затрагиваемые ею, иногда интересуют. «Думающая» Золушка — это не сказочная Сандрильона, а та суренка «Золушка городская», которая знает, что «фея за нем не придут» и которая разв только по выходу из «кинемо», где «все так безумно любимы, странным солнцем освещены», способна мечтать еще:

О принце, вы мн надбноте
Туфельку из хрустала?
Вообще же Золушка знает, что «не стоит о принце мечтать, что «онь все не сказочный рыцарь»:

Быть может, мой принце, мой единый
Просто большой поэт.
Нельзя сказать, чтобы с представлением о любви у Золушки вообще связались очень заманчивые картины даже тогда, когда «онь», принце или поэт оказывается на лицо.

Размянеть, о чувствах наскажеть
В какой-нибудь пбный вечерь,
Случайно вам душу покажеть,
Словно игралъ въ четъ и нечетъ.
А послъ въ тупомъ безразличии
Уидеть, отойдетъ, позабудеть...
Не вспомнить и не поклонеть,
И даже стыдно не будетъ.

Все это мотивы, разумеется, не слишком новые, но содержание «будней» Зо-

ИЗЪ «МИРА ТАКЖЕСТЕНАГО».

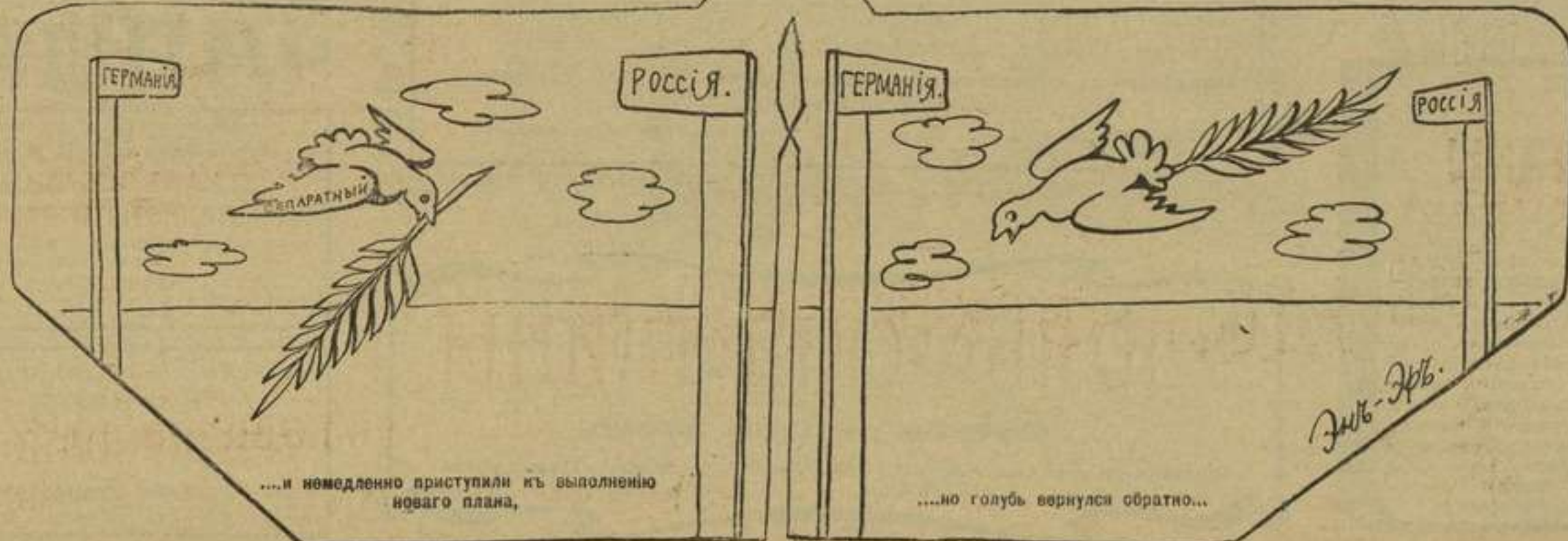
Кайзеръ: — «Если наши планы, господа, сломить русскую армию из имела и не имють усалка. Единственная надежда на советъ умныхъ людей. Предлагаю немедленно высватъ души умершихъ Карла XII и Наполеона. Они намъ, очевидно, сумють что либо предложить»

Высвали Карла XII

Поговорили съ Наполеономъ

...и немедленно приступили къ выполнению новаго плана.

...но голубь вернулся обратно...

душки вскрывается съ известною искренностью, и даже въ неуклюжих стихах финальнаго стихотворенія чувствуется что-то въ самомъ дѣлѣ пережитое:

Я несчастливая, но жизнь—хорошая,
Я знаю, можно жить изумительно!

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло не столько съ «думающей», сколько съ чувствующей Золушкой. Но г-жа Моравская заставляетъ ее напрягать и свою мысль, словно она «обязана весь мѣсяцъ продумать до конца».

Я рѣшаю громоздкіе вопросы,
Тяжести воруваю душой,
Словно осмысленные (?) камешки,
Что должны урокъ исполнить свой.
Развѣ такъ ужъ все души измелчены,
Что моя должна играть пророка?

Появленіе пророка въ наши дни, конечно, можно было бы приветствовать, но пока мы признаемся, не видимъ во всемъ томъ, что говоритъ намъ г-жа Моравская, и намека на какое-нибудь откровеніе. Да и можемъ ли мы хоть на минуту отнестись серьезно, какъ къ пророку, къ тому, кто самъ признается:

Я, какъ слѣбной котенокъ въ канавѣ,
Заблудшій, съ окришимъ тихимъ шепотомъ,
В. Ю. Б.

Сатирические журналы XVIII вѣка.

Пока средней руки писатель живетъ и здравствуетъ, вопросъ о томъ, въ какихъ изданіяхъ и подъ какими псевдонимами онъ помѣщаетъ свои произведенія, равно какъ и все, что касается его личности, мало кому интересно. По проходить его или подтараста лѣтъ,—и какой-нибудь изслѣдователь роется во всевозможныхъ изданіяхъ, собираетъ все данныя, какія удастся для того, чтобы составить по возможности полный и точный перечень работъ этого, казался бы, промелькнувшаго незамѣтно по поверхности литературы писателя или цѣлой плеяды такихъ же, мало кому вѣстныхъ литературныхъ работниковъ. Объявляется такая перемѣна отношеній исключительно тѣмъ, что вчерашній денъ сталъ «исторіей», и то, что въ свое время казалось скучнымъ, примелькавшимся отъ частаго повторенія явленіемъ, теперь представляется намъ чертою, характеристичною отомедшную въ вѣчность эпоху, и потому любопытною. За послѣднее время у насъ появилась цѣлая рядъ такого рода изслѣдованій о старыхъ писателяхъ, нельзя не упомянуть и о дѣятельности въ

этомъ направленіи журнала «Русскій Библиофиль». Однимъ изъ заслуживающихъ быть отмѣченными изданій названнаго журнала является трудъ В. П. Семенникова «Русскіе сатирические журналы 1769—1774 гг.». Хотя этому предмету посвящено уже нѣсколько изслѣдованій, но все же остается въ этой области достаточное количество неясныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ. Изысканія г. Семенникова направлены, главнымъ образомъ, на выясненіе того, кто именно были издатели и редакторы сатирическихъ журналовъ взятой имъ эпохи, и каковы были составъ сотрудниковъ этихъ изданій. Вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія уже потому, что зачинательницей всей этой сатирической литературы была Екатерина II, и нѣкоторые изъ участниковъ появившихся въ большомъ изобиліи изданій этого рода принадлежали, очевидно, къ числу приближенныхъ къ ней лицъ. Автору изслѣдованія пришлось произвести много архивныхъ изысканій для того, чтобы добыть требующіяся ему данныя, а, при недостаточности свѣдѣній, полученныхъ такимъ путемъ, приходилось изыскивать иные пути изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, оказалось возможнымъ извлечь цѣнныя указанія изъ полемики писателей того времени, не пренебрегавшихъ личными намеками на своихъ литературныхъ противниковъ. На основаніи тщательнаго сличеннаго данныхъ и сопоставленій, авторъ приходитъ къ интереснымъ выводамъ, напримѣръ, къ заключенію объ участіи въ журналѣ «Всякая Всячина» такихъ лицъ, принадлежавшихъ къ литературному кружку императрицы, какъ гр. А. П. Шуваловъ и А. В. Храповицкій. Любопытны соображенія, заставляющія автора предполагать, что издателемъ журнала «Смѣсь» былъ не Попковъ, которому это изданіе долго приписывалось, а Эминъ. Изслѣдованіе г. Семенникова, снабженное нѣсколькими тщательно воспроизведенными снимками съ разныхъ архивныхъ документовъ, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ бросаетъ свѣтъ на многіе темные вопросы въ области литературы Екатерининской эпохи.

п. п. в.

* В. М. Семенниковъ. Русскіе сатирические журналы 1769—1774 гг. Разсказаніе объ издателяхъ ихъ и сотрудникахъ. Изд. журн. «Русскій Библиофиль», Петр. 1915. Стр. 90. Пѣна не обозначена.

Мелочи.

Кронпринцъ.

Европейская печать часто говоритъ объ этомъ комическомъ персонажѣ великихъ современныхъ событій. Кто такой—наслѣдникъ и преемникъ империалистическихъ идей кайзера? Все, начиная съ наружности, неприятной и неумной, обличаетъ въ немъ какую-то злую карикатуру на своего, во всякомъ случаѣ, несравненно болѣе даровитаго отца.

Кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ дѣйствительно подражаетъ отцу, старается играть видную роль, позировать,—но все эти проявленія его самовлюбленности производятъ уже исключительно комическое впечатлѣніе. Какъ и Вильгельмъ, онъ окружаетъ себя постовой театральностью. Его автомобиль выкрашенъ всегда въ необычайно-яркій цвѣтъ, чтобы все уже издали знали о его появленіи. Онъ полужетитъ на подушкахъ, вытянувъ ноги; во рту небрежно курится папироса; произвольный гудокъ не замолкаетъ ни на минуту; рядомъ съ принцемъ—его любимыя собаки. Полиція неоднократно обращалась къ нему съ просьбой умѣрить быстроту ѣзды въ виду общественной опасности, но кронпринцъ называетъ себя хозяиномъ страны и выше этихъ требованій.

На письменномъ столѣ Фридриха-Вильгельма лежатъ всегда двѣ объемистыя книги,—одна озаглавлена: «Каковъ я есть на самомъ дѣлѣ», другая: «Чѣмъ я никогда не былъ». Въ первой собраны все вырѣзки изъ газетъ, все статьи хвалебнаго содержанія, восхваляющія умъ и доблесть кронпринца, а во второй,—все неодобрительные отзывы, насмѣшки и карикатуры, которые не разъ выводили его изъ себя. Коллекционировать каждое слово о себѣ онъ считаетъ обязательнымъ.

Библиотека кронпринца содержитъ богатѣйшее собраніе порнографической литературы. Есть очень рѣдкіе экземпляры съ великолѣпными рисунками въ краскахъ. Онъ требуетъ, чтобы все приближенные искали для него послѣднія новинки для пополненія этой коллекціи.

Фридрихъ-Вильгельмъ дорожитъ репутацией спортсмена,—онъ играетъ въ теннисъ, катается на конькахъ, но болѣе всего любитъ верховую ѣзду. Однажды, въ порывѣ молодечества, онъ провелъ цѣлый эскадронъ по лѣстницамъ, ведущимъ изъ Потсдамскаго парка къ дворцу Сая-Суенъ. Впрочемъ, за этотъ поступокъ онъ былъ посаженъ своимъ отцомъ подъ арестъ на нѣсколько дней.

Въ подражаніе отцу кронпринцъ жаждетъ проявить свои таланты въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ. Въ январѣ 1914 года, за шесть мѣсяцевъ до войны, въ Берлинѣ появилась книга о столь тогда популярномъ тангѣ—танго. Авторомъ называли кронпринца, который уклончиво отвѣчалъ на все вопросы: «Я

обожаю танго, и этого не скрываю». Книга эта будто бы была передана нашей балеринѣ Павловой, какъ эксперту, которая заявила, что авторомъ скорѣе является кронпринцесса Цецилія, сама очень хорошо танцующая и посвященная во все тайны искусства Терпсихоры.

Въ 1910 году Бернаръ Дернбургъ, столь прославившійся теперь своей дѣятельностью въ Америкѣ, бывшій тогда министромъ колоній, убѣдилъ Вильгельма отправить кронпринца въ большое путешествіе по Россіи, Китаю, Японіи и Индіи. Кромѣ цѣлей образовательныхъ, имѣлись въ виду также и политическія. Кронпринцъ, которому было тогда 28 лѣтъ, долженъ былъ постараться выяснить путемъ внимательныхъ наблюденій дѣйствительное настроеніе всехъ этихъ странъ, лежащихъ на Востокъ отъ Германіи. Каковы идеалы народовъ, каковы ихъ отношенія къ своему правительству, какую они представляютъ военную силу? Все свѣдѣнія по этимъ вопросамъ должны были пополнить кронпринца опытомъ личнаго наблюденія.

Путешествіе это не состоялось въ томъ широкомъ объемѣ, какъ было намѣчено, и ограничилось лишь посѣщеніемъ одной Индіи, гдѣ кронпринцъ, въ роли официального пѣна, пытался выяснитъ путемъ сопоставленія съ индійскими владѣтелями отношенія ихъ къ англійскому правительству. Въ этомъ смѣслѣ долженъ былъ онъ использовать то широкое гостепримство, которое оказывали ему окруженные свазочной роскошью владыки. Но кронпринцъ слишкомъ увлекся охотой и другими развлеченіями, устраиваемыми въ его честь, такъ что въ концѣ концовъ совсемъ забылъ о задачахъ своей миссіи, вызвавшей тѣмъ неудовольствіе отца и другихъ руководителей. Онъ велъ себя столь несерьезно и нотактично, что выходкой въ гаремѣ одного изъ владѣтелей чуть не создалъ цѣлаго большого скандала, который лишь съ трудомъ удалось заматъ. Послѣ того кронпринцъ поѣхалъ въ Египетъ, гдѣ у него вышло очень неприятное недоразумѣніе съ отказавшей ему въ своихъ сампатяхъ французской актрисой,—и тогда, узнавъ обо всемъ этомъ, императоръ Вильгельмъ вызвалъ его обратно и вернулъ къ командованію гусарскимъ полкомъ.

Результатомъ пребыванія въ Индіи была изданная въ Берлинѣ книга, представляющая охотничій дневникъ кронпринца. Тамъ имѣется очень характерная для Гогенцоллерна фраза: «Я никогда такъ не былъ близокъ къ моему Богу, какъ во время охоты, когда сидѣлъ съ ружьемъ въ рукахъ, карауля звѣря».

Редакторъ Б. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

ДЛЯ БЪЛИЗНЫ ЗУБОВЪ

для пріятнаго вкуса во рту, для уничтоженія дурнаго запаха—чистите ежедневно зубы Дентозономъ Т-ва Стольберга и К^о Дентозонъ гигиеническая, пріятная и безвредная паста, тонкій освѣжающій эликсиръ, продаются во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ. Обращайте вниманіе на фирму Т-ва Стольбергъ и К^о. Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ, Петроградъ.

Новая книга В. ОПОЧИННА:

Трезвы и Жизнь.

Античные эскизы. Отклики войны. Краски жизни. Альбомъ восточныхъ набросковъ и другія стихотворенія.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время», Попова и друг.

Обложка Г. Нарбута. Издательство «Лукоморье».

УДОЛЬФСКІЯ ТАЙНЫ

Романъ въ 2-хъ томахъ Анны Радклифъ.

Переводъ съ англійскаго Л. ГЕП. — Изданіе А. С. Суворина. — Цѣна 2 рубля.

ГЕМОРРОЙ

При геморрой, запорахъ слѣдуетъ, чтобы желудокъ не былъ переполненъ, принимайте Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ устраняетъ запоры, не раздражаетъ кишечника и производитъ послабленіе по своему дѣйстви близкое къ нормальному. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ выписано золотомъ.

ЗАПОРЫ

Вышло въ свѣтъ 4-ое изданіе книги женщины врача М. М. БОЛКОЕОЙ „КАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ ПОЛНОТЫ И ОЖИРѢНІЯ“ по способу, изобрѣтенному авторомъ на себѣ и на своихъ больныхъ.

Цѣна 80 коп.

Складъ и дилеръ въ книжкѣ магазинѣ «Наша Жизнь».

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ТРИ ЖЕНСКІЯ ДОЛИ

Соч. Цуриковой

Цѣна 1 руб.

НОВОЕ ВРЕМЯ

34

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14177

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 29-го АВГУСТА (11-го СЕНТЯБРЯ) 1915 ГОДА.

№ 14177

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Ин. Львовъ со своими пулеметчиками Нижегородцами, устроивъ засаду, уничтожаетъ турецкій батальонъ, уложивъ болѣе 500 чел. в зѣ.

Командиръ армейскаго изрлуса, ген.-отъ-кав. Афан. Андр. ЦУРИНОВЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст. за то, что въ бояхъ съ 1 по 11 октября 1914 г. около Карпатъ, участвуя въ охватѣ дѣлаго фланга нашей арміи подавляющими силами противника, самъ перешелъ съ корпусомъ въ наступленіе, удачно охватилъ правый флангъ противника, сблизилъ его съ сильной позиціи и отбросилъ его въ Карпаты, а частью на западъ, причѣмъ взялъ въ плѣнъ болѣе 5,000 Австрійцевъ, 20 орудій, 19 зарядныхъ ящиковъ, нѣсколько пулеметовъ и часть обоза.

Старая женщина.

Разсказъ.

I.

Это случилось со мной еще въ японскую кампанію. Раненый въ ногу, я, поручикъ Р-скаго полка, находился въ некоторое время въ лазаретѣ въ Петроградѣ.

Рана была сравнительно легкая, но обшее состояніе здоровья, особенно нервной системы, требовало отдыха и покоя. По выходѣ изъ госпиталя я временно жилъ дома, пользуясь семейнымъ уходомъ и лаской матери, ожидая полного поправленія, чтобы вернуться въ армію.

Дни стояли свѣтлые, солнечные, рѣдкіе. Выѣздъ со мной вышла и съѣла женщина, интеллигентная, судя по виду, не молодая, красивая въ молодости, теперь поблекшая, Какъ-то въ одинъ изъ свѣжихъ вечеровъ, уставъ отъ ходьбы, я вышелъ изъ сада и рѣшилъ съѣсть на трамвай.

Выѣздъ со мной вышла и съѣла женщина, интеллигентная, судя по виду, не молодая, красивая въ молодости, теперь поблекшая, Какъ-то въ одинъ изъ свѣжихъ вечеровъ, уставъ отъ ходьбы, я вышелъ изъ сада и рѣшилъ съѣсть на трамвай. Одѣта просто, но не бѣдно; въ черное.

Съ донсеніемъ.

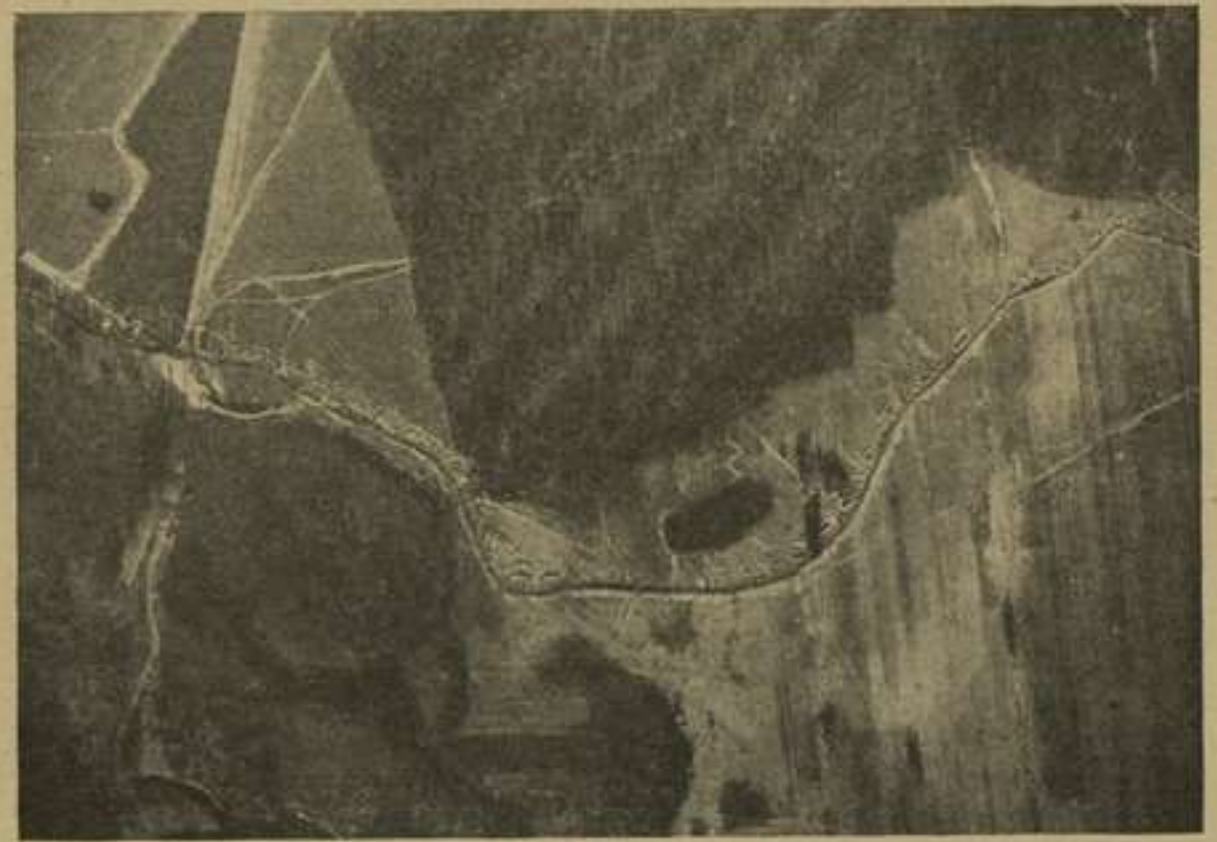
Рисов. А. Пржевальскій (участникъ войны).

СЪ ВЫСОТЫ 2,000 МЕТРОВЪ.

Гор. РАДОМЪ, снятый съ аэроплана во время полета. Свѣтлый кругъ на темномъ четырехугольникѣ—городской соборъ.

ГЕРМАНСКІЕ ОКОПЫ.—Сняты военнымъ летчикомъ пор. И.

Съда противъ меня и сейчасъ же устремила на мое лицо пристальный жадный взглядъ.

Что-то особенное въ выраженіи, тяжелое, словно нищущее, неприятное.

Я взялъ газету.

Прошло нѣсколько минутъ.

Я снова машинально оглядѣлъ соседку.

Тотъ же взглядъ на меня:—неотвязчивый, упорный, горячій.

Что это?..

Я былъ тогда очень красивъ. Теперь, когда отъ этой красоты осталась одна слабая тѣнь, можно признаться въ этомъ. И я былъ тогда также избалованъ женщинами, и не удивлялся, за частую встрѣчая ихъ восхищенные взгляды въ театрѣ, на улицѣ.

Но это вѣдь старуха.

Мнѣ сдѣлалась неприятна ея назойливость; я пересѣлъ къ другому окну.

Выждавъ время, женщина обернулась и пересѣла напротивъ, неотвязно глядя на меня черными, глубоко запавшими глазами.

Такъ не смотрятъ порядочныя женщины на чужого человѣка.

Выйдя недалеко отъ своего дома, я пошелъ по улицѣ, опираясь на палку.

Оглянувшись, — моя соседка идетъ по другой сторонѣ, медленно, не отвѣдая отъ меня глазъ.

Это ужъ наглость.

Я вошелъ въ подъездъ.

На утро, снова придя въ Лѣтній садъ, я сѣлъ съ газетой на любимую лавочку, гляжу: противъ меня она, моя вчерашняя преслѣдовательница.

Въ рукѣ книга; дѣлаетъ видъ, будто читаетъ, а сама глядитъ на меня, упорно, надобливо.

Я вообще нервный человѣкъ, но ничто такъ не раздражаетъ меня, какъ пристально устремленный взглядъ.

Отвернувшись, я закурилъ и началъ слегка насвистывать, искоса взглядывая на женщину.

Сидитъ, полуприкрывшись книгой, а у самой глаза блестятъ жаднымъ блескомъ.

Не выдержавъ, у всталъ и ушелъ на другой конецъ сада. Она осталась. Очевидно, повяла и скрылась; но не надолго.

Прошло три дня.

Я уѣхалъ на дачу къ знакомымъ, въ семью, гдѣ была хорошенькая дѣвушка-дочь, за которою я слегка ухаживалъ, и на которой моя мать мечтала женить меня.

Мои отношенія къ Маріи были отношеніями всякаго порядочнаго человѣка,

и дальше дозволеннаго флирта не шли. Но по ея глазамъ и особенно по какому-то странному обличію маманъ Калитиной и моей матери, похожихъ на сближеніе двухъ заговорщиковъ, я чувствовалъ себя въ опасности.

Свобода была еще слишкомъ дорога мнѣ.

«Теперь, конечно, спасаетъ война», — думалъ я, — «но, окончися она и вернись я живъ и невредимъ, — не миновать мнѣ но, настойчиво, неотвязно.»

— Милая дѣвушка... И хозяйка, — начала обыкновенно мать.

Я безмолствовалъ.

Проведя день у Калитиныхъ, я вечеромъ собрался въ городъ, когда оказалось, что мать и дочь нашли необходимымъ рилась и показались мои дамы, нагруженные также ѣхать туда. Кажется, не хватало какихъ-то шифоновъ, если не ошибаюсь.

И вотъ мы втроемъ въ купе перваго класса.

Я рядомъ съ Маріи; маманъ Калитина какъ эта дама смотрѣла на васъ? — спросила позади и ужасно занята разговоромъ съ какой-то прокислой дамой, соседкой по коляску.

Я молчалъ, чувствуя каждую секунду, что надо сказать что-то рѣшающее нашу судьбу, и что Маріи ждетъ этого.

Но громъ и лязгъ поѣзда плохое мѣсто для подобнаго объясненія, и я откладываю его на другое время, довольствуясь вздохами и пожатіемъ маленькой ручки.

Наконецъ, городъ. Я нанялъ коляску, и мы ѣдемъ на Невскій, гдѣ останавливаемся у магазина съ тряпками и кружевами.

Дамы мгновенно забыли обо мнѣ, бросились отыскивать шифонъ, а я рѣшилъ ждать ихъ, сѣдя въ экипажѣ.

Прошло минутъ двадцать.

Тоска меня взяла.

Я уже хотѣлъ встать и уйти домой, отговорившись позднѣе болью въ раненой ногѣ, какъ прямо передъ собой увидѣлъ мою преслѣдовательницу. Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ, глядя на меня упорно.

Что-то похожее на бѣшенство овладѣло мной.

Я чуть не крикнулъ:

— Что вамъ отъ меня угодно, судачья?

Но въ эту минуту дверь магазина отворилась и показались мои дамы, нагруженные шифонами.

Отъ женщины никогда ничего не ускользнетъ.

— Вы замѣтили, Михаилъ Георгиевичъ, какъ эта дама смотрѣла на васъ? — спросила Маріи съ лукавой улыбкой, садясь въ коляску.

Я слегка смутился.

— Это удивительно; Michel такъ красивъ, что... Конечно, эта особа не молода... — начала маманъ.

— А молодымъ можно? — спросилъ я.

— Cessez, polisson! — шутливо погрозила Калитина.

Маріи улыбалась мнѣ пѣжной улыбкой.

Такъ пролетѣла недѣля. Я за это время почти не выходилъ на улицу по

случаю дождливой погоды. По какъ-то вечеромъ, сѣдя одинъ и не зная, куда себя дѣвать отъ скуки, — Калитина уѣхала въ Москву къ заболѣвшей богатой теткѣ, — вспомнилъ, что еще раньше купилъ билетъ на концертъ, гдѣ исполнялись произведенія Чайковскаго, и между прочимъ шестая симфонія, о которой я много слышалъ и которой никогда не слышалъ.

И вошелъ въ концертный залъ за нѣсколько минутъ до начала.

Я — не присяжный знатокъ музыки и всегда ее любилъ въ формѣ болѣе легкой. Но я также любилъ предельно освѣщенной залы, собраніе черныхъ людей на эстрадѣ и инструментовъ, шестнадцать женскихъ платьевъ; красивые лица, цвѣты. Но оттого ли, что, побывши на войнѣ, я чувствовалъ смерть надъ головой — слушая въ этотъ вечеръ шестую симфонію, я впервые понялъ, что такое музыка и что она можетъ дать человѣку.

Она началась при гробовомъ молчаніи голны; помню, стало тихо, словно въ храмѣ.

Особенно поразило меня начало: мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ подавленными жуткими грубыми аккордами вошла сама смерть; что-то темное, безформенное, неотвратимое.

Вошла и съѣла у изголовья, какъ хозяйка, котораго нельзя выжить.

Затѣмъ, — такъ мнѣ представилось, — началась борьба.

Какіе-то призывы; что-то рвущееся въ уходящей жизни, цѣпляющееся за послѣднее, отчаянное, упорное и напрасное. И среди этого — вторая часть, — словно напоминаніе о лучшихъ дняхъ, нѣчто свѣлое, порхающее, беззаботное. Но это только облегченіе передъ концомъ.

Послѣдняя часть — сплошной ужасъ души, смиреннейшей передъ мукой; отчаянье передъ открывающейся бездной небытія, но уже поборное, стонущее послѣднимъ стономъ духа, покидающаго земную оболочку.

Оркестръ смолкъ. Секунду длилось молчаніе, затѣмъ аплодисменты.

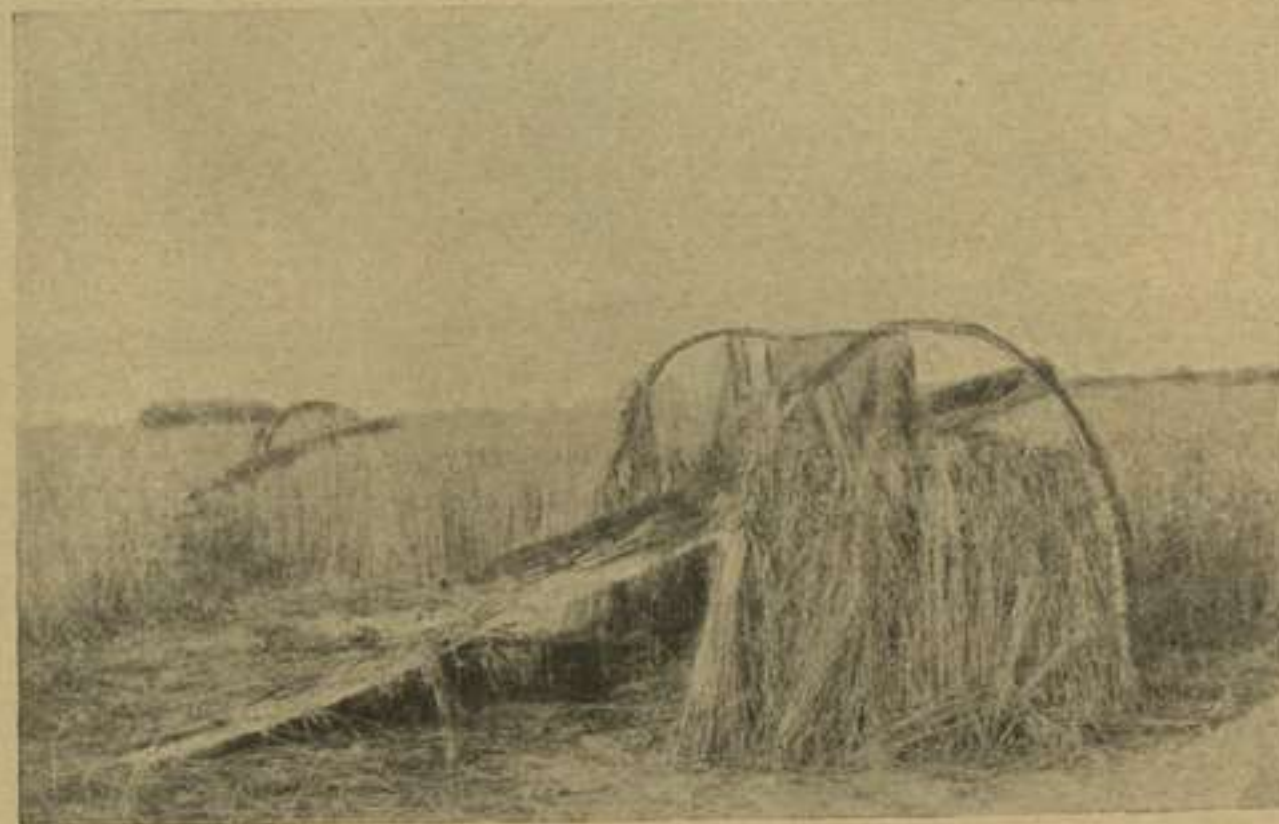
Я сидѣлъ все время, закрывъ рукой глаза, и когда, открывъ, увидѣлъ толпу, съ трудомъ пришелъ въ себя.

Мнѣ чудилось: душа творца этой симфоніи еще незримо носится по кругу.

Слушая тогда эту вещь, послѣднюю у автора, я впервые понялъ истинное безсмертіе гения.

Далѣе по программѣ слѣдовало романсъ, и, рѣшивъ не слушать его, я поднялся съ мѣста, но сейчасъ же остановился. Противъ меня, у бокового входа, сидѣла опять-таки она, моя старая женщина.

НА ВОЙНѢ.

Линная батарея Германцевъ.

Шт.-ротм. Ник. Ант. ТОМИШКО.
Убитъ въ бою.

Около знамени на отдыхъ.

Полногн. А-лдр. Ив. РУЖИЦЪ. Убитъ.
Награжд. орденом св. Георгия 4 ст.

Очевидно, съ начала концерта она замѣтила меня и не спускала глазъ.

Лицо ея показалось мнѣ еще постарѣвшимъ, жалкимъ... и противнымъ.

— Ну, чего смотришь?

Я вышелъ.

Она также поднялась и пошла за мной.

Была минута, когда я думалъ подойти и попросить оставить меня въ покоѣ, но сейчас же это показалось мнѣ глупымъ.

Развѣ запрещено смотреть на людей?

Подходилъ трамвай. Я обрадовался ему, какъ спасителю, и вскопчилъ. Съ нѣкоторымъ трудомъ оглянулся. Незнакомка бѣжала за трамваемъ, некрасиво ковыляя, очевидно, давно отвыкшая отъ бѣга.

Было и жалеко, и смѣшно.

Такъ и не добѣжавъ, она осталась среди улицы, сновавшихъ экипажей и криковъ кучеровъ.

«Бѣдное существо, не умѣющее быть старой!»—подумалъ я.

Черезъ мѣсяцъ, который я провелъ у сестеръ въ имѣнии, вернувшись въ Петроградъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать снова въ действующую армию, отъ нашего швейцара я узналъ, что обо мнѣ не одинъ разъ освѣдомлялась «какая-то дама», «старая, сѣдая».

— Ну и что же?—спросилъ я, догадавшись.

— Я сказалъ—уѣхали... Онѣ и ушли... Рунь дала,—прибавилъ, улыбаясь, швейцаръ.

Несомнѣнно она, эта наглая, гадкая женщина.

— Скажи, если опять придетъ, что уѣзжаю въ армию,—сказалъ я.

— Слушаюсь... А чего надо? Дворникъ говорить, и у него спрашивала,—прибавилъ онъ.

Дворника! Чортъ знаетъ, что!..

Я сидѣлъ на вокзалѣ передъ стаканомъ противнаго кофе, ожидая носильщика съ билетомъ... Я былъ одинъ,—мать такъ разстроилась, что не могла ѣхать провожать; Калигина не прѣзжала изъ Москвы и писемъ не писала. Оказалось, что для барышни, благодаря приданому умершей тетки, нашлось кое-что получше армейскаго поручика.

И не сожалѣю объ этомъ.

Итакъ, я сидѣлъ въ ожиданіи отъѣзда,

какъ за противоположнымъ столомъ увидѣлъ ее, вѣчную ее, старую женщину, преслѣдующую меня три мѣсяца.

Она сидѣла блѣдная, машинально мѣшала ложкой въ стаканѣ чая.

Ну, теперь, по крайней мѣрѣ, я вижу послѣдній разъ это странное существо! А если это просто безумная?..

Нѣтъ, глаза свѣтятся умомъ, жадные, страстно горящіе, большие, но свѣтлые.

У помѣшанныхъ такихъ не бываетъ. Раздался звонокъ. Ко мнѣ подошелъ носильщикъ съ билетомъ.

Женщина поднялась и бросилась за мной, толкая встрѣчныхъ.

Я вошелъ въ вагонъ. Я увидѣлъ ее еще разъ, когда тронулся поѣздъ. Она бѣжала за нимъ быстро, быстро, словно мечтающая догнать; и вдругъ остановилась, обезсиленная.

Такой иногда и теперь является мнѣ—съ выбившейся прядью сѣдыхъ волосъ, съ поднятой рукой.

Нѣсколько лѣтъ минуло. Мать моя умерла. Война окончилась. Я не женился и жилъ одиноко. Молодость прошла бурно и бесполезно. Нервная болѣзнь сказывалась.

Наваливалась тоска, безпричинное безпокойство...

И въ такіе дни единственное выносимое мнѣ мѣсто было кладбище... Тамъ по крайней мѣрѣ никто не раздражалъ меня.

И какъ-то ранней осенью, когда жилище мертвыхъ было полно цвѣтовъ и багряныхъ листьевъ, бродя между памятниками, я случайно набрѣлъ на два совершенно одинаковыхъ черныхъ мраморныхъ креста.

На обоихъ были портреты. Я сейчас же узналъ мою старую женщину. Судя по надписи, она умерла въ тотъ же годъ.

Другой портретъ представлялъ молодого офицера въ формѣ поручика.

На крестѣ стояло: убитъ, годъ и число. Я взглянулъ и замеръ, пораженный.

Поруч. Ник. Мих. СТАВСКІЙ. Убитъ.
Награжд. Георгиевскимъ оружиемъ.

Прaporцъ. Ив. Мих. СТАВСКІЙ. Убитъ.

Передо мной былъ я самъ,—нѣсколько лѣтъ назадъ.

Это было то сходство, что дается иногда природой совершенно чужимъ людямъ, сходство, когда даже самые близкіе люди не могутъ отличить одного отъ другого.

И все стало для меня ясно и наполнило душу чувствомъ позднего раскаянія. Я вспомнилъ, сколько разъ въ пріятельскомъ кружкѣ за стаканомъ вина легкомысленно оскорблялъ разсказами о влюбленной старухѣ эту женщину-мать, искавшую въ моемъ лицѣ черты погибшаго сына.

В. Н. В.

Довольно! Смирилось упрямое сердце мое,
Такъ жарко любовью сившее,
Такъ много страданья пріившее,
Иshedшее кровью живой за нее.
Готово оно въ одинокую старость войти,
Въ отшельницы строгую келію,
Куда и теплу и веселію
Закрываетъ пути.

Вѣра Рудичъ.

Прицѣлъ.

I.

Когда началась война, Люба Горынская спросила себя: должна ли она уничтожить письма принца и его портреты? Или имѣть право ихъ сохранить?

Письма принца, которыя до войны Люба Горынская получала время отъ времени отъ принца, главнымъ образомъ въ большіе праздники и день своего рожденія (у принца была записана дата), имѣли не политической характеръ. Въ ихъ содержаніи было нѣчто розово-голубое, нѣсколько выспрепное, съ выраженіями, какъ будто заимствованными изъ старинныхъ рыцарскихъ романовъ. Люба имѣла не только письма и портретъ принца, но еще и подарокъ: браслетъ недорогой, съ маленькими камушками, съ вензелемъ принца и тремя пропущенными выравненными буквами: G. L. T., означающими:

Прaporцъ. Люд. Арт. САМУЗЛОВЪ.
Убитъ въ бою.

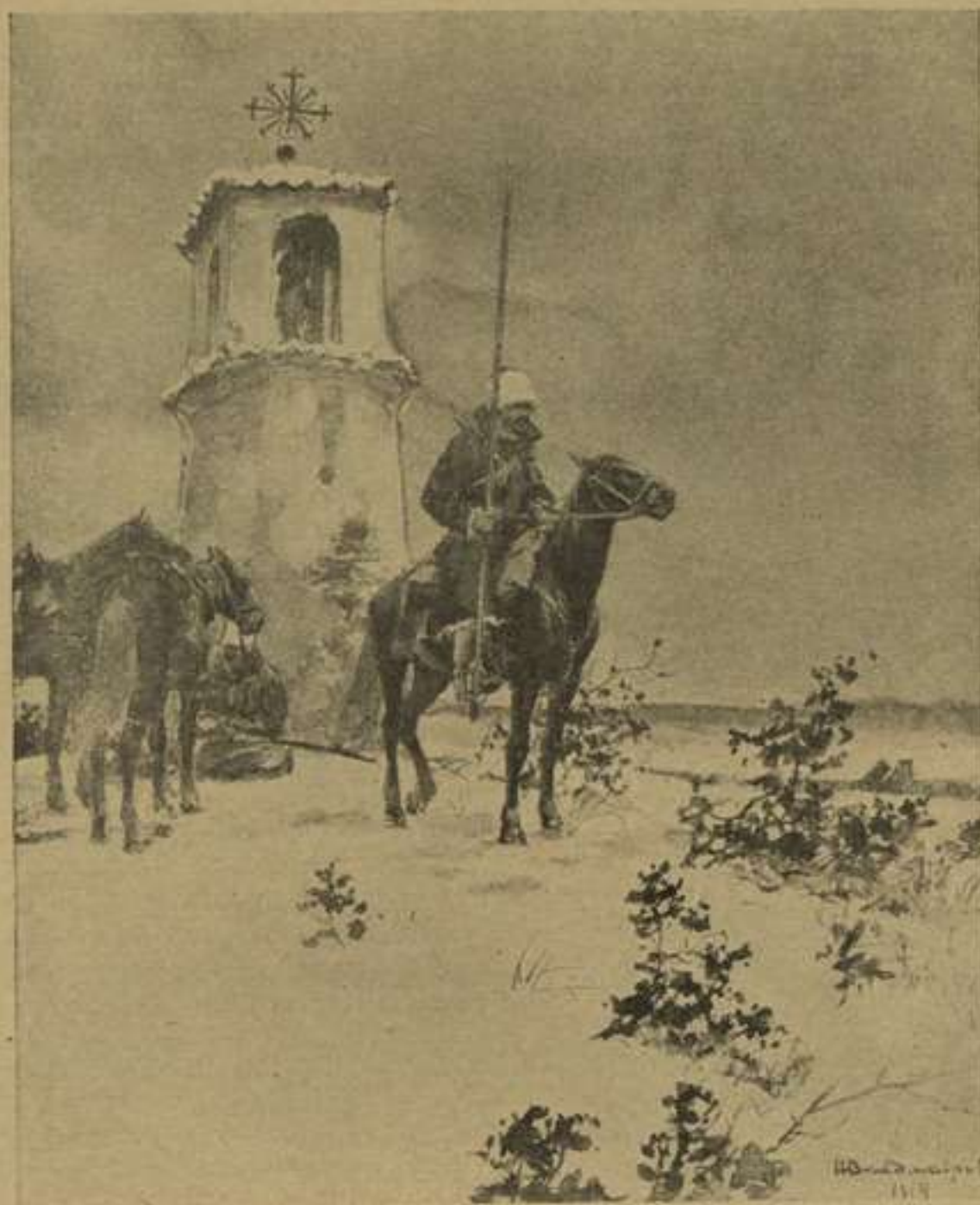
† судовой врачъ Ив. Петр. ЗАЛТЪСОВЪ, находившійся на канонерской лодкѣ «Сивучъ» во время боя въ Рижскомъ заливѣ.

Подпор. Никст. Феликс. ГАВРИЛОВЪ.
Убитъ въ бою.

ВЫСТАВКА ПАРТИНЪ ИЗЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ, И. А. ВЛАДИМИРОВА.

«У польской часовни». — Нарт. худ. И. А. Владимірова.

«Бой въ польскомъ мѣстечкѣ». — Нарт. худ. И. А. Владимірова.
Съ фот. Ксен. Глыбовской.

СЕМЬЯ ГЕРОЕВЪ.

Капитанъ II ранга П. Н. ЧЕРКАСОВЪ, командиръ канонерской лодки «Сивучъ».

Капитанъ I ранга В. Н. ЧЕРКАСОВЪ, командиръ миноносца «Гитвиль», нанесшаго тяжелыя поврежденія германско-турецкому крейсеру «Ереслау» въ бою 29 мая с. г.

Лейт А. Н. ЧЕРКАСОВЪ, командиръ подводной лодки «Дельфинъ», погибшій вмѣстѣ съ судномъ.

Gott, Liebe, Treue. Люба спрашивала себя теперь, въ дни войны: имѣла ли она право не только носить, но сохранять подарокъ принца?

Газеты приносили извѣстія о позорныхъ дѣйствіяхъ Нѣмцевъ, сражающихся не какъ солдаты, а какъ варвары и, что хуже еще, какъ разбойники.

Люба терзалась, читая. Это были люди той страны, которую Люба два года тому назадъ видѣла на этомъ маленькомъ курортѣ, гдѣ все казалось ей воплощеніемъ вѣншней и внутренней чистоты. Ей было тогда шестнадцать лѣтъ. Она только-что перемѣнила коричневый цвѣтъ платья гимназистки седьмого класса на сѣрый цвѣтъ платья пенисьерки, а въ душѣ ея было все розовое.

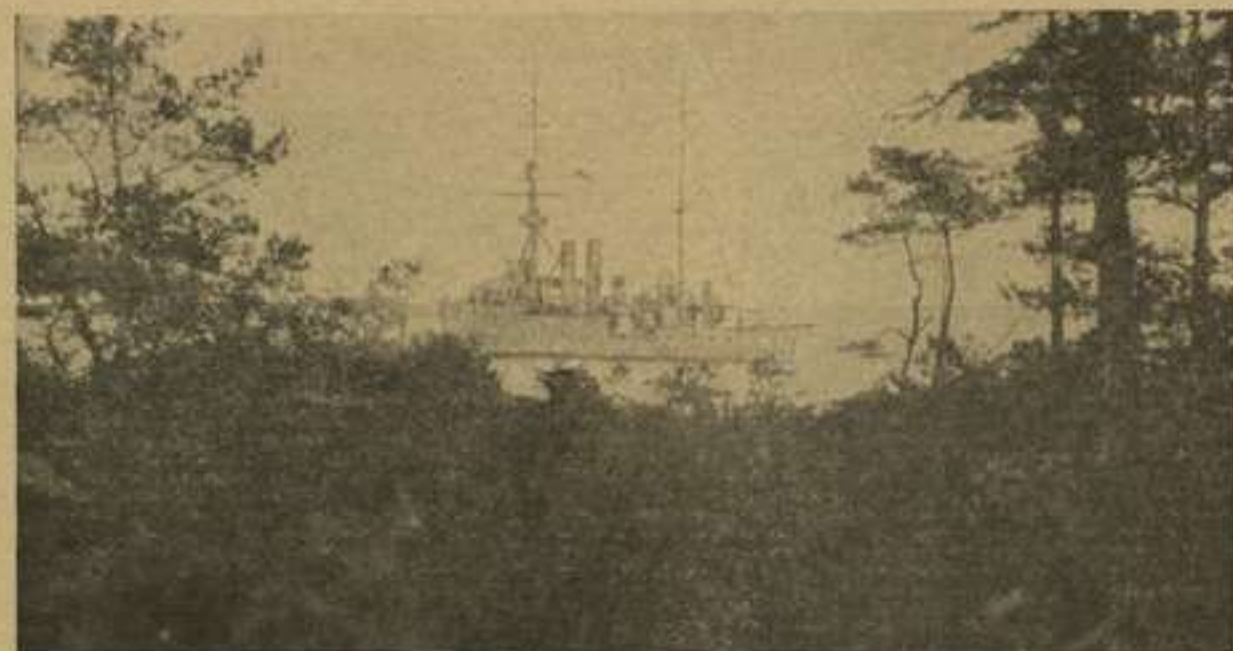
И вѣнше она была розовенькая, тоненькая, гибкая, какъ молодильная ява, немного малокровная, какъ почти всѣ дѣвушки ея лѣтъ. У нея были нѣжно-блѣднокурные волосы и синіе глаза. Ей говорили, что она похожа на гетевскую Гретхенъ, и Люба поэтому особенно любила слушать «Фауста» и, идучи впервые съ матерью за границу на нѣмецкій курортъ, она взяла съ собою книжечку «Фауста» по-нѣмецки, чтобы впервые тамъ прочитать поэму Гете (конечно, касавшуюся только любви Маргариты) въ подлинникѣ.

Люба върала — и это внушалось ей съ дѣтства, — что у Нѣмцевъ высшая наука, высшая человѣческая мысль, высшая нравственность. И какъ только Люба очутилась въ этомъ лѣсномъ уголкѣ Германіи, ей показалось, что, конечно, ничего не можетъ быть выше, прелестнѣе этой страны.

Все было чисто, благоустроено, обиліе благоустроенныхъ лѣсовъ, по которымъ бѣжали, пріятно журча, точно рассказывавшія вѣчныя сказки, свѣтлые источники, и гдѣ было такъ много разныхъ уютныхъ уголковъ и разныхъ будочекъ съ молокомъ, съ водами, съ какими-то пряниками, рестораноу и иныхъ удобствъ. Въ назначенные часы Люба съ матерью являлись въ галерею, къ источнику, полу-

чали свои кружки; форменныя, здоровыя заботились о своемъ вѣсѣ, о приведеніи дѣвушки, «Sprudel-Mädchen», въ порядокъ своихъ вѣншнихъ формъ, о поливали ихъ лечебной водой. Люба и своихъ желудкахъ. Люба пила воды, въ мать ея пили воду на разныхъ концахъ сущности какъ бы за компанію съ матерью, потому что матери нужно было терпѣно. Она не чувствовала никакихъ неудобствъ въ вѣсѣ, а Люба прибывать домоганій, кромѣ необходимыхъ дѣвичьихъ, правда, была однообразная, высклхъ головныхъ болей. Въ восторгъ была нуждаемая, плѣнная. Посѣтители курорта она отъ перваго своего пребыванія за гра-

НЪ КОРСИ ОМУ БОЮ ВЪ БАЛТИЙСКОМЪ МОРѢ.

Канонерская лодка «СИБУЧЪ».

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ИЗЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

«Оба ранены»...—Карт. худ. И. А. Владимірова.
Съ фот. Ксен. Гамбовской.

ницей, въ этой Германіи, гдѣ жили и пи- лись пациенты, которые, живя у такого сали Гете, Шиллеръ, Вагнеръ. Она са- дилась съ книжкой «Фауста» въ томъ ле- номъ уголкѣ, гдѣ любилъ сидѣть Гете, и о своей болѣзни, какъ со знакомымъ, что даже пробовала на этомъ мѣстѣ пробу- называется «по душамъ»,—по окончаніи ждать свою музу. Но муза не садилась къ курса, когда подавали общій счетъ эску- ней, хотя она и сидѣла на гетевскомъ мѣ- лапа,—поражалась обиліемъ этихъ док- стѣ. И тогда Люба начинала прибѣгать къ торскихъ совѣтовъ.

прозѣ, облакавшей въ форму писемъ и Оказывалось, доктора не тратили слова дневника. даромъ и ставили на счетъ и паціентскую болтовню.

На курортѣ были не только лечившіе Несомнѣнно, въ этомъ сказывалась нѣ- доктора, но еще и такіе, которые, сверхъ мецкая дѣловитость и аккуратность.

лечения, занимались дѣлами прѣѣзжихъ па- Городокъ былъ маленькій, чистенькій, ціентовъ, рекомендовали имъ помѣщенія, зелененькій и точно весь вылизанный.

гдѣ что купить и къ какой аптекѣ зака- Было много магазиновъ: моды, кондитер- зать лекарство. Помѣщали и къ себѣ на скихъ, ресторановъ, готового платья,

полное изживеніе, включая совѣты и ап- раporterie, мѣстныхъ издѣлій. Поражало

теку. Были даже такіе, которые устраи- обиліе картинъ, портретовъ кайзера и его

вали различныя интимныя дѣла. Попада-

ГЕРОЙ-СВЯЩЕННИКЪ.

Раненый въ бою аббатъ БЕЗЮЗ, которому ампутировали лѣвую руку.
Г. аграндеть военной медалью.

ВЪ ЗАЩИТУ ОТЪ ГАРВАРОВЪ.

Усыпальница ДАНТЕ въ Равеннѣ, защищенная отъ Нѣмецкихъ аэропла- новъ мѣшками съ отрубями, наваленными въ нѣсколько рядовъ у вѣш- ной стѣны зданія, вблизи которой находится гробница творца «Боже- ственной Комедіи».

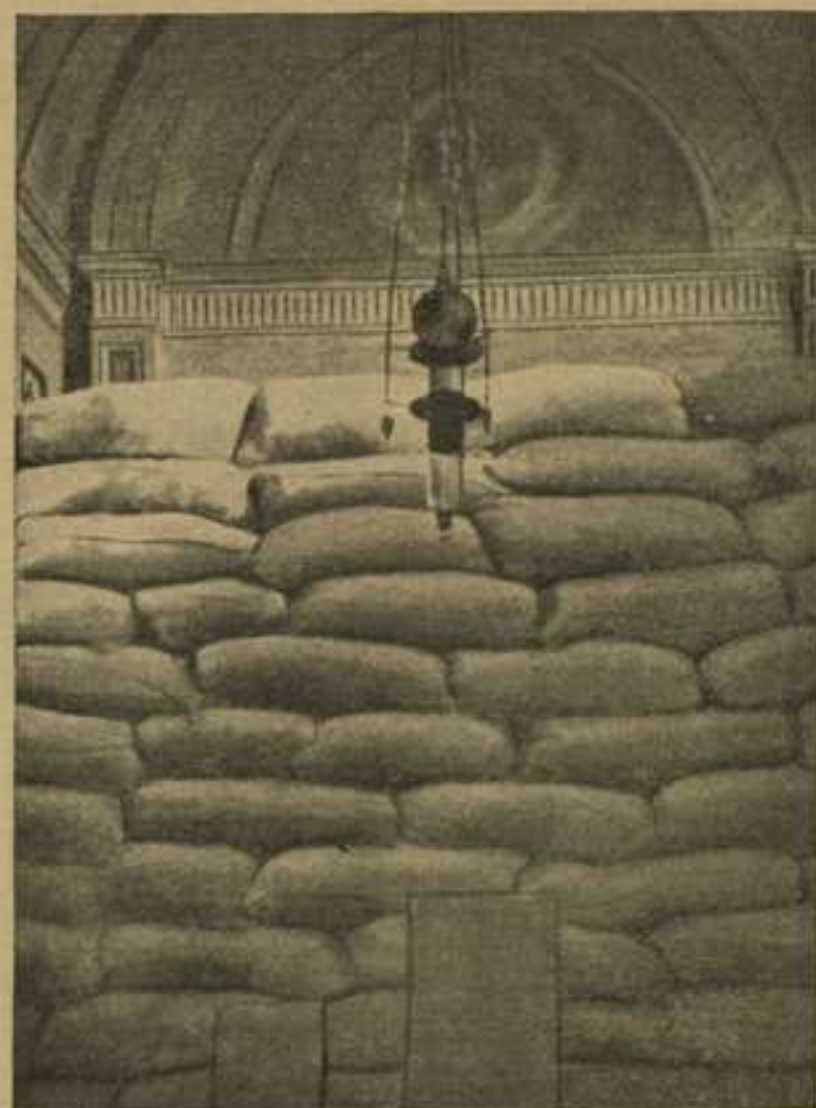
семейства. Лице кайзера съ извѣстными всему міру усами, форму которыхъ со- здалъ придворный парикмахеръ Вильгель- ма Гапи (эта форма усовъ, установленная послѣ долгихъ исканій императорскаго Фигаро, называлась «Es ist erreicht!»), имѣло различное выраженіе, начиная отъ повелительнаго и кончая меланхолично- мечтательнымъ, съ глазами, нѣжно-голу- быми на портретахъ въ краскахъ, под- нятыми кверху, какъ бы къ небу.

И принцъ, который вскорѣ появился на курортѣ, находился тутъ же, въ этой серіи портретовъ королевскаго семейства.

II.

Люба Горынская узнала его съ первой встрѣчи.

Это былъ высокій, тонкій, еще очень молодой человекъ, съ еще небольшими признаками свѣтлыхъ усовъ, стремившихся также приобрести эту форму «Es ist erreicht!» Онъ былъ нѣсколько блѣднѣе, малокровнѣе, вытянувшись, какъ хлы- стикъ, и еще не вполне сложившись. Былъ строенъ и элегантенъ, съ тонкой талией, какъ у барышни, легкой походкой, легки- ми и благовоительными поклонами нубли- къ. Нѣмцы кланялись ему не только почтительно, но съ восхищеніемъ и гор- достью, такъ какъ нѣтъ Нѣмца, который бы не чувствовалъ нѣкоего благоговѣйна- го трепета передъ высокими особами. Да- же Гете сгибался въ дугу на Веймарскихъ аллеяхъ при проходѣ королевскаго семей- ства. И только Бетховенъ оставался, стоя

Гробница ДАНТЕ. Видъ внутри усыпальницы.

НА ОТДЫХ.

получили газету!

рядомъ, не согнувшись. Но въдъ онъ былъ голландецъ! Принцъ держался очень прямо, прямо и пристально смотрѣлъ въ лица приходящихъ, но въ его глазахъ, какъ будто, было отсутствіе чего-то, — взгляда. Эти глаза были блѣо-мутные и стоячіе, какъ болотная вода.

Принцъ жилъ въ томъ же отелѣ, гдѣ жила Люба съ матерью, и, однажды вечеромъ, когда Люба въ салонѣ гостиницы, гдѣ пишутъ письма, читаютъ журналы и стоятъ рояль—играла лучшую сонату, то почувствовала, что кто-то нарушилъ ея одиночество. Обернулась. За ея стуломъ принцъ. Она вспыхнула, а онъ сказалъ ей по-французски:

— Mes excuses et mes compliments, mademoiselle! Contin ez, je vous en prie.

Но она такъ смутилась, что играть все-таки не могла, а разговоръ между ними завязался.

— Мы сосѣди,—продолжалъ онъ, говоря по-французски, и прибавилъ, что видитъ ее каждый день у источника, и замѣтилъ даже книжечку Фауста, съ которой она любитъ уединяться.

И сказалъ то же, что говорили ей ея подруги и знакомые, что она похожа на Гретхенъ. Люба вслыхивала все больше и больше. И была въ небесахъ.

Принцъ! Знакомство съ принцемъ! Это слово принцъ звучало для нея тѣмъ-то романтическимъ, даже сказочнымъ. Оно всегда имѣетъ это дѣйствіе для дѣвушки въ пятнадцать и шестнадцать лѣтъ.

Онъ показався ей въ эту минуту воплощеніемъ юнаго рыцаря, хотя на немъ не было ни оружія, ни племя, а просто мягкая шляпа, костюмъ изъ блѣой фланели и хлыстикъ въ рукахъ.

Онъ говорилъ очень хорошо по-французски, почти безъ присущей всемъ Нѣмцамъ тяжеловѣсной неуклюжести въ произношеніи, которой они въ особенности портятъ грацію и тонкость французской рѣчи.

А затѣмъ спросилъ, говоритъ ли она свободно по-нѣмецки? И когда Люба заговорила съ нимъ свободно на его языкѣ, онъ произнесъ съ удовольствіемъ и какъ будто нѣсколько покровительственно:

— Schön! Schön!

И спросилъ, долго ли она училась нѣмецкому языку и гдѣ?

Люба сказала:

— Въ Москвѣ. Съ дѣтства. У меня были бонна и гувернантка Нѣмки.

Принцъ опять одобрительно кивалъ головой и своимъ молодымъ и чисто-нѣмецкимъ горловымъ баритончикомъ повторялъ:

— Schön! Schön!

И, устремивши свои блѣые, безъ взгляда, глаза въ лицо Любы, сказалъ:

— Мнѣ кажется, въ вашихъ жилахъ должна течь нѣмецкая кровь.

Она рѣшительно и съ молодой гордостью отвѣтила:

— Никакой. Я чисто-Русская.

Онъ улыбнулся и опять, увѣренно:

— Но вы любите мое отечество?

Она отвѣтила какъ будто изъ привычной рѣчи высокому лицу или изъ гимназическаго сочиненія:

— Я люблю страну, давшую міру Гете и Шиллера.

Онъ покровительственно кивалъ и подкивалъ:

III.

— Oh, ja, ja!

Четыре недѣли они пили воды изъ одного источника и четыре недѣли принцъ ухаживалъ за Любой Горынской.

Этотъ четырехнедѣльный романъ на водахъ былъ не совѣмъ водяной, такъ какъ въ немъ вспыхивало вино молодости.

Принцъ позволялъ себѣ называть Любу Горынскую просто «Liouba» и даже переводилъ ея уменьшительное имя по нѣмкенки «Liebchen», принцъ называлъ ее «Schöne Erscheinung» (прекрасное видѣніе), и Люба на самомъ дѣлѣ могла имъ казаться среди этихъ дамъ курорта, обремененныхъ чрезмѣрнымъ изобиліемъ прирѣды.

Этотъ неокончившійся и едва начавшійся романъ первой главы промелькнулъ среди лѣсныхъ прогулокъ въ тѣхъ уголкахъ, гдѣ бродилъ и вдохновлялся Гете, среди поѣздокъ въ окрестности, среди разваливъ замковъ въ лунную ночь. Въ этомъ маша.

Въ часы досуга.

Съ фот. З. Шубской-Корсаковой.

Н. Вильде.

«романъ» гимназистки и захватившаго принца были пожатія, вздохи, чтенія вмѣстѣ Фауста, просьбы не забывать этой встрѣчи, было больше воображенія, чего-то навѣяннаго книжками, стихами, въ ихъ разлукѣ не было ни слезъ, ни страданій. И въ сердцѣ Любы Горынской сохранялось болѣе двухъ лѣтъ спустя нѣжное воспоминаніе.

Мамаша была очень польщена ухаживаніемъ принца. Она писала роднымъ и знакомымъ: «Люба имѣетъ большой успѣхъ. Она совѣмъ очаровала принца». И она предвкусывала еще словесное удовольствіе: принцъ, влюбленный въ Любу, — эта тема могла стать для мамыши не только темой дня, но темой цѣлой жизни, какъ это и бываетъ въ молодомъ возрастѣ. Я зналъ одного старика рыбакова, который неизмѣнно рассказывалъ о сомѣ, который попался ему на удочку, возилъ за собою въ лодкѣ и, встаетки, далъ себя вытащить. И я зналъ очень известную актрису, которая на старости лѣтъ была удостоена продолжительной и очень милой бесѣды съ Императоромъ Александромъ III-мъ. Актриса съ той поры, кого бы ни пострѣчала, неизмѣнно сводила разговоръ на рассказъ о приѣмѣ ея Государемъ.

То же самое готовилась преподнести слушателямъ мамаша Любы о нѣмецкомъ принцѣ.

Все-же, впрочемъ, когда онъ уѣхалъ съ курорта, она стала спокойнѣе.

Мало ли что могло случиться? И не всегда кончается морганатическимъ бракомъ. Хотя морганатическій бракъ и смущалъ воображеніе мамыши.

Она уѣзжала съ курорта нѣсколько разочарованная въ Нѣмцахъ. Докторъ маману разочаровалъ.

— Говорятъ, Нѣмцы добросовѣстные. А что онъ мнѣ въ счетъ поставилъ! Выходитъ, что я съ нимъ по нѣскольку разъ въ день совѣтывалась. И что я съ нимъ за кофе о болѣзни говорю—въ счетъ, и на лѣстницѣ, когда встрѣчусь, сирому о болѣзни, тоже въ счетъ, на улицѣ остановлю и спрошу—опять въ счетъ! Хороши тоже. Обирахи!

IV.

Нѣмцы на войнѣ ужасали все больше и больше.

Разрушили Бельгію, разрушили Реймскій соборъ.

— Мама, мама, что же это?—въ ужасѣ восклицала Люба.

— Да, да! Что же это такое! Реймскій соборъ. Помнишь, мы ѣздили? Красота, старина. Боже, что за люди!

О принцѣ ужъ приходилось молчать. А знакомые любили еще подразнить:

— Вашъ-то принцъ... вы-то имъ восхищались!

— Ужъ и не говорите,—говорила мамаша.

Сестра милосердія Анна Ефим. АНТОФОВА. Скопчалась отъ гнойнаго зараженія крови, при перевязкѣ раненаго.

Но Люба пыталась заступиться:

— Но почему же онъ, мама, долженъ быть непременно такимъ же? Можетъ быть, онъ глубоко несчастенъ. Онъ обязанъ воевать, но, быть можетъ, переживаетъ трагедію теперь?.. Въдъ не онъ же виновать въ этой войнѣ.

— Ахъ, не знаю, Люба,—отвѣчала мать.—А, можетъ быть, все они такіе? Что съ Польшей сдѣлали!

Люба музилась, спрашивая себя: можетъ ли она сохранять письма принца, портретъ и подарокъ.

Онъ врагъ.

Врагъ?

Но врагомъ бываешь иногда и поневолѣ. Ихъ называютъ Гуннами.

Неужели и въ немъ могъ проснуться Гуннь?

И письма принца все лежали въ ея столѣ, и фотографія, и браслетъ.

Однажды пришло письмо отъ тети Ася. Нѣмцы гостили у нея въ имѣніи. Набѣгли, пробѣли болѣе недѣли, пока не прогнали казаки. И кто же гостилъ? Принцъ со своимъ эскадромъ.

«И представь ты себѣ,—писала тети Ася, передай Любѣ, что этотъ принцъ, Лозингъ этотъ съ Фаустомъ и Вертеромъ пополамъ, какимъ онъ Любочкѣ представлялся, все мои фамильные ложки укралъ. Три дожины. Онъ, изволите ли видѣть, любитель стариннаго серебра. А, каково это тебѣ покажется? Это ужъ не только Гунны, но еще и прохвосты!»

Люба достала письма принца, его фотографію, его подарокъ. Она запечатала все это посылкой и послала въ Женеву на имя бывшей своей гувернантки, старой m-Ne Перье, прося переслать въ Берлинъ, по адресу принца.

И вложила на его имя письмо по-французски, такъ какъ ей было противно обясняться на его языкѣ:

«Можно бояться своего врага, можно его глубоко ненавидѣть, но нельзя испытать иного чувства, кромѣ глубочайшаго презрѣнія, къ человѣку, крадущему серебряныя ложки».

Получилъ ли это письмо принцъ? Люба не могла узнать, но оно было отослано. И Люба чувствовала, что что-то съ себя смыла.

Но ей казалось, что она постарѣла не на два года, а на десять.

И, на самомъ дѣлѣ, жизнь вдругъ открыла передъ ней не только нѣчто глубоко ужасное въ человѣческой природѣ, которое обнаружила въ эти дни Германия, казавшаяся ей только идеально прекрасной страной гетевскаго «Фауста» и «Лозингина», но жизнь открыла передъ ней еще и безмѣрную низость и мелочность, способную заключаться въ человѣческой душѣ. Принцы крови, потомки древнихъ рыцарей могли воровать, какъ карманные ворюшки!

И она задавала себѣ вопросъ: не воровали ли и эти отдаленные предки принца?

Статуэтка.

Мориса Леблана.

Съ франц. Е. Н.

Это было на другой день после первой бомбардировки Реймского собора.

Моя рота медленно двинулась по левую сторону города, под прикрытием небольшого леса, который нам приказано было преследовать. И вот, с опушки этого леса, впереди, на расстоянии пятидесяти метров, мы заметили солдата, который направился в нашу сторону, осторожно перебывая от одной кочки сена к другой.

Я обратил внимание, что он согнулся почти пополам под тяжестью ноши, которую он везал наверх раша. Но было невозможно послать ему на помощь, так как вокруг летали снаряды и бешено рвались гранаты. Два раза он сошел с припадком к стволу, и мы уже думали, что его поразили снарядом, но оба раза он поднимался и, наконец, изнеможенный, еле двигаясь, все ниже и ниже приближался к земле, приблизился к нам настолько, что трое из моих солдат подхватили его и отвели в безопасное место.

Его окружили заботами, накормили, дали ему отдохнуть... Видно, он давно ничего не ел, так как съ жадностью напился на бду.

Это был юноша, почти мальчик, безусый, с бледным, исхудавшим от лишений лицом, обрамленным черными спутанными кудрями, повидному, парижской рабочей, с виду интеллигентный и кемного простодушный.

Он взглянул на меня, улыбнулся и проговорил:

— Теперь хорошо, капитан, очень хорошо!

— Расскажи, откуда ты?—спросил я.

— Издалека, капитан! Вот уже месяц, как я отбился от своих и укрылся от врага. Это началось с того дня, когда я стоял со своей частью в арьергарде, в деревне, на бельгийской границе. В тот момент, когда мы уже почти приблизились к нашей армии, около меня разорвался снаряд и оглушил меня. Вечером меня подобрал священник, — славный священник, такие встрчаются в книгах... Он ухаживал за мною и баловал меня невбродно. Но спустя два дня грохот канонады стал приближаться. Надо было уходить. «Послушай, мой мальчик, — сказал мне священник, — эти дикари сожгут и разграбят церковь. Пусть будет так!.. Но кое-что мне хотелось бы спасти. Вот, я уложил это в два тюка... В одном — ценные предметы, употребляемые при богослужении, в другом — старинная статуэтка святой Бландины, покровительницы нашей церкви. Унеси это, и постарайся спрятать в надежном месте, если сможешь»...

— Что же твой тюк?

— Один тюк пришлось бросить дорогой. Я еле передвигал ноги от усталости, меня мучила лихорадка. Не было почти сил идти...

— А дальше?..

— Дальше... надо было идти и идти, день за днем, и я уже думал, что не выберусь, — такое множество «боек» было вокруг, как вдруг на прошлой неделе я увидел, что они бегут, вся их армия. Наконец-то! Я успокоился, но в каком я был вид, капитан!.. Одним словом, — вот я перед вами. И все съ этой ношей на спине...

Я спросил его:

— Отчего же ты не бросил ее, как бросил ту, другую?.. Из-за нескольких золотых вещей не стоило...

Он слегка покраснел.

— Видите ли, капитан, я сберег их, дитя... Видь я имел право выбора... Так мне казалось...

— Что же ты сохранил? Надбось, ты не рисковал погибнуть из-за куса дерева?

— Вот именно... Из-за этого сагаго!

— Но это безумие! Что заставило тебя? Твоя религиозная убежденность?

— Нет, капитан, — пробормотал он в сильном смущении. — Я не особенно верующий...

— Так что же?

— Это... Вы сейчас поймете сами.

Он потянул к себе тюк, развязал веревки, развернул покрывало и вынул статуэтку, сильно тронутую временем, высотой около трех четвертей метра. Это была святая Бландина.

Он съ восхищением заговорил:

— Ну, капитан, что вы об этом скажете? Взгляните, разве это не красота?!.. Сколько живого изящества в складках тунники... В трогательной простоте всей ее фигуры, в связанных руках!.. Как она прелестна! А ее кроткая предсмертная улыбка?..

Я был поражен. Он смотрел на святую взором художника, восхищенного видом красоты, как-будто ему действительно были понятны наивное изящество и трогательное благородство, заключавшиеся в этой полуразрушенной вкнами статуэтке. Я спросил его:

— Чья ты занимался до войны?

— Был мастеровым, капитан. Работал у рэзника по черному дереву въ предместьях св. Антуана.

— Учился где-нибудь? Прошел курс рисования?

— Нет, капитан, — ответил он, видимо, изумленный моим вопросом.

— Разъ тебъ не показывали, не объясняли?..

— Что, капитан?

— Скажи, почему между золотыми вещами и вот этим ты остановился на этом?

Он смотрел на меня съ беспокой-

— Отчего же ты не бросил ее, как бросил ту, другую?.. Из-за нескольких золотых вещей не стоило...

Он слегка покраснел.

— Видите ли, капитан, я сберег их, дитя... Видь я имел право выбора... Так мне казалось...

— Что же ты сохранил? Надбось, ты не рисковал погибнуть из-за куса дерева?

— Вот именно... Из-за этого сагаго!

— Но это безумие! Что заставило тебя? Твоя религиозная убежденность?

— Нет, капитан, — пробормотал он в сильном смущении. — Я не особенно верующий...

— Так что же?

— Это... Вы сейчас поймете сами.

Он потянул к себе тюк, развязал веревки, развернул покрывало и вынул статуэтку, сильно тронутую временем, высотой около трех четвертей метра. Это была святая Бландина.

Он съ восхищением заговорил:

— Ну, капитан, что вы об этом скажете? Взгляните, разве это не красота?!.. Сколько живого изящества в складках тунники... В трогательной простоте всей ее фигуры, в связанных руках!.. Как она прелестна! А ее кроткая предсмертная улыбка?..

Я был поражен. Он смотрел на святую взором художника, восхищенного видом красоты, как-будто ему действительно были понятны наивное изящество и трогательное благородство, заключавшиеся в этой полуразрушенной вкнами статуэтке. Я спросил его:

— Чья ты занимался до войны?

— Был мастеровым, капитан. Работал у рэзника по черному дереву въ предместьях св. Антуана.

— Учился где-нибудь? Прошел курс рисования?

— Нет, капитан, — ответил он, видимо, изумленный моим вопросом.

— Разъ тебъ не показывали, не объясняли?..

— Что, капитан?

— Скажи, почему между золотыми вещами и вот этим ты остановился на этом?

Он смотрел на меня съ беспокой-

Редактор-издатель журнала «Русский Библиофиль», уполномоченный Петроградского комитета всероссийского союза городов Николай Вас. СОЛОВЬЕВЪ † 14 августа. См. некрологъ въ № 14162 «Нов. Вр.»

— Я не знаю... Мне казалось... Должно быть, я сделал ошибку, капитан. Я думал, что золотые вещи можно возстановить, тогда как это... Ах, мысль отдать это в руки врагов, мысль, что они могут ее уничтожить или унести... Нет, капитан, я не мог!..

Спазма скала мне горло. Я видел много геройских подвигов, видел солдат, выспавшихся на плечах раненых товарищей из огня, видел раненых, перевязывавших еще более тяжело раненых... Но ничто не изводило меня так глубоко, как героизм этого мальчика-рабочего, отсутствующего в жутком одиночестве, во мразь ночи, под грохот разрывающихся снарядов, повинувшись не вполне ясному для него долгу, сгибаясь как мученик, под тяжестью непосильной ноши, многократно подвергаясь смерти — и все для того, чтобы спасти древнюю статуэтку, ижную и наивную красоту которой он постиг инстинктивно...

Глубоко растроганный, я сказал ему:

— Ты храбрый солдат!

Он возразил съ улыбкой:

— О, нет, капитан! Я даже не был въ бою.

— Да, но ты сражался по своему и вовсе недурно. — могу тебя въ этомъ увѣрить. Дай мнѣ обнять тебя, и пойдемъ вмѣстѣ. Мы возвращаемся въ Реймсъ.

Мы тронулись.

День клонился къ вечеру. Птменія пушки неистово грохотали. Надъ Реймсомъ, надъ ея чудесными башнями и величайшимъ чудомъ искусства — соборомъ — разрывались снаряды.

Вдругъ пламенное зарево заглоло небо. То пылалъ соборъ.

Литературныя замѣтки.

Блестки юмора.

Про одного изъ старинныхъ мастеровъ рассказываютъ, что на вопросъ, зачѣмъ онъ рисовалъ на своей картинѣ дѣлый

радъ ничего общаго съ ея содержаниемъ не имѣющихъ фигуръ, онъ отвѣтилъ, что сдѣлалъ онъ это для того, чтобы все могли убѣдиться, сколь хорошо онъ умѣетъ рисовать. Увлекался своимъ умѣньемъ «хорошо рисовать», г. П. П. Гибдичъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ удѣляетъ перѣдко персонажамъ, значеніе которыхъ по ходу дѣйствія разсказа совершенно второстепенное, столько же вниманія, сколько и главнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Съ точки зрѣнія стройности литературнаго сооружеія такая несоразмѣрность частей не можетъ не быть признана нѣкотораго рода преградѣн. Но такъ какъ читатель, заинтересовавшись эпизодическими фигурами, въ большинствѣ случаевъ охотно соглашается признать ихъ права на равное вниманіе съ главными персонажами, то этимъ самымъ съ автора какъ бы снимается и его грѣхъ. Въ большой повѣсти «На окраинахъ», которую открываетъ VIII томъ собранія сочиненій г. Гибдича*, содержаніе не очень сложное. У старика Медунцева, скупого богача, есть дочь, вышедшая замужъ противъ его воли. После нѣсколькихъ лѣтъ счастливаго супружества мужъ ея умираетъ, оставивъ большое состояніе, распоряжаться которымъ, въ качествѣ опекунина надъ дѣтми, предстоитъ его вдовѣ. Но старикъ-отецъ, подъ предлогомъ, что дочь, не унаследовавшая отъ него его скупости, можетъ расточить имѣніе дѣтей, рѣшаетъ прибрать его къ своимъ рукамъ, не останавливаясь для достиженія цѣли ни передъ какими средствами. Благоприятнымъ для его замысловъ обстоятельствомъ является то, что пускаться въ ходъ свои махинаціи ему приходится на Кавказѣ, гдѣ живетъ его дочь и гдѣ находится большая часть имущества, оставшагося послѣ ея мужа, а на окраинѣ, какъ съ циничною откровенностью говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ дѣльцовъ, можно надѣлать того, «о чемъ въ Россіи и не слышали». Читателя заинтересовываетъ, однако, въ повѣсти не столько эта борьба за наследство или особенности окраинныхъ порядковъ производства разнаго рода дѣлъ, сколько проходящая передъ нимъ характерная фигура, часто имѣющая отношеніе къ темъ повѣсти, иногда же никакого почти отношенія къ ней не имѣющая. Въ числѣ послѣднихъ принадлежатъ такія, напр., дѣйствующія лица, какъ писатель Кладенцовъ, артистка Бананова или мадамъ Радевичъ съ дочками. Авторъ заставляетъ, напр., Бананову, читать Кладенцову свою весьма пелѣную драму «Василиса», героиня которой, престанка, выражается въ такомъ родѣ:

Мое таинственно рожденіе,—

И, не шута,

Но знаю я, чье я творенье,

И чье дитя...

Эпизодъ съ чтеніемъ драмы, разумеется, даетъ автору случай рассыпать передъ читателемъ блестящіе своего юмора, и читатель, позабывъ на время объ интригѣ, которую отецъ ведетъ противъ дочери, остается, въ концѣ концовъ, не въ убыткѣ. Съ интересомъ читаются и страницы, гдѣ г. Гибдичъ заставляетъ писателя Кладенцова высказывать передъ юнымъ «собратомъ» свои взгляды на литературу. У г. Гибдича вообще есть нѣкоторое пристрастіе къ «диалогу», и такого рода діалоги ведутъ у него, соперничая съ находчивости и остроуміемъ, чуть ли не все дѣйствующія лица, относительно же нѣкоторыхъ (какъ, напр., Дамбьевъ) можно высказать предположеніе, что они специально выведены для того, чтобы «поддерживать разговоръ». Даже выступающій въ роли «скряги» старый Медунцевъ ведетъ при случаѣ рѣчи, въ которыхъ не безъ находчивости отстаиваетъ свое миро-

* П. П. Гибдичъ. Сочиненія. Томъ VIII. Повѣсти и разсказы. На окраинѣ. Искатели и др. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ. 1915 г. Стр. 356. Ц. 1 р.

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

ВЫСАДКА НОВОЗЕЛАНДЦЕВЪ. Перегрузка съ транспорта на шаланду

возрѣніе противъ Дамбіева, бывшаго сводится «на нѣтъ», такъ какъ любимая когда-то материализмомъ, но теперь про- нымъ дѣвушка не находитъ въ немъ того, повѣдующаго на тему о торжествѣ духа что могло бы дать смыслъ ихъ совместно- надъ матеріей и о власти плутокъ надъ му существованію. «Зачѣмъ вы всѣ такъ дѣйствительностью. «А, можетъ, такими безсильны? — спрашиваетъ она. — Почему иллюзіями только и живетъ человѣче- ство, — говорилъ онъ. — Можетъ, все счастье жизни въ томъ, чтобы, какъ Донъ-Кихотъ, принимать посуду цырульника за шлемъ рыцаря. Мы всѣ Донъ-Кихоты и всѣ смѣшны». Въ конечномъ результатѣ чи- татель, приготовившійся, суди по загла- вію, къ чтенію нѣсколько суховатой «этнографической» повѣсти, испытываетъ пріятное изумленіе, встрѣтившись съ цѣ- лымъ фейерверкомъ остроты, афоризмовъ, парадоксовъ, слетающихъ съ устъ дѣй- ствующихъ лицъ, которыя ведутъ разго- воры о душѣ, о безсмертіи, о цѣли жизни и вообще «обо всѣхъ вещахъ и о многихъ другихъ». Въ той же приблизительно ма- верѣ написана и другая большая повѣсть сборника «Некстели», но дѣйствіе ея раз- вертывается среди интересовъ, соприка- сающихся съ искусствомъ такъ, что по поводу послѣдняго и ведутся въ боль- шинствѣ случаевъ діалоги героевъ, ко- торые почти всѣ художники и вмѣстѣ «искатели, инуцие и не находящіе». Лю- бовная исторія художника Бухальцева

ВЪ ВОГЕЗАХЪ.

Наблюдательный постъ на вершинѣ горы.

НЪ ИСТОРИЧЕСКОМУ КОНЦЕРТУ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ ПОЛЪЗУ РАНЕНЫХЪ.

Извѣстная пѣвица Фелія ЛИТЕИИЪ, исполняющая сочиненный ею «Нуппе au Tsar», — «Гимнъ Русскому Царю».

въ жилыхъ которыхъ не течетъ герман- ская кровь. Среди послѣднихъ, какъ пи- шеть «Revue», видную, но очень жалкую роль играетъ извѣстный миллиардеръ Кар- неджи.

Пустивъ въ дѣло все свое вліяніе и пе- смѣтное богатство, Карнеджи ведетъ энергическую кампанію въ пользу мира, но направляетъ свою проповѣдь не по адресу Нѣмцевъ, исключительныхъ ви- новниковъ нынѣшней страшной войны, придавшихъ ей характеръ небывалаго зѣбрства, а въ противоположный лагерь. Читая воззванія Карнеджи, глазамъ своимъ не вѣришь. Казалось бы, ужъ ко- го, какъ не этого знаменитаго пацифи- ста, выстроившаго въ Гаагѣ Дворецъ мира, должна была поразить кровожад- ность и всѣ инстинкты Нѣмцевъ, но Кар- неджи, оставаясь слѣпымъ и глухимъ къ тому, что творится преступной арміей Вильгельма II, до сихъ поръ непоколеби- мо стоитъ на убѣжденіи, что германскій императоръ истинный миротворецъ и былъ бы достойнымъ предсѣдателемъ на будущей третьей Гаагской конференціи!!

Все это высказывается серьезно, не въ видѣ злой ироніи.

Вильгельмъ, очевидно, навсегда поко- рилъ сердце простоватаго американскаго богача. Какъ извѣстно, германскій импе- раторъ питаетъ большую слабость къ де- нежнымъ королямъ и даже своихъ ин- тимныхъ друзей выбираетъ среди финан- систовъ. При бесѣдахъ съ Карнеджи онъ говорилъ съ нимъ запросто, какъ съ равнымъ, и этотъ товарищескій тонъ всезнающаго монарха, — Карнеджи не мо- жетъ вспомнить объ этомъ безъ умиле- нія, — произвелъ на Американца неизгладимое впечатлѣніе; рядомъ съ нимъ ступевались всѣ ужасы германской войны.

Къ сожалѣнію, Карнеджи не ограничи- вается этой безобидной и безплодной аги- тацией въ пользу Вильгельма. Попадъ въ компанію Нѣмцевъ, онъ сталъ приобѣгать къ ихъ оружію. Весною въ Соединенныхъ Штатахъ былъ опубликованъ на мно- гихъ языкахъ манифестъ представите- лей печати всего міра, направленный противъ продажи союзникамъ вооруже- нія. Этотъ документъ подписанъ редакто- рами 431 газеты, изъ нихъ 150 Итальян- цевъ — это было еще до выступленія Ита- лій. — 44 Поляка, 37 Евреевъ, 30 Шведовъ, 25 Венгровъ, 16 Голландцевъ, 11 Фин- новъ, 11 Норвежцевъ, 9 Литовцевъ, 7 Рус- скихъ (?), 6 Французовъ, 6 Грековъ, 5 Арабовъ, 4 Хорвата, 3 Серба и т. д. По расчету нью-йоркской прессы, пропаганда для полученія этихъ подписей стоила полмилліона, и деньги, утверждали, бы- ли выложены Карнеджи. Это произвело въ Америкѣ очень тяжелое впечатлѣ- ніе.

Мелочи.

Карнеджи и Нѣмцы.

Газеты полны сообщеній о германскихъ интригахъ въ Америкѣ. Нѣмецкіе про- ниски преслѣдуютъ здѣсь двѣ цѣли: оста- новить снабженіе союзниковъ вооруже- ніемъ и склонить Соединенные Штаты къ агитации въ пользу мира.

Для участія въ этой работѣ мобилизо- ваны не только безчисленные американ- скіе Нѣмцы, но привлекаются разнооб- разными и часто совершенно неразбор- чивыми средствами многіе Американцы.

Германская зажигательная бомба для производства пожаровъ.

Редакторъ В. А. Суворинъ.
Издание Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕВЕНКИ.

Электрич., безъ красокъ, 10 р. только силою въ нихъ тока САЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ П. трюгалъ, Морская, 88.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА,

простудныхъ и ревма- тическихъ болей, даетъ Кефалдоль Дра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ВА А. С. СУВОРИНА—„НОВОЕ ВРЕМЯ“
И ВЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫХЪ КЮСКАХЪ, ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

СОЧИНЕНІЯ ПРОФ. ДМ. КАЙГОРОВОДА:

- Начальная ботаника для городскихъ училищъ. Съ рисунками. Изд. 6-е. Ц. 60 к.
- Изъ зеленого царства. Популярн. очерки изъ міра растений. Съ красочной таблицей и со многими рисунками. Изд. 7-е. Ц. 2 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.
- Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. 1-я серия. Краснолѣсье. (Хвойный лѣсъ). Популярн. очерки изъ жизни и употребленія лѣсныхъ древесныхъ породъ. Со многими рисунками. Изд. 8-е. Ц. 1 р.
- Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. 2-я серия. Чернолѣсье. (Лиственный лѣсъ). Популярн. очерки изъ жизни и употребленія лѣсныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ. Со многими рисунками. Изд. 8-е. Ц. 1 р.
- Изъ царства пернатыхъ. Популярн. очерки изъ міра русскихъ птицъ. Съ 24-мя красочн. таб. Изд. 4-е. Ц. 4 р. 50 к., въ перепл. 5 р. 50 к.
- Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю красочн. таб. Изд. 4-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.
- Черная семья. (Птицы вороньяго рода). Чтеніе для народа; съ красочной таб. Изд. 4-е. Ц. 20 к.
- Наши земныя пернатые гости. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 3-е. Ц. 20 к.
- О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 9-е. Ц. 20 к.
- О длинноногихъ и длинноносыхъ птицахъ. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
- «Лепестки». Разказы, очерки наброски. Съ иллюстраціями Михайлова. Изд. 3-е. Ц. 1 р., въ изящн. пакѣтѣ 1 р. 30 к.
- Дневникъ петроградской весны и осенней природы. Съ таблицами. Ц. 2 р.
- Второй дневникъ петроградской природы. Съ таблицами. Ц. 2 р.
- Календарь петроградской весны. Ц. 30 к.
- Наглядное (графическое) изображеніе пользы и вреда, приносимыхъ нашими птицами. Изд. 4-е. Ц. 30 к.
- Растенія мухобѣды. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Ц. 20 к.
- На разные темы, преимущественно педагогическія. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное объяснительными записками и программами по Естественнѣднью, для всѣхъ классовъ 7-ми-классной средней школы. Ц. 1 р.
- Дружба съ природой. Разказы Элизы Брайвигъ, въ изложеніи Дм. Кайгорода. Со многими рисунками. Изд. 3-е. Ц. 75 к.
- Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Часть 1-я. Съ рисунками. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 30 к.
- Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Часть 2-я. Съ рисунками. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Пернатые хищники. Съ 12-ю красочными таблицами и многочисленными рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р.
- Древесный календарь Европейской Россіи. Наглядная таблица (въ краскахъ) времени цвѣтенія, облиствования, опаденія листьевъ, а также созрѣванія и сбора сѣмянъ и плодовъ у древесныхъ и кустарныхъ растений. Для школы и хозяйства. Ц. 40 к.

Рис. изъ книги «Лепестки».

Наши весенніе бабочки. Популярн. очерки, съ 2-мя красочными таблицами и рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

Наши весенніе цвѣты. Популярн. очерки, съ красочными таблицами. Серия I и II по 1 руб., серия III—90 коп.

Наши лѣтніе цвѣты. Популярн. очерки, съ красочными таблицами. Серия I и II, по 1 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный журналъ, посвященный русско-британскому сближенію, торговли и промышленности

„РУССКО-БРИТАНСКОЕ ВРЕМЯ“

Изданіе М. А., Б. А. Суворинныхъ и С. С. Талботъ.

Редакторы: Б. А. Суворинъ и А. А. Кашинцевъ.

Редакція журнала «Русско-Британское Время» содѣйствуетъ СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ вступленію въ дѣловыя сношенія съ Великобританіей, сообщая всякаго рода свѣдѣнія о русско-англійской торговлѣ и указывая адреса интересующихъ ихъ фирмъ.

Подписная цѣна до 1 января 1916 г.—ПЯТЬ рублей.

Цѣна отдѣльнаго номера 1 руб.

Приемъ подписки и продажа отдѣльныхъ номеровъ во всѣхъ магазинахъ «Новаго Времени» и въ конторѣ «Вечерняго Времени» (Невскій пр., 52).

Редакція: Петроградъ, Эртелевъ пер., 11 (открыта отъ 4 до 6 ч. дня).